

№ 12

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

КАРА КАРАЕВ - 100

Октай МИР-КАСЫМ. Штрихи к портрету	3
Натаван ФАИГ. Это – Караев!	6

ПАМЯТИ ИВАНА ТРЕТЬЯКОВА

Антонина ТРЕТЬЯКОВА. Десять лет без тебя...	59
---	----

ПРОЗА

Марк БЕРКОЛАЙКО. Баку – Воронеж – не догонишь	15
Ляман БАГИРОВА. Осенние зарисовки	69
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Новогодние грезы	108

ПОЭЗИЯ

Михаил ЗВЕРЕВ. Стихи	53
Вера ВЕЛИХАНОВА. Стихи	104

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. Два поэта	63
Фарида МИР-БАГИРЗАДЕ. «Искендер-наме» Низами в ориентальной миниатюристике	95

2018

Содержание журнала “Литературный Азербайджан” за 2018 год 130

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 21.11. 2018г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НPKТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НPKТ ММС

ОКТАЙ МИР-КАСЫМ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В течение уже очень немалого количества прожитых лет мне достаточно часто приходится отвечать на вопросы, условно говоря, нацеленные на составление какого-либо публицистического, прикладного или информационного текста о Кара Караеве. И каждый раз я при этом испытываю удивительную, не подверженную никакой трансформации смесь необыкновенного волнения, восторга и гордости. Я начал это ощущать и, более того, осознавать еще в далекой юности, когда произошло первое соприкосновение с его музыкой. Потом, когда возникло наше тесное общение, и я стал его собеседником (более того, доверенным собеседником), он превратился для меня в один из неотъемлемых, важнейших источников глубокого «концептуального оптимизма» и счастья, безусловным кумиром на всю жизнь. Уверен, что найдется еще очень немало тех, кто аналогичным образом оценивает содержание, силу и своеобразие того воздействия, которое на них когда-либо оказал Кара Караев.

Он обладал гигантским запасом знаний, касающихся самых различных направлений: космос, физика, история, фундаментальная психология, философия, поэзия. И все это на фоне удивительной, почти юношеской впечатлительности, незаурядной интуиции и поэтического по сути представления об окружающем мире.

Его колоссальная просвещенность как музыканта и ученого, опыт глубоко новаторской профессиональной практики, требовавшей подчас, как он говорил, почти математического, рационального подхода к поиску прогрессивных творческих средств, и удивительное трудолюбие, приводившее часто к затворническому, аскетическому образу жизни, не затмили главного, из чего была соткана его натура: Караев был наполнен необыкновенной нежностью, любовью к миру, к человеку, к родным, к своей Родине. И именно это, как мне кажется, позволило ему внутри самого себя построить некую изумительную, гармоничную, может быть, несколько идеализированную, но при этом невероятно убедительную картину мироздания.

Вспомним его балеты, его «Дон Кихота», «Лейли и Меджнуна», Фортепианные прелюдии, Третью симфонию: всё это Любовь, Стоицизм, Катарсис. И Прославление!

Но лично для меня самым показательным и одновременно удивительным среди его сочинений является Скрипичный концерт – своеобразный итог его многолетних поисков. Абсолютный шедевр среди предшествующих шедевров.

Я берусь утверждать это, поскольку прошёл испытание на чувствительность, как слушатель этого произведения, не один раз и с одним и тем же результатом: для меня это были признания того, кому не чужды сомнения, кто в вечном поиске, кто стремится вырваться из мрака, исповедоваться, покаяться, расправить плечи... И признаться в любви.

Эта музыка способна, добравшись до самых недоступных глубин подсознания, преподать мне очередной урок все того же «концептуального оптимизма». Как это получилось? Ведь я не самый искушенный слушатель, вовсе даже не знаток современных музыкальных систем и форм. Но мало того, что я бываю переполнен волнением, слушая это сочинение и, случается, с трудом сдерживаю слёзы. Я слышу в нём где-то там, глубоко, в его сокровенной плоти интонации нашей, этнической музыкальной культуры. Как?! Возможно ли это, спрашиваю я у тех, кто компетентен. Возможно ли в музыке, созданной на самом острие глобального прогресса, сохранить так органично некую материнскую, коренную основу? Ответ: «Да, конечно! Ты же слышишь. Это оно и есть!»

Браво, Кара-бек! Да упокоит твою душу Всевышний! Ты в который уже раз даришь мне радость нового познания!

...В своё время на Караева посыпались обвинения в космополитизме и отсутствии у него глубокой связи с национальной культурой. Теперь это звучит даже фантастично, и люди нового поколения вряд ли вообще способны понять эту часть истории нашей музыкальной жизни. Современники же того периода стали это забывать. Старые газеты, стенограммы и отчёты, наверное, скоро истлеют в архивах. Но это – реальность. Надо помнить, что и на гениев бывает объявлена охота. Собственно говоря, главные удары были нанесены невежественными людьми, не способными глубоко мыслить. По их представлению национальный композитор – это тот, кто питается цитатами из фольклора. Но были и злонамеренные персонажи, всякие «писаки» и завистники. Так или иначе, сегодня мы помним Караева как победителя.

...Мы близкие родственники: наши мамы – родные сёстры, и элементы родовой близости и нежного отношения между семьями, свойственные всем азербайджанцам, безусловно, играют весьма значительную роль в моём отношении к Кара Караеву.

Но он – гений, и на этом фоне все патриархальные особенности и «сантименты» – какими бы трогательными они ни были – меркнут: Караев – часть национальной сокровищницы Азербайджана, и потому он в первую очередь представляет собой предмет моей национальной гордости...

Я был счастлив, когда в 1968 году мне предложили осуществить проект документального полнометражного фильма о Караеве, посвящённого его пятидесятилетию. Мне было тогда всего 25 лет, и я ещё даже не закончил учёбу во ВГИКе – институте кинематографии в Москве.

Волнение моё и чувство ответственности были огромны. И я сказал, что если Караев не посмотрит и не одобрит те фильмы, что я до этого снял, я не приму предложения.

...Караев остался доволен моими работами. Он позвонил моей маме и поздравил её с тем, что её сын...

(Цитировать его слова мне не позволяет пример незабвенного Кара Караева, поскольку он был при всём своём величии необыкновенно скромнен. Ему это было положено, как благородному человеку и истинному, образцовому интеллигенту).

...Единственное, что я хочу сказать о работе над фильмом, следующее: я делал фильм в стиле ультрадокументализма: правда, правда и ещё раз правда! Это было моё кредо. Но важнейшим фактором возможности реализации такого рода работы был сам Караев. Вся его жизнь – это «Правда, правда и ещё раз правда»! Никакой фальши, никакого лукавства. Полная гармония и полное совпадение наших принципов.

Я был счастлив в 1968 году, и я счастлив сегодня.

... Фильм я назвал «Это вступает Правда». Так в финальной сцене этой ленты звучат слова самого Караева, которого мы снимали и записывали, как и весь фильм, идеально правдиво – без всякой постановки.

Ещё раз о великой скромности Великого Человека.

Когда фильм был готов, Караев находился в отъезде. Я оттягивал официальную сдачу работы студийному начальству с тем, чтобы сперва показать её своему герою.

Наконец он приехал, и мы поздно вечером, уединившись в маленьком просмотрном зале, смотрели фильм. Караев молчал, не отрывая взгляда от экрана, я – тем более. Он курил одну сигарету за другой, а я, следуя нашему азербайджанскому этикету, при старших братьях курить не смел.

...Когда фильм закончился, и механик зажёл свет, возникла мучительно-тоскливая тишина. Я ожидал или критики, или снисходительной похвалы и несмело надеялся на одобрение или что-то «покруче»... Но молчание было за гранью моих предположений... А Караев продолжал молчать, жадно втягивая табачный дым.

...Когда пауза продлилась критически долго, и киномеханик начал постукивать в про-

екционное оконце, сделав над собой невероятное усилие, я сдавленным голосом спросил: «Ну... как?..» При этом я уже подготовил себя к самому худшему.

...А великий интеллигент ответил, почему-то не глядя на меня:

– ...Ну... видишь ли... в принципе... этот фильм посвящён...так сказать, э-э... моей скромной персоне... И я... как бы...представлен здесь...ну...достаточно...позитивно, так сказать... Поэтому... я тебе.. ну...только так могу сказать: если когда-нибудь кто-то захочет снять ещё что-то обо мне и спросит, какой бы фильм я хотел увидеть, я отвечу: посмотрите фильм Октяя и сделайте такой же.

И тут он поднял на меня взгляд. И он улыбался. Но впрямую похвалить фильм означало бы для него похвалить самого себя. Это было за пределами его принципов...

И ещё раз о великой скромности Великого Человека и о его благодеяниях.

Это было в 1970 году. В тот период джаз считался самым «греховным» направлением музыкальной деятельности в СССР. И Караев, будучи председателем Союза композиторов Азербайджана, тем не менее инициировал и провёл в зале возглавляемой им организации концерт квартета Рафика Бабаева и трио Вагифа Мустафазаде, поддержав тем самым молодых и достаточно прославившихся к тому времени музыкантов. Это было сенсационно. Караев, как настоящий хозяин гостеприимного дома, приветствовал собравшихся и произнёс вступительную речь, выразив при этом сожаление, что «не являясь достаточно образованным в области джазовой музыки, он позволил себе говорить на эту тему».

Но какая это была речь! Яркая, глубокая речь знатока-универсала, охватывающего в своей памяти многие имена, события и направления джазовой музыки. Однако для максималиста Караева этот уровень, видимо не был достаточно высок...

Мне же запомнилось больше *ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ* его интеллигентской храбрости и альтруизма.

Чувство сопричастности, «инстинкт донорства», что ли, вообще были свойственны Караеву в высочайшей степени. Это я смог пронаблюдать во время съёмок в его консерваторском классе. И это осталось на всю жизнь. С того времени прошло 50 лет. Но я то и дело обнаруживаю в себе, как педагоге, унаследованные от Караева черты. Я их берегу в себе. Это очень ценная память. Это важный курс, пройденный когда-то на уроках мудрого, поистине *ГЕНИАЛЬНОГО МАСТЕРА*.

Как наставник, Караев относился к неспособным, бесталанным студентам с каким-то тщательно закамуфлированным раздражением и сожалением. Ему как будто было совестно оттого, что он, столкнувшись со случаем, скажем, явной бездарности, не в силах оказать помощь. Он, гений, считал для себя неприемлемым отступить.

Он умел буквально озарять своей чуткостью, человечностью и мудростью даже вовсе неталантливых людей. Он всех учеников как будто уговаривал делать нереальное для их уровня, и они покорялись. Ни разу никто, даже бездари, не услышали от него слова нетерпения или досады. Только на лице его иногда становились видимы какие-то новые морщинки, и он вдруг как-то нервозно мог погасить сигарету...

А талантливых людей он обожал. И радовался им как ребёнок. И не оставлял их без опеки.

...Я думаю, что пройдя в жизни (и не бесследно) немало препятствий, познав правила борьбы и борьбу без правил, и сумев прославить своё имя, и поднявшись над суетным миром, он обнаружил в себе громадные запасы энергии, которая, преобразовавшись в доброе слово, щедрость советчика, храбрость защитника, мудрость наставника, смогла привить людям чувство гармонии и одарить их надеждой. Это, вероятно, все тот же самый «концептуальный оптимизм».

Сегодня энергия Караева продолжает питать нас его мудростью, благородством, талантом и волей. Слишком яркими были его дела в этом мире, чтобы когда-либо потомки могли забыть этого Гения. Его музыка настолько прекрасна, что она будет звучать ещё и для детей наших, и внуков. Благодарность наша безгранична, память о нём вечна.

НАТАВАН ФАИГ

ЭТО – КАРАЕВ!

Любая годовщина так или иначе склоняет к высокопарности. В отношении Кара Караева это исключено. Прошедший творческое «чистилище», он всем своим обликом отвергал нарочитость и апломб, славословие и сантименты, фальшь и патетику – эти и прочие «столпы» самопиара. Просто нес в себе Сущность...

Помню: 13 мая 1982 года. Филармония в траурном убранстве, бакинцы прощаются с любимым композитором. На лицах – потерянность, неверие в случившееся, нежелание его принять... К Караеву всегда относились особенно, он выделялся даже в той плеяде выдающихся, которой мы были счастливо одарены. И еще, по-видимому, потому, что музыкант в Азербайджане всегда больше, чем музыкант...

Рядом со мной стоит чопорный, нордического вида иностранец – финн или швед. И вдруг я замечаю, как он смахивает слезу, затем вторую... Наверное, это было для меня самым сильным впечатлением того дня. Европейцы, как известно, народ, скупой на прилюдное проявление эмоций. А тут... «Вы родственник?» – не выдержав, глупо спросила я. «Нет, – смутился он. – Я художник. Из Швеции». Его московский русский был почти понятным. «Знаете, вы счастливые. Чтобы нация состоялась, нужны имена. Великие. Они у вас есть». – Он глазами показал на сцену.

Я люблю приходить в консерваторию – здесь бродит память... Вернее, не люблю, потому что...

Еще не так вроде давно среди нас были Караев и Ниязи, Рашид Бейбутов и Фикрет Амиров, Джевдет Гаджиев и Муслим Магомаев. Нет, мы и тогда знали, что это люди уникальные. Но прошло время. И сегодня понимаешь, что то были титаны. И чем больше его проходит, тем больнее сознание того, что никто из них не повторим. Ни по глубине личности, ни по масштабам творчества. И начинаешь завидовать самой себе, что именно тебе посчастливилось быть их современником, вспоминаешь какие-то, тогда ничего не значащие детали, ненароком оброненные реплики, взгляды, шутки, по крупницам собираешь их в то, что становится твоим сокровенным ларцем. На всю жизнь.

* * *

Принято считать, что чем больше ухабов в судьбе художника, тем проникновеннее его творчество. Караев – человек внешне благополучной, а в действительности – сложной и трудной творческой судьбы. Его ухабы были внутреннего порядка: это когда слава фанфарит у порога, а ты вдруг резко меняешь курс, все начав сначала. Сколько раз такое с ним случалось! Да и вообще, мир освоенный, известный, как и многократно повторенные истины, не интересовали его, создавая необъяснимый дискомфорт. Манил эксперимент.

Если заглянуть в историю, большой художник почти всегда был низвергателем стереотипов. Ни одна из реформ в музыке не обходилась без сопротивления слуха современников, без акта «насилия» над ним – так было во времена Бетховена и Берлиоза, Листа и Вагнера, Мусоргского и Прокофьева.

Караевские повороты... Скольких они в свое время повергли в шок: от ярко-мелодической, «родной» тонально-конкретной музыки «Семи красавиц» к интеллектуальной, сложной лирике Третьей симфонии. От слепящей живописи к лаконичной графике. Эксперимент – он априори не мог восприниматься однозначно. В своей Третьей симфонии он обратился к техническим средствам, которые в то время, мягко говоря, не были популярными. Его «рискованные» звукосочетания вызвали немало дискуссий. Но ничто не могло поколебать композитора в сознании собственной художественной правоты.

Караев отличался редким даром – своим видением мира. А еще он точно знал, что существует музыка настоящая и плохая, ему при этом было все равно – сложная она или простая, джаз ли то или симфония, или в какой системе она написана. Караева интересовали не направление или тенденции, а само явление, его ценность и перспективность. Для этого нужно было, помимо всего прочего, иметь мужество и свободу внутри себя – не надо забывать, что речь идет о временах, когда гонению подвергалось буквально все. Легче назвать, что не преследовалось. А ведь зачастую люди оценивают событие или явление – вольно или невольно – вот с такой предубежденностью, живя с готовыми выводами-диагнозами чуть ли не на все случаи жизни. Не щадя при этом ни Вагифа Мустафазаде, ни Высоцкого... Многие тогда творили по принципу «можно-нельзя», что называется, с включенным внутренним цензором. В меру дозволенного, наполовину...

Может, потому сегодня, оглядывая век ушедший, мы находим там не так уж много истинных и подлинных. Таких, как Кара Караев...

... Память услужливо возвращает в тот душный весенний день.

Я прощалась с композитором. Тяжелый венок, неторопливо вязкая, полная трагизма музыка «Танца Айши», с ее тяжелыми вздохами и придыханиями, как будто уже больше не можешь идти...

Дорога казалась бесконечной, а время – остановившимся...

* * *

Он был художником предельной откровенности, что само по себе встречается не так уж и часто. Я бы сказала, – беспредельной. Не было там никакой грани, водораздела. Такими были, например, Паганини и Чаплин, Ван Гог и Тарковский – это когда невозможно размежевать человека и его профессию. Редчайшие исключения, которым это удалось – быть всецело правдивым в своем искусстве. Ведь, как правило, между тем, что чувствует художник, и тем, что он делает, неизбежно вклиниваются посредствующие звенья, извне полученные клише, которыми он пользуется почти произвольно. У Кара Караева таких звеньев, приглушающих и нивелирующих его, авторский, голос, нет. Это исходило от особенностей его личности, неспособной ни хоть чуть-чуть притворяться, ни угождать чьим бы то ни было вкусам. Он не мог идти на компромиссы, если бы и захотел.

Может, потому так удивительно узнаваема его музыка.

«Прослушав любой его четырехтакт, вы безошибочно восклицаете: это – Караев!» – писал кто-то из его современников.

Его музыка как-то не очень вяжется с мажорной поступью того времени. При этом она очень подходит его глазам... Взгляду. Смятение, раздвоенность, мольба, желание спасти... Спектр, который не опишешь... Какая-то сумасшедше безысходная безгарантированность... Безоглядный оптимизм не есть панацея. Без скепсиса нет творчества. Без внутреннего спора, раздирающего, не дающего почивать на лаврах. А быть перпендикулярным самому себе – Караеву это было известно как мало кому...

Многое удивляло в нем. Например, непредсказуемая детскость и мудрость, которые столь редко «встречаются» в одном человеке. Та самая детскость, с которой он бросался в очередной водоворот эксперимента, и та самая мудрость, глубокая философичность мышления, с которой он вскрывал трагедию героев Низами... Эту характерность подметил и психологически верно передал в своей наиболее экспрессивной, на мой взгляд, работе художник Таир Салахов. Сосредоточенность мысли погруженного в себя композитора несет в себе колоссальную энергетику! Кажется, он вот-вот встанет и кинется к роялю, чтобы воплотить озарившую его мысль.

Караев познает мир в большей степени через мозг. Чувственное же восприятие как бы находится под контролем, причем контролем сознательным и интеллектуальным. Высокая гармония «Семи красавиц», камерно-филигранная партитура «Дон-Кихота». «Он создал особый, караевский Восток, где при богатстве эмоций, красок, ритмов, господствует не сти-

хия чувственности, а тонкий интеллект», – писал о нем музыковед Лео Мазель.

Его музыка прочно соприкасается с подсознанием человека – почти физически ощущаешь это при слушании, он как бы приоткрывает завесу твоей же тайны – в тебе. Особым своим, караевским, мироощущением.

В наши дни музыкальное «сочинительство» вышло за пределы разумного, становясь явлением спонтанно-физиологическим, и едва ли не каждый второй соотечественник, если и не пишет, так уж непременно поет. У людей сегодня вообще-то больше развита практическая сторона интеллекта, нежели творческая. Желание прыгать повыше с тем чтоб достичь того, что в нашем обществе принято считать успешностью в жизни, с ее сомнительной нравственной подкладкой – все это мы наблюдаем изо дня в день и не только по телевизору. Карт-бланш, выдаваемый совсем не тем... В такой удручающей ситуации музыка Кара Караева, его прямо-таки молитвенное отношение к творчеству – как спасение, своего рода шанс на самосохранение.

... – В его музыке Восток говорит на языке Запада, а Запад с интересом внемлет Востоку, – продолжал «убеждать» меня швед. – Национальное и космополитизм, эмоции и разум, талант и профессионализм, эксперимент и традиция, джаз и симфония, Запад и Восток...

*Дорога шла в гору, мой попучик почти задышался.
Это было Шествие – то самое, караевское...*

* * *

Говорят, юность – это нежелание покоряться заведенному ходу вещей – лететь и сжигать за собой мосты. К слову, в молодости он был отчаянным мотоциклистом. Летал наперегонки с ветром, испытывая физическую потребность в риске. Она была свойственна ему до последних лет жизни, эта жажда неизведанного, перешедшая в плоскость творческую.

Один только перечень людей, с восторгом отзывавшихся о нем как о личности, впечатляет. Дмитрий Шостакович и Назым Хикмет, Чингиз Айтматов и Григорий Козинцев, Георгий Товстоногов и Евгений Светланов, Донатас Банионис и Леонид Коган. Лики эпохи... Им нельзя не верить. И все они не просто восторгались, но и говорили о влиянии, оказанном азербайджанским композитором на их творчество и современное искусство.

...Планетарное мышление, в принципе, свойственно азербайджанскому народу. Такие личности, как Насреддин Туси или Низами, – можно ли назвать лишь ученым первого и поэтом второго? То были Мыслители. Они не только не вмещались в ту область, в которой творили, они не вмещались «в этот мир»! Не потому ли так актуально их мировоззрение, прогрессивны их высказывания? Мыслители, с их поистине вселенской психологией, воздействовавшие на всю историю развития человечества.

Караев, несомненно, из этой когорты, носитель той самой «планетарности», которая, по-видимому, и толкала композитора, не вмещавшегося в рамки табуированности, на то, что сегодня непонятно называют «инновациями». Бесконечные «измены» самому себе – как это было свойственно ему! Перекраивать себя, ломать когда-то выстраданное – подобное «кощунство» по плечу далеко не каждому. Куда как легче всю жизнь тиражировать однажды найденное.

Из высказываний самого композитора.

«Художнику может быть и 30, и 60. Пусть руки его покрывает сеточка морщин, а голову серебрят седина, сердце его не должен задеть снег старости... В тот миг, когда в нем поселится равнодушие и уйдет беспокойство, художник больше не может считать себя художником... Проводить чистку в самом себе с каждым разом становится труднее. Легко сказать: откажись от взглядов, приемов, стиля, которые разрабатывал и совершенствовал годами и которые когда-то принесли тебе успех. Но ведь это со временем отстоялось и выродилось в стереотип. И этот стереотип мешает писать и думать по-другому, мешает пони-

мать новое, что рождается в жизни. Да, трудно, мучительно трудно отказываться от самого себя. Но на такую работу надо решаться постоянно, если не хочешь оставаться близоруким и ненужным. Такой композитор через некоторое время окажется безнадежно устаревшим. Надо двигаться не по кругу, однажды тобою начертанному для себя, а по спирали, каждый раз оказываясь на новом витке. Именно так, отказываясь от всего отжившего в себе, творили Пикассо и Лев Толстой...»

Эти строки повергают в невеселые раздумья. Вот они, караевские критерии!

И – невольно: а на кого ориентируются наши нынешние композиторы, выдающие за продукт вдохновения одну песню-слезовыжималку за другой? Не думаю, чтобы это были Толстой и Пикассо.

И сегодня, когда стало модным спорить о цивилизованности того или иного народа, его древности или современности, о ментальных установках и генетических принципах той или иной нации, я вспоминаю Караева, который ни о чем подобном не задумывался. Не искал аргументов – за или против, он работал. Не деля вида, он делал дело, тем самым оставив нам непреложно караевский аргумент – свое творчество.

... Жара, похороны композитора. Тяжесть венка, что мы несем вдвоем все с тем же шведом, и его воспоминания о «встречах» с великим композитором. Путь не очень близкий – от филармонии до Аллеи почетного захоронения. Удушливый подъем под неумолкающий голос попутчика – то ли монолог, то ли диалог...

«Понимаете, вам не нужно кончать дорогих колледжей или лицеев – у вас есть Караев... Достаточно послушать его музыку, и вся цивилизация будто у вас на ладони...»

* * *

Он обладал редкостной способностью к охвату самых различных пластов искусства. Л. Коган в своих воспоминаниях рассказывает, как Караев поразил его, сделав подробный анализ скрипичного концерта Альбана Берга, разобрав досконально его строение, технику, детали композиции, музыкальный смысл... Именно тогда и предложил ему Коган написать концерт для скрипки, что Караев и сделал, посвятив последний великому скрипачу.

... Как-то, проводя переключку в классе музыкального колледжа, где я преподавала, наткнулась на «Кара Караев». Симпатичный мальчуган встал и с виноватым видом поправил: «Караев Кара». От пустячной перестановки слов смысл менялся кардинально! «Родители – поклонники его музыки, – как бы оправдывался он, – вот и назвали меня: а вдруг!»

В наши дни человечество усиленно ищет тот самый «ген гениальности» – лично у меня эти попытки, кроме улыбки недоумения, ничего не вызывают. Ну, как можно «вычислить» КАРА КАРАЕВА! Слишком многое для этого должно сойтись: чтобы он родился именно на этой благословенной земле, выпитал этот благодатный воздух, и чтобы его учителями стали два гения – Узеир Гаджибеков и Дмитрий Шостакович.

И еще: чтобы этого пожелал Всевышний...

Я провожала его – до самого до...

Или – до самой...

Тяжеленный венок, непосильный для хрупкой третьекурсницы, в тот душный майский день... Сама выбрала – чтоб побольше... Я несла его уже вдвоем с Шовкет ханым Алекперовой, которая поменялась с моим напарником с середины пути, завидев мои мучения... И все пыталась оттягивать его, венок, на себя, приподнимая, чтоб мне полегче... И – рассказывала мне о нем, о «Карике», «родном и неповторимом», причитая в платочек...

* * *

Недавно, перебирая семейные реликвии, я обнаружила в архиве отца (в то время он работал корреспондентом газеты «Советская культура») статью Кара Караева. Листы, ис-

пещренные «бисером» караевского почерка, – это была будущая публикация композитора к юбилею своего учителя – великого Узеира Гаджибекова. Скрупулезность, с которой была отредактирована собственная же рукопись, поражала. Помню восторг отца: «Вот так бы все авторы!» Я никогда не видела рукописей его партитур, могу лишь представить, как они выглядели после правки. Вот она, бескомпромиссная караевская самотребовательность, рьяное неприятие дилетантизма, беспощадное ко всему абсолютно, чем бы он ни занимался. И сегодня, когда эпидемия безответственности, кажется, захлестнула все и вся, листки эти смотрятся как немой укор. А восторги переходят в поклон...

Помню звонок Кара Абульфазовича с просьбой добавить отдикованный мне по телефону абзац – отец был в командировке – и ремарки, ремарки...

О его работоспособности ходили легенды. Как тут не согласиться с Ш. Дюбо, утверждавшим: «Гений – это неспособность ничего не делать».

... Май... ненавистный... 13-го ушел Караев, 14-го уйдет отец... Тогда я не могла этого знать...

Караев – что я знала о нем в детстве? Очень мало чего. Бахрам... Абрахамс... Это все – на то время. Сегодняшние, правда, знают еще меньше...

«Продам квартиру на Караево», – наткнулась как-то на строку в объявлении агентства недвижимости. Точнее, споткнулась. Среди прочих нахвалений – «санузел отдельно... Несolidных прошу не беспокоить...»

Скоробило, полоснуло, взбунтовало. Да и кто он – солидный? Караев явно бы не пошел под «высоту» сей планки, как мне представляется. Ракурсно не подошел.

Эти люди как национальная реликвия. А реликвий много не бывает. Штучное производство. И еще недавно среди нас они – были, со своим, ни на какой другой не похожим графиком, что ли, жизни, особенным взаимодействием со средой обитания...

Не понять им, боюсь, такого, – пребывающим в духовном коллапсе...

С «мойдадыром» и паркетом «мазайка»...

Печальные трансформации – они на каждом шагу. Для меня печальные – повыводилось все как-то, поизмельчалось. Караев – караоке... Шопен – шопинг... Пиццакато – пицца... Или вот – ну кто сегодня знает Дугу, композитора? Я не про хот-доги, нет... Эта повальная «модификация» с неимеющим аналогов гастро-разгулом... Шашлычная «Vivaldi», ресторан «Ландау»... Святыни, брошенные под ноги, причем в прямом смысле порой... Так, например, магазин стройматериалов, с кафелем и метлахом, что вдохновенно зовется «Симфония»... А кафе-ресторан на той же улице назван... «Зэт-зэт»...

Иное время, с разницей – как между Ленинабадом и ленинопадом (я про падеж памятников Ильичу)... Да, мы тогда многого не знали. Знали про рубанки, не знали про банки... Но! Шостакович учил Караева... Причем, бесплатно! Уже за одно это прощаю Ульянову его амбицию. Караев, любимый ученик Шостаковича, «гордость Московской консерватории» – как он его называл. «Я не столь самонадеян, чтобы пользоваться выражением «мой ученик», говоря о таком большом композиторе, как Кара Караев. Но я всегда буду гордиться тем, что этот замечательный музыкант занимался в Московской консерватории по классу композиции, руководить которым было доверено мне». Услышать такое из уст самого Дмитрия Дмитриевича...

Да, многое поменялось с той поры. Лира – она была совсем другой. Не купюрной... Гольденвейзер не вязался с «golden», а рояль не имел отношения к обанкротившимся вкладчикам... Как ни хотелось не скатываться к схеме «было-стало», без «сравнительного анализа» не обошлось. Не получилось. Время, когда на день рождения можно было подарить книгу, а то и... «самиздат», и увидеть счастье в благодарных глазах именинника...

Ощутима она, разница, чего уж там. Разница как между «кинохитом» и «Дон Кихотом». Хотя... У него это получилось без разницы. Я говорю о киномузыке Кара Караева.

Это тот самый случай, когда не просто музыкальный фон к фильму, а нечто большее, что утраивает эмоциональное воздействие от кадра, когда от него невозможно бы-

вает отвести не только глаз, но и ушей. Продлевая жизнь седьмой музы, увековечивая ее. Цитата из письма Григория Козинцева – не удержусь, приведу ее полностью, рука не поднялась урезать:

«Дорогой Кара Александрович! Вчера по телевизору у нас показывали «Дон-Кихота». Я не люблю смотреть этим способом свои фильмы. Да и вообще не очень-то люблю смотреть старые работы. Много людей на экране, которых уже нет в живых. Фильмы кажутся недоделанными, многое не вышло – то из-за безобразий нашего дела, то по собственному недомыслию и отсутствию воли. Но в этом случае мне не захотелось уйти из комнаты до конца. И причиной этого была больше всего Ваша музыка.

Я и прежде любил ее, а теперь – прошло уже много лет – она показалась мне еще лучшей. Есть под всем такая скорбь и ощущение глубокой печали этого зова, по которому человек отправляется не то дурака валять, не то на Голгофу. Поразительной силы и точности ощущение самой сути романа в Вашей музыке. Ничего лучше и не придумать. Наверное, у Вас это совпало с чем-то своим; иначе так не сочиняется»...

Незаурядность караевского мышления сказывалась абсолютно во всем, в том числе – его отношении к киномузыке: «Не мыслю современного композитора без работы в кино или театре, и дело не только или не столько в технологическом совершенствовании. Как ни парадоксально, находясь в подчиненном положении, стремишься ярче самовыразиться».

И ему это удавалось! Вспомним музыку к таким разным фильмам, как «Двое из одного квартала», «Гойя» (в соавторстве с Фараджем Караевым) или театральным постановкам – «Оптимистическая трагедия», «Гамлет», «Антоний и Клеопатра». Она, эта музыка, – не просто звуковая иллюстрация к тому или иному кадру или эпизоду. Это в каждом случае – захватывающее слушателя симфоническое полотно, могущее существовать автономно, без экрана или сцены.

«Находясь в подчиненном положении»...

А ведь и впрямь: в эпоху того «проклятого» застоя, вопреки «препонам и рогаткам» шедевры все же создавались. Да еще какие! Выходит, экстремальная ситуация художнику необходима. Как часто сегодня на том же Западе недоумевают: у них там и условия жизни несравнимо выше, и само творчество возведено едва ли не в культ, а таланты все же рождаются у нас! То есть гений – это когда не благодаря, а вопреки!

Караев и тут оказался прав...

... «Одно из самых сильных потрясений юности – «Аппassionата» Бетховена, Скрипичный концерт Мендельсона и «Прекраснейшая» Кара Караева»...

Откровениям шведа, казалось, не будет конца... Он вновь оказался в паре со мной, сменив предшественницу, которой стало нехорошо с сердцем.

Нам с ним было суждено донести этот... крест...

Крест утраты...

По существу, он открывал мне моего великого земляка.

Рождение началось со смерти.

Так состоялось бессмертие...

* * *

Художник, сметающий на своем пути каноны и догмы. В каких только смертных грехах не обвиняли его в свое время – он и космополит, «оторванный от народа», и джазмен (последнее было сродни ругательству). Но, как это ни странно, именно Караев открыл для меня мугам. Национальное в его творчестве предстает в совершенно ином качестве. И это – единственный, по Караеву, путь развития национального в музыке. Мугам – как стиливой фундамент композиторской школы Азербайджана, который по прошествии лет прослушивается в его музыке, как никогда. И не только мугам.

Его Третья симфония, присно печальная, – я говорю о ее принятии в свое время, вернее, непринятии. Слушаешь ее сегодня, недоумевая: и за что его так продинамили? Где

они там узрели «чуждые нашему человеку» и иже с сим элементы? Так и слышишь, особенно во второй ее части, ашугские наигрыши, явственно так...

Музыка Караева прямо-таки пульсирует мугамом.

Когда-то, учась в музыкальной школе, я разучивала одну из его фортепианных прелюдий. И тут «космополит» Караев предстал в неожиданном облике. Мелодия то безудержно экспрессивная, то затихающая, кантиленная. И хотя «внешне» не было очевидно схожих черт, ладово-интонационная структура пьесы не оставляла никаких сомнений: это был мугам с его ритмической свободой и речитативностью. Позже, когда я читала его высказывания о фольклоре, правильном обращении с ним, мне многое стало ясно.

«Мы, – говорил Караев, – порой обращаемся с фольклором так, как нерадивый хозяйственник с нефтяной скважиной – выкачивает ее до полного истощения. И что самое интересное, – часто такого художника называют «народным», хотя по существу речь, скорее, идет о плагиате». «Бесхозяйственностью хозяйственника» называл Караев подобное беззащитное потребление фольклорных ресурсов. «Надо не просто брать уже созданное, а попытаться понять сущность этих шедевров и создать свое, внутренне, структурно близкое».

История восточных Ромео и Джульетты в его музыке – трагическое стечение событий и испепеляющая бездна страсти, воплощенных с силой, сотрясающей душевный покой слушателей. Безусловно, в основе музыки лежит мугам. Но Караев здесь не просто цитирует мелодии азербайджанских мугамов, он переосмысливает их, вводит в сферу своего симфонического мышления. И степень активности этого переосмысления чрезвычайно высока!

Удивительна и та легкость, с которой он входит в музыкальную стихию других народностей. При этом, о чем бы ни писал Караев – о трагедии человека, живущего в условиях ужаса расовой дискриминации, о пробуждении закабаленных народов Южной Африки в борьбе за свои права и достоинство, о светлой и драматичной любви героев бессмертного Низами или приключениях доблестного идальго из «рыцарского» романа Сервантеса – он всегда остается азербайджанцем, с присущим ему видением мира. В связи с этим Караев приводит интересный факт:

«Я пишу музыку на испанские, болгарские, вьетнамские темы, а мне говорят, что на ней лежит отпечаток моей национальности, моих азербайджанских рук. Как это происходит – я не могу объяснить и не задумываюсь над этим».

А ведь и впрямь – разные эпохи, страны, образы, но это всегда – Караев, со своим неподражаемым композиторским стилем и почерком.

Мне показалась интересной мысль Чингиза Айтматова по поводу балета «Тропую грома»: «Как подлинный художник, Караев не мог быть спокоен, когда в мире существует расовая дискриминация, когда совершаются насилия и беззакония, льется кровь беззащитных людей. Его голос, возмущенный и гневный, звучит со сцен театров и концертных залов различных стран, по радиостанциям различных континентов»...

Подумалось: если он так реагировал на события в государствах далекой Африки, то какую же музыку сочинял бы он сегодня, когда не погасло еще пламя огня гарабахского? И еще один момент – так сказать, о «лимитированности», что ли, творчества, издержках его временного «ценза». Как часто случается так, что тема, литературная основа исчерпывается, изживает себя, снимается с «повестки дня», а вместе с ней умирает и музыка. Почему умирает? Наверное, потому, что ее и не было. Да, была спекуляция на злобу дня, злобу, повлекшую демагогический «бунт» композитора. Примеров – сотни. Взял, казалось, тему, жарко-жаркую, – вот де и ухватил фортуна за хвост. Ан нет, промахнулся. С вечностью...

С Караевым этого не произошло – апартеида, например, давно нет в мире, а музыка его «Тропы» актуальна – хоть сейчас ставь по ней! А бывает, повторяюсь, что вложил «огонь души», а поезд ушел... И надеяться на то, что «смерть наведет хрестоматийный глянец», дело зряшное. Пробраться в новое Время не для всех реально.

Время, что отсеивает плевелы, оставляя лишь тех, кто...

Он писал музыку на века.

...Ошеломляюще пронзительная кантилена его «Колыбельной», струящаяся над кладбищенским оцепенением, при звуках которой уже никому не удалось сдержать слез... Как неумолимая констатация того, что его, композитора, тропа жизни... Увы!

Плохо сегодня без караевской пронзительной ноты, его пронзительного взгляда, устремленного на тебя и сквозь тебя одновременно. Он очень узнаваем – взгляд азербайджанца-просветителя. Так смотрели Зардаби и Джаббарлы, Узеирбек и Мирджавад...

* * *

А звания...

Они как-то блекнут. Со временем. И смотрятся изрядно иначе – прижизненно, постжизненно... Когда-нибудь, после, они, бывает, даже приземляют, что ли, личность. Сколько уж раз наблюдаю подобное. И так оно было везде и во все времена.

«Кара Караев, Герой соц.труда»... Какого такого труда? Или, будь он «героем кап.труда», создание «Семи красавиц» было б куда проблематичней? «Расул Рза, член ЦК комсомола»... Кстати, это относится не только к художникам. Очень несуразно читать: «Мир Мовсум Ага. Гражданство СССР». Приметы времени, понятно, – его отметины, и все же... Ну не может Вечность соседствовать с регламентом. Потому что гении – они не на краткосрок. «Талант, рожденный Октябрем» – это о Караеве, понимаешь. Или вот: «Высоко несите знамя Краснопресненского райкома комсомола», – так напутствовали Ростроповича, который собирался играть прокофьевскую виолончельную сонату, ему посвященную. «Я, говорит, играл и думал – вот бы не уронить это самое знамя», – рассказывала Вишневецкая. В Копенгагене, кажется, был концерт. Если пойти вглубь, – ну кому сегодня особо интересно, что Гете был первым министром при дворе Веймарского герцога, а Гайдн служил при князе Эстергази...

Кто ты – человек или Вечность – устанавливается совсем иными «тестами»...

Потому что искусству нужны не большие – великие.

Ну, а когда понимаешь, что Народными были Бюльбюль с Рашидом, «наряду» с нынешними фанерщиками, хочется взять и «уволиться» из этого мира. Уволиться, чтоб там, в мире ином, извиниться пред теми, кто вознес планку – ту, недосягаемую...

* * *

Чем больше думаешь о Кара Караеве, тем больше убеждаешься в мысли: настоящий композитор должен быть Личностью, с ее мировоззренческой независимостью и бескомпромиссностью. Как все-таки здорово, что он не игнорировал педагогическую деятельность! Ведь довольно часто случается и так, что гениальные художники избегают ее, боясь «попусту» растратить себя. Его школа – это целая система воззрений, творческих принципов, мерило этического отношения к жизни и искусству. Его школа – это блистательные имена, не требующие заглядывания в википедию. Фамилии, сами за себя говорящие. Ну каких «доказательных» пояснений требует, к примеру – «Франгиз Ализаде»?!

Он обладал особым магнетизмом. Иначе как объяснить факт из его педагогической практики, когда к нему приехал учиться 40-летний «студент» из Москвы – бросив все, начав с постижения азов. Караев, оставивший блистательную плеяду композиторов, ставший их Гуру, без всякого преувеличения. Что до тех из его учеников, кто не стал композитором «сто процентно», разбавив специальность эту другими, – на дорогах жизни, всегда непредсказуемых, по-разному оно складывается... Так вот одна только поладовская «Gəl, ey səhəg», как по мне, может дать фору сотням «честных» симфоний... Этот шедевр песенный на все времена... А Шаинский, недавно ушедший, с его кузнечиком зеленым, который «в траве сидел». Тоже ведь его ученик, только почему-то об этом мало кто знает. Он-то и был – тем самым 40-летним студентом, выше упомянутым...

«Я всегда навсегда – ученик Караева. И хочу поклониться до земли любимому композитору и в его лице мудрому и доброму Азербайджану!» – напишет он, любимец детей и взрослых.

Вот так вот умел разнотонально влиять на студентов Кара Караев, на их будущую музыкантскую судьбу...

Добиться похвалы было очень непросто. Суровость знаменитого караевского «не ругаю – значит, хвалю» испытали на себе даже очень талантливые. Во всем, что касалось школы, Маэстро был неумолим. Начинаящим композиторам, которые обычно склонны увлекаться «модерновой» музыкой, не овладев как следует азами музыкального языка, он говорил: «Сначала покажите, как вы рисуете нос, а уж потом только – нечистую силу».

Караевский юмор! Один только эпизод: как-то один из студентов сказал: «Кара Абульфазович! Мое сочинение разрастается. Боюсь, соната получится». На что последовал резонный ответ: «Не бойтесь, не получится». Кладезь остроумия и афоризмов – именно так отзывались о Караеве боготворившие его ученики.

«Быстро летит время. Еще быстрее движется жизнь во всех своих сферах. Искусство догоняет, а иногда и обгоняет ее. И самые ценные из художественных творений надолго останутся живыми страницами в музыкальной культуре».

Воистину эти караевские слова можно отнести к пророческим. Хочется лишь добавить: навсегда.

Да, он умел заглянуть в будущее. И не только творческими прорывами «в лицо» авангардных Третьей симфонии и Скрипичного концерта. В этом я убедилась совсем недавно.

Мой друг-режиссер, завершая работу над художественной лентой, попросил меня помочь с подбором музыки к заключительному кадру – самой трагической сцене фильма, где мальчик-сирота остается один на один со своими фатальными, похоже, проблемами, не умея выйти из сложившегося положения. В отличие от того мальчика, мне долго раздумывать не пришлось: «Альдонса»! Этот психофизический монолог, обращенный к предрациональному в нас, своего рода рентген души, с ее обертонами, с ее пульсирующей драмой и невиданным разбродом... Это как прогляд в Небо. Небосклон, затянутый тучами судьбы...

Я не ошиблась: то, как караевская музыка легла в кадр, изумило не только нас с режиссером, но и многих за рубежом, где позже монтировалась лента. «Кто это? Что это? Чье это?» – вопрошали тамошние киношники, прослушивая мелодию снова и снова. «Ты бы видела их лица – как они ее там слушали, – рассказывал мне по приезду режиссер. – Ну не сомневались, что композитор написал ее именно для этого фильма – будто изнутри высвечивает кадр...»

Кадр, которого он никогда в жизни не видел – вот оно, караевское «обогнать время»! Невероятно, но он и после смерти приходится ко двору времени, ко двору жизни, ко двору души человека, оставаясь нужным – самым-самым... И это сегодня, когда, кажется, изменилось само лицо мира, сам лик искусства...

...А память вновь возвращает в тот печальный день, с беспощадной послушностью выдавая одну деталь за другой, словно выхватывая их вспышкой кинокамеры. Светлосильный внук композитора с вдруг поселившимся ужасом в глазах, не в силах осознать случившееся, в голос плачущая Шовкет ханым и речи, речи... Бесконечное перечисление титулов и званий композитора. Удивительно, но это был тот самый случай, когда перечень регалий занижал масштаб личности, которую предстояло предать земле. Ну какое это имеет значение – каких премий он лауреат – ленинских, сталинских... Ведь он – Караев!

Парадоксальность феномена «Кара Караев» продолжала свое победное Странствие...

И может, потому на всю жизнь в память впечаталась фраза, оброненная все тем же «неизвестным художником» из Швеции. Нагнувшись за комом земли, произнесшего: «Он открыл мне тайну Сервантеса»...

ЗЕМЛЯКИ

МАРК БЕРКОЛАЙКО

БАКУ – ВОРОНЕЖ – НЕ ДОГОНИШЬ¹

*Не властны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.*

Евгений Баратынский

**Моим бакинским друзьям, – и пребывающим со мною в этом мире:
Саше, Савелию, Эльдару, Ниязи, и тем, кто уже ушел из него: Эмину
Алиеву, Рауфу Сафарову, Шурику Тверецкому, Лене Прилипко.**

Стереотип воспоминаний о городе, в котором вырос, хорошо известен: родной дом – родной двор – родная улица – опять же родные детский сад, школа и институт – первая любовь – первая разлука... и все это потряскивает от чувств; потряскивает однообразно и утомительно, как кастаньеты у долго выплясывающей испанки.

Много подобного содержится в моей повести «Седер на Искровской», теперь же, отдавая воспоминаниям более скромную дань, пишу не ради них, а для того, чтобы выразить свою привязанность к той великой и уникальной общности, которую называю бакинским народом; для того, чтобы еще раз восхититься Баку, где совсем недавно провел свой семьдесят третий день рождения.

А до этого не видел тридцать семь лет – такой вот мистический перевертыш чисел: «73 – 37»!

... Проспал, потрясенный впечатлениями, шесть часов кряду.

Вышел на балкон и увидел, что рассвело едва ли наполовину.

До первых поздравительных звонков и эсэмэсок было еще долго, жена крепко спала, так что я, семидесятитрехлетний «новорожденный», оказался один на один с миром, в котором царил тишина.

От бухты дул ветер, та самая благословенная «моряна», которая и в самые жаркие, душные ночи дарила пару часов «провидческого» полусна – это я вспомнил тяжкую неделю подготовки к экзамену по теоретической физике, когда крыша дома, – она же и потолок квартиры, поскольку чердаков и мансардных этажей в Крепости не бывало, – раскалялась за день так, что был явственно слышен запах плавящегося кира. Огромные формулы можно было впихнуть в голову только если сидел под вентилятором, завернувшись в мокрую простыню; понять же хоть что-то из накануне «впихнутого» удавалось только постфактум, в рассветные часы, в полусне, наваянном «моряной». И вот, наверное, по аналогии, в голове моей стало что-то такое проясняться и укладываться, и я негромко, чтобы никого не будить, заговорил, обращаясь к едва видневшемуся в молочной дымке острову Нарген.

¹ Журнальный вариант

Заговорил, будто бы отвечая строгому экзаменатору:

– Прости меня, Баку. Прости мои тогдашние глупость и высокомерие, с которыми я считал тебя не устремленным в будущее, не могущим вырваться из обрекающего на архаику ярма нефтегазовой триады «добыча-транспортировка-переработка».

Прости, я не понял, что это не ярмо твое, а корона – ведь оказалось, что даже двадцать миллионов тонн недоразведанной отцом гобустанской нефти, даже эта капля в море в сравнении с ежегодно добываемыми в России пятьюстами пятьюдесятью миллионами тонн, помогает тебе становиться еще краше, еще чувственнее, еще величественнее.

Я недооценил тебя, прости!

I. ВОРОНЕЖ

Из Баку я уехал осенью 1967 года, после окончания университета. В моем красном дипломе стояло «математик, учитель математики», но быть учителем меня не привлекало, – мечтал решать сложные и интересные задачи. Волны счастья от выстуканного одним пальцем на машинке «Теорема доказана» (моя! мною доказана!) уже не укачивали – понял, что результаты, которые получил в дипломной работе, которыми гордился еще в июле, примитивны.

Однако способен ли создавать что-либо, чему можно было бы радоваться не только через два месяца, но и через два года – не знал.

И все равно мечтал, и даже определилась область математики, – нелинейный функциональный анализ, – в которой тянуло работать, однако в Баку именно в этой области не было того, что называется школой.

Не той, конечно, школой, в которой геометрия зиждется на воззрениях Евклида, – нет, речь о том не учрежденном формально, но более чем реальном, что даже по ночам заставляет думать над рассказанным на семинарах Красносельского, Крейна, Владимира Ивановича Соболева; где задачи, над которыми бьешься (а ты непрестанно над чем-нибудь бьешься), развивают классические исследования Никольского, Сергея Львовича Соболева, Канторовича, Бесова, Лизоркина...

В Баку – увы! – такой школы не было, а в Воронеже была, и имена легендарных ее основателей: Марка Александровича Красносельского, Селима Григорьевича Крейна и Владимира Ивановича Соболева мною с глубочайшим почтением уже названы. Еще назову Якова Брониславовича Рутицкого, заведующего кафедрой высшей математики ВИСИ – Воронежского инженерно-строительного института, аспирантом которого в 1968-м я стал, а до того год преподавал в пединституте Курска.

И вот оттуда-то, выхлопотав три свободных дня, я направился в Воронеж, знакомиться.

Железная дорога от Курска до Воронежа однопутная и одолевалась поездом «Воронеж-Киев» за восемь часов. На перрон курского вокзала из купейного вагона вышли человек двадцать с чемоданами и сумками, а вошел в него, с неплотно набитым портфелем, только я. Из этого следовало, что можно будет завалиться на верхнюю полку любого свободного купе и заняться тем, чем стоит заниматься в столь медленном поезде: изредка любоваться пейзажами, совсем изредка пить чай, а в остальное время спать. Но пассажир предполагает, а проводник располагает, – и уверенной в своем праве располагать воронежанкой (или воронежкой?) я был определен «на постой» к молодой женщине с дочкой лет восьми-девяти. Женщина, по моему

разумению, должна была бы запротестовать, но нет, смолчала и даже, как мне показалось, заинтересованно смолчала. Каюсь, отнес это на счет бросившегося ей в глаза моего обаяния, однако вскоре стало ясно, что с интуицией завязтой болтушки она разглядела во мне нечто большее, нежели зачатки мужской привлекательности, а именно – готовность слушать.

Инна! Не знаю, живы ли вы – как-то так случилось, что за пятьдесят лет ни разу вас не увидел...

Инна! Откуда вы так хорошо были осведомлены о секретных КБХА и ОКБ моторостроения? о полусекретном механическом заводе? о таинственном и постоянно расширяющемся комплексе «почтовых ящиков» микроэлектроники на левом берегу?

Инна! Я понимаю, в России все тайна и ничто не секрет, но как вы не боялись выкладывать столько «не общедоступного» мне, совершенно незнакомому человеку? За восемь часов пути вы дважды насильно меня накормили, задали шесть вопросов: кто такой? зачем еду в Воронеж? как три года буду жить вдаль от семьи? знаю ли Юлия Гусмана? Муслима Магомаева? Полада Бюльбюль оглы? – без особого интереса выслушали ответные десять фраз, а все остальное время говорили, говорили, говорили...

Потом, уже выходя из купе, наказали очень серенькому мужу и его еще более серенькому водителю нести чемоданы предельно аккуратно, поскольку в них много стекла, взяли за руку молчавшую (!) всю дорогу дочь и ушли, бросив мне «До свидания!», равнодушное, как поклон уставшей примы едва заполненному залу.

И исчезли из моей жизни навсегда, сыграв в ней фантастически значимую роль!

Ибо, глядя вам вслед, я твердо решил *не возвращаться в Баку после аспирантуры!*

А друзья, еще когда заканчивал университет, узнав о моих планах учиться в аспирантуре в Воронеже, спрашивали: «Ладно, то, что уезжаешь, еще понять можно – ради математики. Но почему не в Москву, не в Ленинград, не в Новосибирск, в конце концов? Почему по принципу: «Баку – Воронеж – не догонишь»? И получалось, что убегаю из родного города в какое-то неприметное место, где тоже стану неприметным. Это как-то царापало, не скрою... может, поэтому в первых двух моих романах действие происходит во вроде бы вымышленном Недогонеже.

Но как после рассказов Инны было не принять решения остаться в Воронеже навсегда?! Ведь кроме сообщества замечательных математиков он вместил в себя самолето-, ракето- и двигателестроение, предприятия радиоэлектронной промышленности и микроэлектроники, производство синтетического каучука, шин, тяжелых прессов и экскаваторов, которые в голове моей, разбухшей от голоса Инны, легко трансформировались в установки для легендарных «Катюш».

И из этого изобилия науки и индустрии – обратно в мой славный Баку, в котором жилось так ласково... но в котором кроме нефтедобычи и нефтепереработки, кроме лишнего ауры дальних плаваний Каспийского пароходства и нескольких небольших заводов не было, казалось мне, ничего сравнимого с воронежским великолепием?! Ах, *Инна*, вы подвели меня к двери в манящую *инаковость* – и я принялся в нее биться, радуясь приоткрыванию еще на сантиметр, еще на чуть-чуть... и бьюсь до сих пор, уже твердо зная, что никакой *инаковости* за нею нет.

Легко получил место в гостинице «Воронеж», – она располагалась тогда в здании с часами на площади Ленина, – просто подошел к стойке регистрации, сказал: «У меня забронировано» и подал паспорт с вложенной в него двадцатипятирублевой. Метод этот, усвоенный из рассказов бакинцев о поездках в Москву, оказался действенным, однако хватило бы и десятки, поскольку я оказался пятым в номере с двумя армянами, одним дагестанцем и снабженцем из Житомира, и все они, люди опытные, учили меня, что двадцать пять – это поощрение разврата. Учили и во время вечернего застолья, в котором я поучаствовал бутылкой азербайджанского коньяка, долго-долго хранимой мною в Курске, и опустошенной в первые же часы пребывания в Воронеже. Так же дружно были распиты «Старка» и водка «Московская» – взносы остальных участников. Полтора литра на четверых крепких мужиков и тогдашнего меня – худого математика мужеска пола – явный недобор относительно нормативов тех времен (пол-литра на брата), однако и это количество алкоголя обеспечило непоказное воцарение дружбы народов.

Правда, снабженец, щирый украинец, успел уведомить, что после войны в Житомире опять развелось много евреев, на что дагестанец возразил: «Среди евреев тоже много хороших людей есть!» – и тема была исчерпана.

Правда, армяне успели заявить, что азербайджанский коньяк – это армянский, завозимый в Азербайджан бочками и разливаемый там в бутылки: «Только этикетки, и то плохо азербайджанцы делают!» И в том поклялись мамами – однако тут уже я не выдержал и заспорил. Пояснил (моя мать, в отличие от их матерей, работала экономистом в «Азсовхозтресте», которому подчинялась вся тогдашняя винодельческая промышленность Азербайджана), что виноградники и предприятия, обеспечивающие эриванский и одесский заводы Шустовых коньячным спиртом, находились и находятся именно в моей родной республике; что рецептуры азербайджанского, дагестанского и грузинского коньяков были в 30-е годы *разработаны*, а не *куплены* у французов, – в отличие от тех, что задолго до революции были приобретены у них для производства армянского. «Так что Черчилль любил, по сути дела, не армянский коньяк, а французский, приготовленный из азербайджанского виноматериала!» – хотелось мне добавить, но удержался. И правильно сделал, упоминание о Черчилле было бы уже чрезмерным – и без этого прозвучавшая в русском Воронеже фамилия замечательных русских промышленников произвела сильное впечатление. В номере повеяло, наконец, присутствием «старшего брата», и вопросы межнациональных отношений более не поднимались.

Воцарилось единодушие, особенно полное в том впечатлении, которое на моих сотрапезников произвел Воронеж: «Большой город... говорят, в войну весь был разрушен... пьяных немного – не то, что в Рязани... Ярославле... Новгороде... люди бедно живут, но не злые, только хмурые какие-то... а девушки красивые...», так что наутро, отправившись от площади Ленина пешком по улице Кирова, а потом 20-летия Октября до строительного института, «стройка», я внимательно разглядывал дома и оценивал встречных.

Улицы были явно не окраинные, однако даже многоэтажные дома на них рождали ощущение чеховской скуки. Их даже нельзя было назвать разностильными... скорее, одинаково лишенными каких бы то ни было признаков стиля... словно бы за процессом проектирования надзирал кто-то, бубнивший угрожающе: «Вы у меня навсегда забудете, что архитектура – это застывшая музыка!» И вот все волшебное многообразие мелодий и ритмов свелось к барабанной дробу, и дома выстроены так,

чтобы с первого дня выглядеть именно выстроенными, а не возведенными.

Не по-январски слякотно и серо было в тот мой первый день в Воронеже. Да, это штамп – утверждать, будто при знакомстве с городом сияние солнца или нахмуренность неба определяют последующую жизнь в нем, однако уверенность в том, что осесть мне в Воронеже предстоит надолго, ужилась в то утро с другой уверенностью: веселья в этом бытовании будет немного.

Нет-нет, моя жизнь в Воронеже не была безрадостной, – здесь выросли мои дети, а сейчас подрастают двое из троих внуко-внучек, и в одном только этом – море радости...

Море...

А стол, за которым я в Баку делал уроки, занимался математикой и получал первые, пусть совсем еще слабенькие, результаты, расположен был у окна, и так хорошо была видна бухта – вся, с островом Нарген, и безлунными, беззвездными зимними ночами свет его маяка упирался в беспросветную темь горизонта...

Первый год аспирантуры начался с потрясения, едва не приведшего меня на грань нервного срыва: уровень лучших студентов третьего-четвертого курсов матфака оказался неизмеримо выше моего. Их доклады на посещаемых мною семинарах, их рассуждения, которыми они обменивались буквально на бегу, были не просто мне не понятны – было непонятно, станут ли они когда-нибудь понятнее. Бросился в библиотеку, просиживал в читальном зале, листал монографии и паниковал, что не только трех лет аспирантуры, но и всей жизни будет мало, чтобы прочитать хотя бы одну от корки до корки.

И тут Яков Брониславович, почувствовав мое состояние, сказал: «Хватит метаться. Займитесь-ка лучше вот чем...» – и сформулировал нечто сложное, но хотя бы доступное пониманию.

И в самой постановке задачи (великое искусство научного руководителя – ставить перед учеником именно такие задачи!) мне словно бы послышалось: «Либо делаешь, либо сдохнешь!» Готов ли я был ко второму из «либо» – до сих пор не знаю. Тогда, однако, знал точно: ничтожеством, размазанным по вечно побитому асфальту воронежских улиц, я не буду. Убегать оттуда, где трудно – обратно ли в Баку, погрибоедовски ли: «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» или «искать по свету, где оскорбленному есть чувству (самоуважения) уголок» – не для меня. Убегать от угроз вообще не для меня – спасибо родному городу, воспитал, расскажу позже, как именно.

Оставалось – сделать.

Недели, в течение которых я доказывал первую свою серьезную теорему, запомнились мерной ходьбой в аспирантской клетушке.

Четыре шага между узенькими общежитскими кроватями с продавленными металлическими сетками, комковатыми матрасами и желтоватым от стирки в хозяйственном мыле бельем.

Два шага вдоль стоящих друг против друга тумбочек и мимо висящих над ними книжных полок. На моей – стопка общих тетрадей и несколько книг; на полке Алика, тоже бакинца, «добивающего» уже второй год в аспирантуре на кафедре технологии строительства и пропадающего на полигоне, где проводятся испытания пневмоопалубок, – ничего научного и даже околонуучного.

Но зато на ней любовница соседа, парикмахер Аня, держит инструменты, причем это не случайное для них пристанище, потому что раз в неделю, перед свободным от работы днем, дама приходит к Алику на ночь, а я отправляюсь в какую-нибудь другую аспирантскую комнату (где-то свободная кровать непременно найдется). Однако дама стесняется, если я начинаю собирать постельные манатки и зубную щетку сразу после ее приветственного «Добрый вечер, как жизнь?», поэтому мы сначала посемейному, вдвоем, пьем чай. Алик нетерпеливо ерзает на стуле (подозреваю, что подчеркивает тем самым свой огненный темперамент бакинца), а Аня внимательно разглядывает мою прическу (начал лысеть рано, однако тогда на голове моей еще была вполне полноценная прическа); потом говорит: «Дай-ка с боков тебе подправлю» или «Что-то чубчик уж больно закручерявился», а на мое «Аня, ведь еще неделю назад все было в порядке!» следует решительное: «Не спорь!»

Я и не спорю, чувствую, что никакая другая женщина не станет так истово сражаться за порядок *на* моей голове, не покушаясь на постоянный беспорядок *внутри нее* – на беспорядок, порожденный раздвоением сознания, меньшая часть которого послушно участвует в окружающей жизни, а большей части на окружающее наплевать, поскольку занята решением очередной задачи, безумно трудной в сравнении с предыдущими, уже решенными, а потому тривиальными.

Не спорю, ибо комплект Аниных инструментов, лежащий на полке Алика, предназначен для меня и только для меня – а ее любовник, со всем его огненным темпераментом, раз в месяц плетется к ней в парикмахерскую.

Не спорю, ибо в ее прикосновениях есть, как мне чудится, и сожаление по поводу того, что скоро уйду я, а не он (бакинец у бакинца женщину да не уведет!); и обещание, что если перетерплю неизвестно насколько длинную череду этих «скоро», то когда-нибудь... может быть...

Однако вернемся к тому, как вышагивалось доказательство теоремы – по угловой комнате, вытянутой подобно тощему служаке-сержанту, который даже спит так, будто получил команду «Смирно!»

Так вот: после двух шагов вдоль тумбочек и полок нужно сделать еще два – мимо расшатанных, доживающих последние годы конторских письменных столов; изредка присаживаюсь за один из них, чтобы подсчитать параметры звеньев ломаной. Да, я затеял построение хитрющей ломаной и хилыми всплесками шестого чувства угадывал, что поддастся, поддастся мне моя желанная, не станет уговаривать перетерпеть...

Потом еще пять шагов вдоль стола – одного на двоих, за которым едим и раз в неделю чаевничаем с Аней; и вдоль шифоньера – тоже одного на двоих.

Все, дошел до входной двери, теперь разворот – и обратно.

... Однако в один из декабрьских, уже предновогодних, дней, когда вечерние сумерки надвинулись с самого утра, сделав город за замызганным окном еще беспринютнее, мне вдруг стало ясно, что «чертовой дюжины» шагов туда и «чертовой дюжины» обратно для завершения доказательства не хватает, что необходим простор. Дождался Алика, надел теплую фуфайку, самый толстый свитер, пиджак – и пальто налезло поверх всего этого с усилиями, сравнимыми с теми, как если бы натягивал противогаз на голову слона, – и сообщил уже горящему в предвкушении «верного свидания» соседу:

– Чувствую себя плохо, спать лягу здесь, так что у вас с Аней есть часа три, не больше.

Погода соответствовала календарю, но хорошо хоть скользятину не было, и широкому шагу ничто не мешало. За временем не следил, только отмечал краешком сознания, что сначала было холодно, потом от быстрого движения стал под всеми своими одеждами противно влажным, потом – когда до полной и окончательной победы оставалось получить одно коротенькое неравенство, – замерз так, как может только замерзнуть еще не привыкший к северу южанин... однако не сдавался.

За витриной ЦУМа была выставлена елка, богато, – по меркам тех времен, – украшенная, но гирлянда на ней не сияла и не излучала, а мигала со сбивчивой частотой предсмертных вдохов... и клянусь вам! – в голове моей, одновременно с очередной вспышкой лампочек, вспыхнули все необходимые для получения неравенства выкладки!

Зачем-то дошагал до гостиницы «Луч», втридорога купил бутылку водки в тамошнем заштатном ресторане и устремился в общагу, мечтая, как разопьем бутылку «на троих», как, глядя в лукавые Анины глаза, поделюсь обретенной уверенностью в том, что вовсе даже не ничтожество, во всяком случае, не беспросветное ничтожество, коль скоро доказал-таки теорему... однако в комнате никого не было, и я долго ждал хотя бы Алика, чтобы выпить хотя бы «на двоих». Он, однако, объявился только утром и рассказал, как Аня за меня волновалась, с каким трудом удалось уговорить ее поехать в гостиницу «Луч», какую взятку пришлось дать, чтобы снять на ночь номер и каких усилий, – что совсем уже дико, – ему стоило продемонстрировать обычную свою вулканичность.

Не могу простить Чехову снобизм его заявления о том, что жизнь любого человека – это всего лишь сюжет для небольшого рассказа. Да жизнь любого человека буквально напичкана сюжетами для рассказов! И повестей! И романов! Лишь обилие этих сюжетов и есть смысл нашего существования!... а смерть по сути своей сводится к сожалению о том, что сюжеты эти не были прожиты как следует.

Аню я увидел снова лишь через четыре года, потому что в общежитие она больше не приходила.

Да и я из него съехал, сняв после Нового года комнату в одном из частных домов, и вот где замерзал по-настоящему! Вот где испытал первый свой «полет» – во сне, конечно, наяву так не летают!

... Февраль в 1969-м случился запредельно морозным, а круглая печь, единственная на весь дом, в комнату мою выходила узенькой полоской, и температура у письменного стола, как бы старательно ни топили хозяева, выше пятнадцати градусов не поднималась.

А я уже два месяца безуспешно придумывал пример, подтверждающий существование условий «вышаганной» теоремы; время поджимало, подходил срок сдачи в университетский сборник статьи – первой! полноценной!...вернее, пока еще не полноценной, а куцей.

Незачем и говорить, что голова моя, полусонная от неотступного холода, думать отказывалась, что я опять казался себе абсолютным ничтожеством, – потому и «уходил» от этой безнадёги единственно доступным способом: подремывая под двумя ватными одеялами. Да еще и под накинутым сверху пальто.

Главное, есть не хотелось; примерно так же, уверен, чувствует себя – вернее, себя **не** чувствует – впавший в спячку медведь, только вот того чуда, что случилось со мною, с ним бы точно не произошло.

... Был удивительно солнечный полдень особенно морозного дня, и, приоткрыв глаза, я с удивлением обнаружил на стене иней. Он показался мне вполне подходящей «доской», а потому, вытащив из-под одеяла руку, я вдруг несколькими формулами, подтекающими прямо под пальцем, «набросал» конструкцию примера.

Да, именно так, придумал его в три минуты потрясающего по ясности **видения**, после чего провалился, – но уже не в дремоту, а в сон, и в этом сне, очень маленький и очень крепко сбитый, я летал под грозовыми тучами и держал в руках чудесный пример. А вокруг грохотал гром и гремели овалции; все живое и неживое поздравляло меня с тем, что я, – карла ничтожный, – сумел-таки влететь в Чертоги и выкрасть у Высшего Разума кусочек Тайного Знания.

Спал я до самого вечера, а разбудила меня, вернувшись с работы, жена, незадолго до того перебравшаяся ко мне в Воронеж.

Пристыдила, что весь день провалялся голодный, поздравила с обретением примера и сообщила, что на улице за считанные часы потеплело.

И мы понеслись в ресторан.

В «Маяк», как сейчас помню. Обедать и ужинать одновременно.

... Вот так! А вы, Антон Павлович, говорите, будто всего только один сюжет, да и то для небольшого рассказа!

За пятьдесят лет, не покидая Воронеж, я, кроме математики, состоялся еще в пяти, как минимум, профессиях: автора коротких рассказов, кавээновских и эстрадных миниатюр; драматурга; топ-менеджера (был генеральным директором консалтинговой компании, руководил крупным аграрным проектом); политехнолога; экономиста и специалиста по биржевым стратегиям. А еще с 2005 года занимаюсь прозой, пять романов и повесть изданы, а кое-что и переиздано.

Чем-то из перечисленного увлекался, во что-то был и остаюсь влюблен, что-то делал ради денег.

Но «летал» – увы! – нечасто. В основном тогда, когда получал интересные и неожиданные результаты; о некоторых из них не могу сейчас рассказать даже самому себе, поскольку перестал их понимать, ведь математику пришлось оставить в 1996-м. Но вот об одном не забуду даже в последний час жизни, и только в окончательно отлетающем моем сознании исчезнет воспоминание о том, как полученные мною общие результаты выявили новые и неожиданные свойства досконально, казалось бы, изученных «пространств Соболева».

Когда рассказал об этом Селиму Григорьевичу Крейну, он прокомментировал словом, любимым им со времен его одесского детства: «Шикарно!»

Когда рассказал на семинаре в Математическом институте Академии наук, «классики жанра» отозвались: «Сенсация!»

Однако самая высокая оценка, хотя и несколько косвенная, была получена в новосибирском Академгородке, на защите докторской диссертации. Дело в том, что двое из членов совета были чуть ли не сооснователями немало в свое время навявшего общества «Память» и при малейшем подозрении о наличии у соискателей капли еврейской крови голосовали против. В моем же случае даже и подозревать не надо было – все для них интересное значилось в анкете, которую сразу после начала защиты зачитал ученый секретарь.

В Институте математики Сибирского отделения Академии наук, основанном в начале 60-х тем самым Сергеем Львовичем Соболевым, многие мне симпатизировали и о двух неизбежных при голосовании «черных шарах» предупредили. Ревнителю чистоты советской математики среди членов совета обнаружилось легко: в начале моего доклада они смотрели не на исписанную формулами доску, а в окно, однако когда я заговорил о новых явлениях в «изъезженной», казалось бы, вдоль и поперек теории пространств Соболева, то не выдержали, головы повернули...

При объявлении результатов тайного голосования по залу прошел гул: двенадцать «за», два бюллетеня оказались недействительными – то есть одобрить присуждение мне, еврею, степени доктора физико-математических наук «памятникам» не позволили убеждения, однако проголосовать против не позволила научная совесть!

Спасибо Воронежу: во всем, что затевал здесь за пятьдесят лет, был успех, более или менее явный.

Но трижды спасибо Баку: не подари он мне такое детство, такую юность и таких друзей, не выполощи он меня и не отстирай от пятен мелочного тщеславия, не приучи бить, но не добивать, выигрывать, но не возноситься, проигрывать, но не сдаваться, не научи работать, – не было бы в моей жизни никаких успехов. Ни в Воронеже, ни в любом другом городе мира!

II. БАКУ

«Ты кто по национальности?» – типично бакинский вопрос, который задавался в расчете на развернутый ответ. И даже если можно было пояснить одним словом, например, «азербайджанец», то непременно прибавлялось, что мать из Баку, а отец из Шамхора или из Гянджи; если «русский» или «еврей», то как и когда в Баку оказались родители. Дети смешанных браков называли национальность по отцу – и не потому даже, что именно так себя осознавали, а постольку, поскольку фамилия-то отцовская! Это при том, что мать почиталась, и в смеси самых разноязычных ругательств обычное для России «... твою мать!» считалось смертельным оскорблением, после которого – драка или даже поножовщина.

А уж если поклялся матерью и хлебом, то это священнее, чем Аллахом или Христом Богом, или Всевышним.

Но вопрос этот задавался не для различения по признаку «свой-не свой», а, скорее, во избежание ненужных осложнений: разговаривает, скажем, еврей с азербайджанцем и неодобрительно отзывается, например, об украинцах – и вдруг слышит: «Ты мою родню зачем обижаешь?» Выясняется, что у собеседника, чья принадлежность к народу азеги сомнения не вызывает, мать или даже бабушка откуда-то «с Винницы», и нужно долго и искренне извиняться, чтобы уйти от ненужного конфликта.

А заговорил я об ответах на «бакинский» вопрос еще и потому, что когда количество смешанных браков в Советском Союзе пошло на убыль, в Баку ничего подобного не случилось. Сам я и мой кузен, тоже Марк, женились на русских, да и многие мои друзья не принимали во внимание «чистоту крови» – поэтому теперь,

когда в России все чаще слышится, как важно во имя нации, скреп, традиций и черт его знает, чего еще, сохранять в семьях моноэтничность (а теперь еще и единоверие), хочется ответить: «А вы посмотрите на наших, «не сохранявших моноэтничность», детей. Они что, хуже, глупее или ленивее ваших?»

У меня дочь и два сына, все от русских матерей. Старший сын считает себя евреем, а женат на женщине из народа телугу (Индостан); младший – русским и женат на русской, но когда мои парни сидят рядом, никто не верит, что у них – разные матери, настолько оба похожи на меня. А вот во внешности их детей не усматривается ничего еврейского, и никто из них ни на кого другого ничуть не похож. Во всяком случае, пока.

Но я знаю, что все они, каждый по-своему, замечательно хороши, и благодарю судьбу за то, что истоки этого знания – из Баку.

Да, с Баку, как фальшивая позолота, слетало то идеологически выверенное, трибунно-газетно-тивишное, что именовалось «дружбой народов», а взамен оставалось подлинное дружелюбие этих самых народов по отношению друг к другу. Это не было единством обездоленных и угнетенных, это не было спаянностью в настойчиво пропагандируемой борьбе **за** что-то привлекательное или **против** чего-то враждебного. Вряд ли бакинский народ остро ощущал свою всечеловечность, так что глобалистами нас не назовешь; вряд ли бакинский народ остро ощущал свою «советскость», так что и в первых рядах строителей коммунизма мы тоже не шли. Однако всегда следует помнить, что в годы войны воевали свыше шестисот тысяч жителей Азербайджана¹, а не вернулись назад более двухсот, и очень-очень значительную часть этих сотен тысяч составляли бакинцы – это ли не верность общей судьбе?

Я намеренно не подсчитываю, какую долю среди воевавших составляли азербайджанцы, какую – русские и так далее – это соответствовало этнической структуре населения, и никаких выяснений, какой народ сколько крови пролил, в Баку не случалось; лживое, обращенное к евреям: «Ташкент защищали!», я услышал очень далеко от дома.

Дал в морду, а в Баку избил бы.

Здесь же скажу, что даже в подлые времена «дела врачей», когда быть антисемитом значило проявлять личную преданность товарищу Сталину, никаких признаков враждебного к евреям отношения в Азербайджане не было. Да и не могло быть там, где во время сбора денег на строительство ашкеназской синагоги большую сумму внесли миллионеры-нефтепромышленники Гаджи Тагиев и Муса Нагиев. Казалось бы, какое им, азербайджанцам, дело до евреев, да еще и не «местных», горских евреев, живущих бок о бок с ними издавна, а пришлых, «понаехавших», «перекати поля», тщетно ищущего на территории огромной империи место, где не унижают?

Да вот ведь было, оказывается, им дело – и потому, думаю, было, что разбогатели они, Гаджи-ага и Муса-ага, на нефти – дивной, сложно-составной, ароматной бакинской нефти, которую оскорбляют, называя «черным золотом», то есть сравнимая с никчемно-блестящим металлом, функциональным разве что в микросхемах.

И которую воистину возносят до небес, именуя Черной Кровью Земли – да, именно с заглавной буквы! Как Бога!

¹ В 1940 году население республики составляло примерно три миллиона двести тысяч.

Бога, которого, – считали правоверные мусульмане Нагиев и Тагиев, – все равно, как называть, которому все равно, как молиться – лишь бы молились чему-то Неизмеримо Высокому, даже если оно, это Высокое, проявляется невысоким, всего лишь метровым, вечным пламенем на гребне горы Янардаг, у подножья которой издревле падали ниц паломники-огнепоклонники.

Воевали призванные в Азербайджане мужественно – и вечная слава им за это!

Однако будем честны и максимально тактичны, они внесли весомый, но не решающий вклад в Победу, а вот добытая и переработанная в Баку нефть – решающий! Это признавали и советские военачальники, начиная с Г.К.Жукова; об этом писал выдающийся министр нефтяной промышленности СССР, Председатель Госплана СССР Н.К.Байбаков. С дотошностью экономиста и инженера Николай Константинович указывал, что советская боевая машина на 75-80% приводилась в движение благодаря труду бакинцев, а я – с дотошностью математика – попытался выяснить: «А на остальные 20 – 25% благодаря чьему труду?»

Кроме Баку, нефть в годы войны добывалась еще на промыслах Моздока и Грозного, появившихся усилиями бакинских инженеров и буровых мастеров; еще – в так называемом «втором Баку» – нефтеносных районах Поволжья, – а туда в 1941 году был переброшен многотысячный трудовой десант из Азербайджана, например, в полном составе трест «Азнефтеразведка», переименованный в «Башнефтеразведка». Со всем немного нефти и нефтепродуктов давали республики Средней Азии, но и там трудилось немало бакинцев, так что, глубокочтимый Николай Константинович, Царствие Вам небесное, не на 75-80, а на все 90%!

Как это было? Двенадцатичасовой рабочий день без выходных и отпусков, а ночью, выполняя требования светомаскировки, трудились почти вслепую, пользуясь маломощными карманными фонариками – и ни одной крупной аварии!

Как это было? Когда немцы, захватив Северный Кавказ, перерезали все железнодорожные пути на север, а под Сталинградом заблокировали движение по Волге, от Баку до Красноводска по бурному осенне-зимнему Каспию пошли буксиры, таща за собою длинные караваны снятых с колесных тележек и прикованных одна к другой цистерн, заполненных бензином, керосином, мазутом и сырой нефтью лишь наполовину, а потому плавучих.

Как это было? Когда на бакинском рейде потерпел крушение доставивший арахис пароход из Ирана, Мир-Джафар Багиров, талантливый и грозный руководитель Азербайджана, велел поднимать со дна мешки, вылавливать зерна – и бесплатно раздавать бакинцам. Отмывали, как могли, отжимали масло, мололи, жарили лепешки – многих это спасло тогда от дистрофии и голодной смерти.

Прочитую Толбухина, маршала Советского Союза: «Красная Армия в долгу перед азербайджанским народом и отважными бакинскими нефтяниками за многие победы...».

Да, в долгу, и не только Красная Армия, а все мы. А еще и вся Европа!
В долгу, который не надо возвращать, но о котором следует помнить.

Академик Иван Губкин, исходив весь Абшерон и изучив его недра, по каким-то своим, ведомым только гениям, ассоциациям и аналогиям «разглядел» нефтеносные пласты «второго Баку», а еще предположил, что Западная Сибирь покоится на не-

виданных по размерам «подушках» из нефти и газа. Предвидение о татарских, башкирских, куйбышевских (самарских), пермских залежах подтвердилось блистательно и сразу, а с Западной Сибирью было много сложнее – все развивалось по пословице «Близок локоть, ан не укусишь»: неоднократно осуществляемое разведочное бурение то выявляло признаки нефти, то не выявляло, а самой нефти не было.

Однако всевидящая судьба, о которой писал Евгений Баратынский, – его мудрую строфу я использовал в качестве эпиграфа, – действительно все видела и не спеша, без ненужной суеты готовилась преподнести стране неслыханной щедрости подарок. Такой щедрости, что Советский Союз, словно бы оглушенный и ослепленный свалившейся на него милостью, через тридцать лет после марта 1961 года скончался от болезни, которая называется «Кому много дано, с того много и спросится – и не приведи Господь спросу этому не соответствовать»; такой щедрости, которой до сих пор живет Россия, но, – слава Богу! – диагноз мы вроде бы усвоили и, по крайней мере, говорим, – много и красноречиво, – о том, что данному *нам* за *не наши* заслуги надо бы соответствовать, ой, надо бы!

Однако все по порядку: 28 июля 1931 года в одном из сел Шамкирского района Азербайджана родился мальчик, названный Фарманом – первый из четырех детей семьи Салмановых. В 37-м его отца арестовали, мать и дети выжили благодаря односельчанам, деду Сулейману и бабушке Фирузе. А фундамент будущего нефтегазового могущества страны был Судьбою заложен задолго до того: в 1888 году юный бунтарь Сулейман был приговорен к 20-летней ссылке в Сибирь за конфликт с имамом гянджинской мечети и старшим муллой губернии. Отправившись добровольцем на русско-японскую войну, он воевал так храбро, что был награжден и досрочно освобожден; женился на русской сибирячке Ольге Иосифовне, принявшей ислам и нареченной в нем именем Фируза, и вернулся в родное село.

Внук Фарман впитывал рассказы деда о Сибири и Дальнем Востоке и учился русскому языку у бабушки, а Судьба тем временем не дремала: министр нефтяной промышленности СССР, уроженец Баку Николай Байбаков, выпускник Азербайджанского нефтяного института, по своим депутатским делам приехал в Шамкир.

Во второй уже раз я вспоминаю эту легендарную – без каких-либо преувеличений – личность и хочу рассказать историю, наверняка не всем читателям известную.

Когда в августе 1942 года немцы вплотную подступили к нефтепромыслам Северного Кавказа, Гитлер на одном из совещаний сказал, что без кавказской нефти войну не выиграет. Сталин, об этом знавший, приказал Байбакову срочно вылететь на Кавказ... и сформулировал задание в любимой своей манере: «Если вы оставите противнику хоть тонну нефти, мы вас расстреляем, но если вы уничтожите промыслы, а немец не придет, мы вас тоже расстреляем». Байбаков, которого вождь еще в конце тридцатых учил, что главное для молодого наркома – это «бичьи» нервы плюс оптимизм, решил возразить: «Вы не оставляете мне выбора, товарищ Сталин». «Выбор здесь», – ответил Верховный Главнокомандующий и постучал пальцем у виска. Этот ответ Сталина трактуют как призыв напрячь ум, но рискну предположить, что был в нем еще один смысл: пуля в висок из собственного пистолета, – до того, как в затылок выстрелят из энкавэдэшного.

... Штаб Южного фронта уже бежал в Туапсе, а бригады, руководимые Байбаковым, еще бетонировали скважины моздокских промыслов, взрывали станки-ка-

чалки и нефтепроводы. В Москву сбежавшие доложили, что нарком погиб, а он и подчиненные чудом успели уйти к партизанам, и спустя два дня Николай Константинович добрался через горы до Туапсе.

Под Грозным же не была законсервирована ни одна скважина, а когда немцы разбомбили промыслы и нефтеперегонные заводы, то пожары невиданной силы были потушены и все разрушенное восстановлено – за считанные дни.

Полгода фашистские дивизии оккупировали Северный Кавказ, но им не досталась не только ни одна тонна, но и ни одна капля нефти!

Много написано и снято про фронт, хотя и здесь еще зияют провалы: до сей поры, например, мало кто и мало что знают о сверхчеловеческом подвиге подольских курсантов, спасших в октябре 41-го Москву, а значит, страну, а значит, всю Европу – но о недоступном теперешнему нашему пониманию напряжении сил в тылу вообще говорится ничтожно мало!

Итак, Байбакова в Шамкире повели осматривать школу, в которой учился восьмиклассник Фарман Салманов, говорящий по-русски почти так же свободно, как и на азербайджанском – он-то и давал министру пояснения. Прощаясь, тот спросил, кем хочет стать паренек после окончания школы, на что получил ответ: «Нефтяником!» «Это хорошо, – похвалил Байбаков, – нефть – будущее нашей страны», и в 1948 году Фарман, проработав до того два года коллектором в Ширванской комплексной геологической экспедиции, поступил на геологоразведочный факультет, – чувствуете, как неустанно трудилась Судьба! – Азербайджанского нефтяного института, который к тому времени уже назывался Азербайджанским индустриальным. В 1954-м, перед окончанием института, он написал письмо Байбакову с просьбой направить его на работу в Сибирь. Министр собрату своему по alma mater не отказал, и Фарман Салманов два года, работая начальником нефтегазоразведочных экспедиций, искал нефть в Кемеровской и Новосибирской областях.

На этом работа Судьбы не завершилась, а в дело вступили еще и огромный талант молодого геолога, и унаследованное от деда Сулеймана бунтарство! Фарман Салманов счел дальнейший поиск нефти и газа в Кузбассе бесперспективным, начальство в Новосибирске слушать его не хотело, и тогда он в августе 1957 года самовольно(!), тайком(!) перевел свою геологическую партию в Сургут. Это было неслыханным по дерзости поступком, который вполне могли счесть проступком или даже преступлением, а на поддержку Байбакова рассчитывать не приходилось: Николай Константинович хоть и был уже в то время Председателем Госплана СССР, но, резко возражая против поспешного и оказавшегося провальным перехода на территориальную систему управления экономикой (полюбившиеся Хрущеву совнархозы), вскоре попал, точнее, сам «залез» в опалу и был сослан в провинцию.

То, что сделал Салманов, было настолько вопиющим, головы летели за настолько меньшее, что начальство струсило, – будь оно за это благословенно! – и, избегая огласки, задним числом подписало приказ о переводе партии в Сургут.

Почти четыре года Фарман Курбаноглу, Фарман Курбанович Салманов и повесившие в него работники партии, зимой замерзая на 50-градусных морозах, летом увязая в болотистых топях, измученные комарами, мошкой и жизнью во времянках, искали нефть.

Никем не сменяемые, финансируемые по минимуму, – искали.

Упорно и безуспешно!

Но 21 марта 1961 года, словно бы в честь любимого азербайджанцами праздника Новруз байрам, ударил первый фонтан. Всем оппонентам была отправлена телеграмма: «Уважаемый товарищ, в Мегионе, на скважине № 1, с глубины 2180 метров получен фонтан нефти. Ясно? С уважением, Фарман Салманов». Оппоненты ответили, что это случайность, что недели через две-три фонтан иссякнет, так как по-настоящему большой нефти в Западной Сибири нет и быть не может; мол, Губкин сболтнул, а упрямые дураки поверили.

Судьба поусмехалась, испытывая Салманова и его людей еще два с половиной года, а в октябре 1963-го фонтан забил из скважины в районе Усть-Балыка. Начальство было извещено о том, что скважина «лупит по всем правилам», а на имя Хрущева ушла телеграмма: «Я нашел нефть. Вот так, Салманов».

Теперь это уже стало ясно всем: Губкин не сболтнул, а предвидел; Салманов поверил и нефть нашел. Большую нефть... а этот упрямец утверждал, что огромную... утверждал, что еще и газ есть, только не огромный, а гигантский!

Кстати, насчет Кузбасса он тоже оказался прав.

Тем временем Байбакова вернули в Москву, а с 1965-го, когда Хрущев уже был отстранен от власти, он в течение 20 лет был Председателем Госплана СССР (с Горбачевым, естественно, не сработался). Алексей Николаевич Косыгин доверял ему безоговорочно, и в Западную Сибирь пошли большие ресурсы.

Окупившиеся тысячекратно!

Связка великих фамилий «Циолковский-Королев-Гагарин» почитается абсолютно заслуженно, но разве меньшего почитания заслужила другая, «Губкин-Байбаков-Салманов»?

Спросим себя: если на вопрос «Кто такой Губкин?» в Москве правильно ответят хотя бы таксисты: «Академик, улица такая есть: академика Губкина... а, да, еще «керосинка» есть – университет нефти и газа его имени», то сколько жителей Воронежа или Тамбова пожмут плечами: «Кто ж его знает?»

Про Байбакова не вспомнят и в Москве, а единственный его бюст установлен в школе Сабунчинского района Баку – в ней он учился.

Салманову повезло чуть больше: памятники и бюсты ему, человеку, при самом непосредственном, деятельном и эффективном участии которого в Западной Сибири открыто более 130 (!!!) месторождений нефти и газа, установлены в Москве, Баку, Сургуте, Салехарде, Ханты-Мансийске; а авиакомпания «ЮТэйр» присвоила его имя двум бортам.

Мы всё мечтаем слезть с «нефтяной иглы» и говорим об этом так, будто бы стесняемся нашего газа и нашей нефти, как попавшие из грязи в князи стесняются неотесанного отца (о, великий наш язык! недаром слово «газ» в тебе – мужского рода!) и нескладной матери (а «нефть» – женского!). Мы едим то, что они, такие «невысокотехнологичные», присылают нам из своих «зачуханных деревенок»; мы ворчим, что еда не вполне соответствует нынешним представлениям о здоровом питании... и все это так: и деревеньки далеки от парадиза, и еда не вполне соответствует, да ведь только ею и живы!

И потому не вредно было бы говорить каждодневное спасибо за благо, посланное нам не нашими трудами, а прошлыми героическими усилиями десятков тысяч безымянных и троих великих: Губкина, Байбакова, Салманова.

Говорят, вот-вот поднатужимся и слезем с этой чертовой иглы, и прорвемся в цифровую эпоху, в постиндустриальную экономику – ой, не верю, разучились прорываться! Разве что проползем, да и то чудом, на которое только и стоит рассчитывать.

А пока... Пока не стану повторять, что нефть и газ – наше национальное достояние, скажу поэтичнее и задушевнее.

Гораздо поэтичнее и гораздо задушевнее: без них, без нефти и газа Сибири, России давно бы уже не было!

И хочу подчеркнуть еще вот что: Азербайджан, присоединенный к Российской империи силой оружия, был лоялен к Советскому Союзу дольше и в гораздо большей степени, нежели, скажем, Грузия и Украина с их пылко когда-то звучавшими клятвами о вечной любви и верности; нежели Армения, обретшая хоть какое-то подобие государственности только благодаря России и самоотверженности русского дворянства, того же Грибоедова, в конце концов... так вот, нежели Армения, фактически объявившая о своей независимости еще летом 1990 года, за год до губительного путча, и на территории которой референдум весны 1991 года о сохранении СССР даже не проводился.

Может быть, все же стоит «подпустить» светлой печали воспоминаний о детстве и юности в родном городе? Разбавить повествование пейзажными зарисовками, описаниями шашлычных и чайхан, кебабных и хашных?

А то ведь складывается у меня даже и не «Песнь о Баку», но «Песнь о нефти и газе».

Господи, как же правильно, что именно **так** складывается!
Как хорошо, что убежден:

только уникальные залежи нефти и газа смогли создать на рубеже XIX и XX веков тех, кто в душе моей объединены не в бакинцев даже, а в уникальный Бакинский Народ; только уникальный Бакинский Народ мог создать Великий и Уникальный Баку – точнее, они непрерывно создавали и создают друг друга!

Шамаханская царица возникла в сказке Пушкина «Золотой петушок» не случайно: про Шамаху, центр губернии, знал весь образованный Петербург, а вот о Баку, находящемся на оконечности Абшеронского полуострова, у острого выступа, похожего на опущенный в Каспий клюв чайки, – очень немногие. Настолько немногие, что когда граф Воронцов 14 июля 1848 года в своей докладной на высочайшее имя сообщил о том, какой мощный фонтан бьет в поселке Биби-Эйбат близ Баку из пробуренной двумя годами раньше горным инженером Семеновым нефтяной скважины (первой в мире! вторая, в Пенсильвании, появилась лишь через 13 лет!), никакой реакции не последовало, что, конечно, свидетельствует о «высоком даре» предвидения Николая Первого, – тогдашнего носителя высочайшего имени, – а также его окружения.

Александр Второй был гораздо прозорливее отца: в 1859 году, после того, как Шемаха сильно пострадала от землетрясения, центр губернии был перенесен в Баку, а в 1868 году было дано высочайшее разрешение на бурение нефтяных скважин (до

того нефть накапливалась в вырытых колодцах). А далее – почти вскачь: в 1871 году скважину глубиной 64 метра с большим дебитом пробурили (механическим способом) в поселке Балаханы, в 1872 году была отменена откупная система предоставления участков, и они стали продаваться с публичных торгов; нефтяной промысел объявлялся свободным, керосин облагался акцизом в 40 копеек с пуда, первые торги состоялись 31 декабря, в самый канун 1873 года, и казна вместо запланированного полумиллиона получила три!

В Баку наступила эпоха нефтяного бума!

Баку стал местом рождения передовых технологий!

В Баку потек азербайджанский, русский и армянский капитал; в Баку хлынул капитал из-за рубежа – шведский, французский, английский!

И самое главное, чему научил Баку: острая и умело организованная конкуренция капиталов выливалась не в «разборки и наезды», а в конкуренцию подходов к ведению бизнеса, в конкуренцию технологий, умов и умений, в конкуренцию репутаций и уровней общественной значимости, наконец!

Известна замечательная фраза великого писателя Николая Лескова: «У русского царя есть много разного народа», – так вот, в азербайджанском Баку «разного народа» было едва ли не больше, чем у русского царя. Причем сама нефть требовала этого разнообразия и одновременно спаянности столь разных и непохожих.

Достаточно вспомнить Людвиг и Роберта Нобелей, – сейчас в Баку есть музей с экспозицией, освещающей их деятельность, и удостоены они этой чести не потому, что были любимы и чтимы более, нежели, скажем, уже упомянутые мною Тагиев и Нагиев. Нет, напротив, Нобелей в Баку, скорее, недолюбливали за нескрываемое высокомерие и нежелание «вариться» в его жизни, однако, не любя, не завидовали; это одна из лучших черт зарождавшегося тогда Бакинского Народа: не завидовать чужим успехам, а стараться их превзойти.

И главным для становления Баку как Великого Города в деятельности братьев Нобелей было то, **с каким размахом** удовлетворялась порожденная их безумной инвестиционной активностью **потребность в кадрах**: в геологах, химиках, технологах, инженерах-строителях, проектировщиках, промысловых инженерах, буровых мастерах, юристах, бухгалтерях – **в самых лучших кадрах!**

А потому да здравствует то, что сейчас зовется вложениями в человеческий капитал! Они, черт возьми, окупаются – мир увидел, что как только инженеры «Товарищества братьев Нобель» догадались для сжигания в котлах танкеров и торговых пароходов использовать мазут, цены на него выросли в несколько раз, а на уголь, дрова и торф в несколько раз упали.

Нет, филантропами братья Нобели не были, однако их «вложений в человеколюбие» еще до 1904 года хватило на введение десятичасового рабочего дня, что считалось чрезмерной заботой о людях, на устройство молельных комнат для рабочих-мусульман прямо на промыслах и заводах, на развертывание вокруг них сети аптек и амбулаторий, на выдачу надежным работникам льготных ссуд на строительство домов. Скажем братьям спасибо и за это, в конце концов, если бы их примеру следовали не только в Азербайджане и на Северном Кавказе, то в Российской империи воцарилась бы пропагандируемая жандармским полковником Зубатовым гармония между трудом и капиталом, которую левые снобистски именовали «полицейским социализмом», а правые, со свойственным им поклонением идеологеме «Выпороть,

отпустить исповедаться, причаститься, а потом выпороть еще раз!», считали покушением на устои, то, глядишь, монархия продержалась бы дольше... во всяком случае, не рухнула бы в самое тяжелое для страны время.

После нескольких дней всеобщей бакинской декабрьской стачки 1904 года, по инициативе Нобелей, Тагиева и Нагиева, был заключен первый в истории России коллективный договор между нефтепромышленниками и рабочими, по которому трудовой люд получил невиданные для тогдашней России условия труда, отдыха, обучения и медицинского обслуживания.

Этим договором были довольны все, даже Сталин позже отзывался о нем одобрительно.

Все были довольны, кроме правительства: глава гражданской администрации Кавказа писал министру внутренних дел, что «проявленная нефтепромышленниками уступчивость... обратила на себя внимание... государя императора, так как уступчивость эта может отразиться чрезвычайно неблагоприятными последствиями на других фабричных и заводских районах».

Может быть, именно из-за боязни этих «неблагоприятных последствий» всего через девять дней после заключения в Баку коллективного договора так жестоко расстреляли мирную демонстрацию на Дворцовой площади в Петербурге? Может быть, именно эти «неблагоприятные последствия» вылились в трагические события 1905-1906 годов, включая восстания на броненосце «Потемкин» и крейсере «Очаков»; в события, ход которых не остановил даже вынужденный октябрьский манифест царя, давший России множество невиданных ранее свобод, – и всего через два месяца полыхнуло в Москве, и Пресня стала воистину красной от пролитой на ней крови?

Или, может быть, последуй все же в «других фабричных и заводских районах» примеру Баку, обошлось бы множеством компромиссных коллективных договоров?!

Но что толку в этом «или», если Николай Второй, сам себя называвший «хозяином Земли Русской», народ свой слышать и понимать не хотел.

Итак, Нобели были лидерами – это бесспорно.

Но за ними шли, стараясь не отставать, а еще лучше, обогнать и превзойти – это тоже бесспорно!

Братья в 1878 году соорудили первый нефтепровод «промысел-завод» длиной 12 километров (!) – «почин» был немедленно подхвачен, и через 20 лет общая длина подобных артерий составляла 230 километров с пропускной способностью миллион тонн в год; в 1896 году Нобели начали прокладку нефтепровода Баку-Батуми – что ж, десятки их конкурентов тоже вложили деньги в это строительство, и через десять лет состоялся пуск уникального по тем временам сооружения длиной 833 километра с несколькими десятками промежуточных насосных станций!

Нобели используют достижения технического прогресса, но и остальные не лыком были шиты: с 1900 года началась ускоренная электрификация промыслов, заводов, рабочих поселков и самого Баку.

Нобели начали бурить на мелководье Биби-Эйбатской бухты, а конкуренты, чтобы их превзойти, в 1901 году задумали ее осушить! Тендер (!) при полностью готовом проекте (!) был объявлен в 1906-м, а первые работы начались в 1909-м, когда специально для осушки были построены 23 (!) судна. Через восемь лет нефть уже добывалась с площади в 193 гектара!

И вот, наконец, мы подошли к рассказу о том выдающемся, что жившие в Баку Тагиев, Нагиев, Селимханов, Караев, Гаджинский, Рогозин, Митрофанов, Пашковский, Лазарев, Гукасов, Цатуров, Манташев, Маилов, Саломон, Абрамович и многие другие делали **не только для своего бизнеса**, – подобно Нобелям, жившим в Петербурге, или Ротшильдам, жившим в Лондоне и Париже, – **а и для родного города**.

Делали для Бакинского Народа, привлекая, обучая и воспитывая лучшие кадры – и тем самым формируя этот самый народ.

Нобели «пылесосят» хороших инженеров в Швеции и прочей Западной Европе? Отлично, а мы будем привлекать очень хороших инженеров со всей Российской империи!

Нобели лечатся в Петербурге? Отлично, а мы соберем лучших врачей со всей России и выстроим больницы и амбулатории, о которых заговорят в обеих столицах!

Архитекторы, строители, юристы, финансисты, ювелиры, краснодеревщики, скорняки, куаферы, портные, обувщики! Вы умеете что-то делать лучше других? Отлично, все сюда, к нам! Здесь много денег, здесь по-настоящему много денег! Их не спускают в пьяном чаду, в надрыве однообразных гульбищ; здесь нет бывших каторжан и забубенных авантюристов, здесь не грабят и не убивают, здесь собираются те, кто любит работать – и от этого богатеть, кто любит жить – и для этого хорошо работает.

Здесь строят гимназии и реальные училища, в которых преподают хорошие, самые лучшие учителя; отсюда посылают детей в лучшие университеты и институты империи и Европы – и они возвращаются в Баку, в город, где любят и умеют работать, где любят и умеют жить!

Нобели, вы наслаждаетесь в Мариинке звучанием лучших голосов мира? А ты, Тифлис-джан, шумный гедонист, вечно пирующий, поющий, танцующий, рисующий и неизвестно когда работающий, соблазняешь своим гостеприимством выдающихся певцов? Что ж, не Нобели, а другие братья: врач Илья Маилов и бизнесмен Даниил Маилов в течение года (!) строят оперный театр, во многом повторяющий тифлисский, но кое в чем его превосходящий. А музыкальная жизнь в Баку уже кипит! Уже окреп новаторский талант Узеира Гаджибекова, автора первых в исламском мире опер и оперетт, будущего учителя великого Кара Караева; уже развилось огромное дарование еще одного композитора и дирижера – Муслима Магомаева, деда своего тезки, любимого советского певца, которого все, независимо от возраста, называли меж собою просто Муслимом.

Нобели построили парк для своих инженеров и служащих? Отлично, спасибо им за науку, но мы сделаем Баку зеленым ради его народа! И вот уже красуются скверы «Молоканский» и «Парапет», расширяется территория «Губернаторского садика», на месте сада купца Красильникова появляется парк, ныне носящий имя Самеда Вургуна...

Но самое, самое, самое главное! – в 1909 году у самой кромки воды Каспийского моря зазеленел первый участок знаменитого Бульвара; следующий же важнейший этап его развития начался уже в советское время усилиями выдающегося главы города Алиша Джамилевича Лемберанского, про которого бакинцы беззлобно шутили: «Расцвет Италии начался с эпохи раннего Ренессанса, а расцвет Баку – с эпохи позднего Лемберанса».

III. БАКУ – ВОРОНЕЖ

И все же без одного, важного для повествования воспоминания не обойтись. Оно относится к ранней весне 1971 года, когда я приехал в Баку помочь родителям «уложиться» и отправить в Воронеж контейнер с мебелью, самой нужной утварью и одеждой – мое предчувствие сбылось: защита кандидатской диссертации была назначена на май, ректорат согласился оставить меня старшим преподавателем на кафедре высшей математики, и, более того, моему отцу была предложена позиция доцента кафедры экономики строительства. Для решения же квартирного вопроса на всех нас была выделена кооперативная квартира в Юго-Западном районе.

Но как же отец не хотел уезжать из Баку! Проработав много лет в нефтяной промышленности, он стал начальником отдела экономических исследований все-союзного Института проблем бурения. Ему нравилась его работа, ему нравилось в Баку все, даже летняя жара. Он притерпелся к лишней призрачности комфорта жизни в Крепости, Ичери Шехер, однако через год была бы окончательно готова новая квартира, современная, тоже кооперативная, но не в каком-то там не известном ему Юго-Западном районе неведомого Воронежа, а в начале баиловской косы, в пятистах метрах от отеля «Интурист». Они с матерью сами ее выбрали, – ведь он был председателем жилищно-строительного кооператива, – и из нее открывался бы вид и на бухту, и на Нагорный парк. По должности своей он часто бывал на стройке, с удовольствием наблюдая, как растут стены, как появляется потолок...

Как же отцу не хотелось уезжать из Баку! Не хотелось тратить время на преподавание, а не на исследования; не хотелось заниматься экономикой строительства, а не разведочного бурения и нефтедобычи, но я пылко убеждал... сначала мать, прекрасно понимая, как на нее действует тот аргумент, что сестра уже очень давно уехала в Ленинград, я все равно останусь в Воронеже, – теперь же появилась счастливая возможность жить вместе... потом мы вместе с нею сламывали сопротивление отца...

... С преподаванием у него все получилось блестяще, как получалось все то, за что он брался всерьез. Сумел влезть в глубины экономики строительства, пробурирая, словно бы алмазным долотом, пласт за пластом, но потом сменился заведующий кафедрой, появился редкостно бездарный и скандальный тип, и отец ушел на пенсию.

А через год умер, поскольку без работы жить не мог.

...Но как все же судьба бывает иногда несправедлива! Когда отец руководил трестом «Гобустаннефтеразведка», бурилось много скважин в дополнение к тем, что уже в начале века были пробурены изыскателями братьев Нобелей – однако «киношно-убедительный» фонтан так ни разу и не забил, хотя опытные разведчики нутром чуяли, что вот-вот это произойдет, не может не произойти. Впрочем, геологи давали осторожно-противоречивые оценки мощности пласта, а Нефтяные Камни, о начале разведки на которых было решено на том совещании «в поле», точнее «на скалах», в котором участвовал и отец, в 1960 году посетил Хрущев. Был так впечатлен, что со свойственной ему самоуверенностью возгласил, что Азербайджан должен сосредоточить здесь все усилия, причем местоимение «все» было выделено особенно командирским тоном. Тогдашний подхалимский ЦК Компартии республики надавил на руководителя «Азнефти», тот посокрушался, что Министерство нефтяной промышленности СССР фактически недееспособно, а Байбаков, единственный, кто решился

бы растолковать полуграмотному лидеру, как вредно сосредоточивать на одном направлении не сбалансированное, а избыточное количество усилий, пребывает в опале... однако подчинился. Финансирование разведки было существенно урезано, несколько трестов, в том числе и отцовский, расформировали.

А сравнительно недавно я узнал, что на юго-западе Гобустана Государственная нефтяная компания Азербайджана совместно с «Юнион Тексас Петролеум» всюду добывает углеводороды (подтвержденные запасы нефти – 20 млн. тонн, газа – 12 млрд. кубометров). Порадовался за родную республику, вспомнил на пределе работавшего отца и подумал: «Как все же судьба бывает несправедлива!»

Эминчик Алиев, физик, специалист по нелинейной оптике, будущий разработчик сверхзорких приборов ночного видения, за которые получил Государственную премию Азербайджана, перерос всех нас, своих одноклассников, на полголовы, и если мы были громкоголосы, то он вполне мог сойти за громогласного. Его темперамент был настолько заразителен, что в первой сборной команде КВН «Парни из Баку» ему поручались самые «заводящие» и нагнетающие темп реплики – так что он до сих пор стоит у меня перед глазами, когда очередная «южная» команда, из Чечни ли, из Дагестана или Грузии, выплескивает в эфир ту энергию и напористость, что ассоциируется у нас с кавказским мужским танцем. При этом Эминчик, когда не «трубил» своим звучным баритоном, был погружен не в героику Бетховена и Вагнера, совершенно, казалось бы, ему соответствующую, а в джазовые импровизации и светлую печаль моцартовских и рахманиновских *adagio*... а еще в шахматы, литературу и, конечно же, в «семейную» любовь и профессию – физику. Его отец, Мехти Садыхович, тоже известный оптик, много лет был ректором университета, мать, Рахиль Ионовна, для нас – тетя Рая, преподавала физику в одной из старейших и лучших школ Баку.

... На дне его рождения, когда у нас, двенадцатилетних, щенячья непоседливость уже сменилась подростковой импульсивностью, чаепитие за столом, изобильно заставленным аппетитно выглядящей снедью, протекало ускоренно: хотелось перебраться в соседнюю комнату, поблистать достижениями в популярных тогда головоломках, да и просто побеситься. «Сыты, сыты!» – дружным хором ответили мы на вопрос тети Раи, однако часа через полтора умственных напряжений, очень подвижных игр и просто-напросто кутерьмы меня стало мучить осознание того, что пирожок с мясом остался на моей тарелке даже не надкусанным. Будь он с любимой тушеной капустой, его бы такая грустная участь не постигла – был бы проглочен до пирогов и тортов, но по прошествии времени, когда сладкое в желудке улеглось, отдав всю глюкозу разгоряченным мозгам, стало ясно, что капуста, прежний фаворит среди начинок, уступил место мясному фаршу, вываренному с луком, киндзой и сумахом (барбарисом). Мучительно было это прозрение! – настолько мучительно, что ноги сами понесли меня в гостиную, где трапезничали солидные дяди и тети, родственники и друзья Эминчиковых родителей. Бутылки были, разумеется, не с лимонадом, место тортов заняли блюда с долмой, однако – о, смущение души моей и вожделение чрева! – в центре стола высилась правильная горка, и выступавшие из поблескивающей ее поверхности носики и бочки аккуратно слепленных пирожков были похожи на сакли, дерзко прилепившиеся к почти отвесной скале.

– Что тебе, Марик? – приветливо спросила тетя Рая.

– Можно мне пирожок?

Клянусь чем угодно: даже сейчас, пересказывая произошедшее, не понимаю, как взрослые люди немалых размеров умудрились так быстро расхватать пирожки, однако каждый и каждая, вплоть до самого дальнего конца стола, протянули мне по одному, а самые молниеносные – так и по два. Трое даже повскакали с мест и заговорили наперебой:

– Рая, посади ребенка сюда, покорми! Голодный же!

Нет, я не был раздавлен обилием свалившихся на меня возможностей! Зная толк в восточном этикете, громко произнося: «Спасибо! Спасибо большое! Я сыт!», дошел до Мехти Садыховича, дабы взять угощение именно из рук гостеприимного хозяина... взял и удалился к приятелям, встретившим меня, честно признаюсь, завистливыми взглядами. Но недолго пришлось мне наслаждаться последствиями своего незаурядного мужества – в комнату вошли женщины: кто нес пирожные, кто те же знаменательные пирожки, кто конфеты и лимонад...

А затем, на всех днях рождения ближайших последующих лет, нас, подростков, кормили дважды – но! опять же клянусь чем угодно! ни разу больше, вплоть до теперешних очень немалых лет, не удалось мне побывать столь же удачливым родоначальником добрых традиций!

Простите меня, тетя Рая! Представляю, как потом вас, будто нерадивую студентку, отчитывал строгий Мехти Садыхович: за то, что не учли особенностей нашего пубертатного неумения долго заниматься одним и тем же – например, есть, не думая о предстоящих играх, или, напротив, играть, надолго забывая о вкусной еде.

Простите!

Как раз на съемной квартире Эминчика, недалеко от станции метро «Нариманов», мы и собрались «на отвальную» вечером того же дня, утром которого таскали в контейнер книги, узлы и нехрупкую утварь – все остальное, громоздкое, с удивительной сноровкой снесли по узкой винтовой лестнице двое грузчиков... недаром амбалами в Баку звали не просто физически крепких, но и сноровистых, ухватистых, настоящих киши¹ с железными икрами и не знающими радикулита спинами, кожа на которых казалась плотной и шершавой не менее, чем ткань выцветших до голубизны некогда синих спецовок.

... Вина было достаточно, а тостов, шуток, подначек и славословий явно не доставало; не было шума и бестолковости прежних наших дружеских застолий. Все были тихи: Сашина сравнительно недавно родившая жена, талантливая журналистка, молчала все время и только окидывала нас, словно бы героев будущего очерка, быстрым примечающим взглядом, а Саша либо заканчивал очередную иссякшую общую тему разговора, либо начинал следующую, грозившую иссякнуть столь же быстро. Эминчик и Шурик Тверецкий, работающие в Институте физики Академии наук Азербайджана, в паузах между темами перебрасывались то ли сведениями, то ли слухами о достижениях одних отделов и неудачах других; неожиданно объявившийся Леня Прилипко, который, как нам откуда-то стало известно, тоже уговаривал родителей, знаменитых ботаников, переехать, но в Москву, молчал изучающе, словно бы прикидывая, что будет делать, когда «причиной» таких посиделок будет он.

Став вскоре известным биологом, долгое время проработав в Научном центре психического здоровья Академии медицинских наук, Леня в течение 20 лет был представителем сначала Советского Союза, а потом и России во Всемирной организации

¹ Киши (азерб.) – мужчина, мужик

здравоохранения. Я узнал об этом совсем недавно, как и то узнал, что его родители действительно перебрались из Баку в Москву, но «отважной» не было, во всяком случае, Саша и Эльдарчик ее не помнят – что-то, видимо, у Лени с нею не сложилось.

Мы с Эльдарчиком были вялые и уставшие: он единственный смог вырваться с работы, чтобы помочь перетаскивать вещи, и хотя нам доверили только книги, но связок с ними было чудовищно много – отец умудрился упаковать не только всю художественную литературу, но и учебники, монографии, журналы, в которых было хоть что-то, относящееся к бурению и добыче, старые газеты, уже не просто пожелтевшие, а шафраново-желтые, с поблекшими буквами и фотографиями, и все материалы и заметки к диссертации.

... – Кто будет жить в этой квартире? – спросил Эльдарчик, когда мы остановились передохнуть на площадке второго этажа, а связки держали в руках, хотя перетягивающая их бечева оставляла на подушечках пальцев глубокие канавы, исчезающие, впрочем, как только молодым нашим кровотокам переставало что-либо мешать.

– Откуда мне знать? Завтра в домоуправлении отцу выдадут справку о том, что квартира сдана, неделю родители поживут у родственников – и все.

– Что значит – все?! – завелся он. – Ты представляешь, сколько управдом слупит с семьи, которая сюда вселится?!

– Так что, по-твоему, отец должен унижаться, просить его поделиться?

– Надо не просить, а требовать. И не Зиновию Марковичу, а тебе!

– Я не смогу. А ты бы смог?

– Нет, – честно признался Эльдарчик.

И завелся по-новому.

– Ты хочешь сказать, что, сдав кооперативную квартиру, отец сверху тоже ничего не взял?! Несмотря на то, что без его усилий даже фундамента дома до сих пор бы не было?!

– Хочу сказать. И не говори, что сверху должен был бы взять я, а иди сам и возьми! Сможешь?

– Нет! – и столько в его голосе было отчаяния, что я засмеялся и понес связки дальше – вниз, на первый этаж, на улицу, к контейнеру...

А ведь сейчас я смог бы! И с управдома бы слупил, и за кооперативную квартиру взял бы не по номиналу. Это оттого, что стал умнее? «рыночнее»? хуже?

Итак, все, даже громогласный Эминчик, были неестественно тихи – и от этого тягостно мне стало, хотя знал, что через два месяца будет защита, что все, содержащееся в слове «будет», сложится светлым и прекрасным.

И тут Инна, Сашина жена, о которой я много до этого слышал, какая она умница и красавица, но видел которую в первый раз, спросила (только сейчас понимаю, как наполнена символами моя жизнь – одна Инна своею болтовней навсегда «привезла» меня в Воронеж, другая Инна своим одним-единственным вопросом навсегда «проводила» из Баку):

– Марик, а чего такого нет в Воронеже, что есть в Баку?

– Чувственности, – ответил, не задумываясь.

И сам не понял, что сказал, однако пустился в пояснения:

– Не чувств, люди там такие же, как здесь, и чувствуют так же, только жести-

кулируют меньше и кричат тише. Именно чувственности нет, этого наслаждения моментом и уверенности, что следующим моментом можно будет наслаждаться еще больше. Воронеж не бесчувственный, а «без-чувственностный». Не бесплотный, но не живущий плотским; он пользуется вещами, но не увлечен вещественным.

Не уверен, что говорил так складно, во всяком случае, смотрели на меня недоверчиво. И тогда попытался спрятаться за поэзию:

– Ничего подобного такому: «И, склонясь в дыму кальяна/ На цветной диван,/ У жемчужного фонтана/ Дремлет Тегеран» – про Воронеж никто не напишет. Воронеж никогда не дремлет – он восстанавливает силы или отсыпается, он отключается или забывается.

Хорошо мы когда-то были «выдрессированы» Ларисой Васильевной, с шестого класса учившей нас знать и понимать русскую литературу! Особенно Толстого и Лескова – а от них, по прямому родству гениальностей, Куприна. Особенно Грибоедова, с дразнящей загадкой его «Горя от ума». Особенно Лермонтова, которого она ценила выше Пушкина.

И вспомнившейся мне строфой из «Спора» будто бы был дан сигнал, и мы повторили, как на фронтальном опросе, все не маленькое стихотворение, которым, как и многим другим, Лариса Васильевна нагружала нас сверх программы, вне программы и наплевав на программу.

Хорошо она нас воспитала! Интонируя по всем правилам декламации, получая истинное удовольствие от дивных строк, мы произносили, подхватывая друг за другом:

*Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И, склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше, вечно чуждый тени,
Лижет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!*

...Но недаром из всего Лермонтова возник именно «Спор».

– Стало быть, переезжаешь на энергичный, работающий Север? – спросил Саша как-то чересчур расслабленно, с какой-то нарочитой долей «восточной дряхлости», в чем можно было бы, ежели постараться, усмотреть вызов. А ответ мой ему мог быть прост: мол, и Баку далеко не ленив и совсем не похож ни на Тбилиси, в котором сонный грузин расплескивает вино на узорные шальвары, ни на Тегеран, хотя побольше жемчужных фонтанов и нашему родному городу иметь не помешало бы; мол, и Воронеж, хоть и работающ, но уже чувствуется в нем усталость от продуктового дефицита, от «оборонки», которой напичкан, от порожденной «оборонкой» угрюмой настороженности Конторы, парткомов, месткомов, лютующих первых отделов – например, мне в мирном «строяке» получить разрешение на печатание автореферата диссертации по самой что ни на есть чистой математике стоило двух недель проверок, перепроверок и переперепроверок – и, наверное, завязался бы обычный наш с Сашей спор, в котором остроумия было бы куда больше, нежели ума.

... Сейчас во время редких встреч в Москве и в сравнительно частых разговорах, когда он звонит из Лос-Анджелеса, мы с ним абсолютно понимаем друг друга, с полуслова соглашаемся друг с другом, потому что нет, как ныне выяснилось, ничего, к чему относимся по-разному, но до того, как разъехаться по разным странам, «схлестывались» по любому поводу. Однако же в тот «отвальный» вечер мне спорить не хотелось, и Саша не очень рвался в бой, да и всем остальным наши словесные коридоры были ни к чему. И Эминчик предложил:

– Давайте еще повспоминаем стихи!

Началось с Маяковского: «Лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок...» («А Лиля Брик была бакинкой», – напомнил на всякий случай Шурик Тверецкий); продолжилось Пастернаком.

И были Арсений Тарковский, Гумилев, Цветаева... многие великие возникали, не помню уже, кто из нас что читал, но помню, как часто приходил Пастернак, особенно остро любимый бакинским народом, но не из фронды или диссидентства, нет, просто невозможно, особенно в Баку, не любить особенно остро человека, который так многое умел делать лучше других! – и Лариса Васильевна приучала нас к нему то, как к целебной микстуре, чайными ложечками, то, как к возносящему вину, стаканам:

*Мне снилась осень в полусвете стекол,
Друзья и ты в их шутовской гурьбе,
И, как с небес добывший крови сокол,
Спускалось сердце на руку к тебе.*

И еще:

*Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Это взгляд бездонный твой,
Напоенный синевою.*

...

*Это синий, негустой
Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим.*

Но, может быть, правильнее говорить, что это уже был не один Пастернак, а вместе с Бараташвили?

Наверное, это правильнее, но только точнее всего – Шепот Божий это был, и неважно, на каком языке он звучал.

И все, что вспоминали они, все, что вспоминал я, было о том, о чем только и стоит писать стихи – о Жизни и Любви; наполнено тем, ради чего только и стоит их читать – упоением Жизнью и Любовью.

Упоением, которое и есть чувственность; упоением, которое вспыхивает в Баку, как высушенный жарю порош – ярко, бездымно и бездумно.

Но точку в этом согласном споре гениев, в споре, «дыханием почвы и судьбы» очищенном от мелочно людского, поставил все же Пушкин.

Саша заставил нас разлить оставшееся вино, поднялся и произнес:

*Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым, и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.*

Мы тоже встали, даже Инна, учившаяся не в нашей, не в шестой, лучшей в мире школе, – и выпили. До дна.

И не случилось в моей жизни глотков добрее, ибо не было мне никакого зла от моих учителей, а только благо было мне от них.

... Инна, жена Саши, умерла от зло в нее вцепившейся онкологии несправедливо скоро, в 1980-м, и муж увенчал память о ней дивным венком сонетов.

Леня, Леонид Леонидович Прилипко, тяжело болея, умер в Женеве, где находится штаб-квартира ВОЗ, в 2007 году; Эминчик, Эмин Мехтиевич Алиев, скоропостижно скончался в Баку, в 2012-м; Шурик, Александр Петрович Тверецкий, – там же, в 2014-м.

Нас, читавших стихи ранней весной 1971 года в хрущевке у станции метро «Нариманов», осталось трое: Саша, Эльдарчик и я.

Как же мне не хватает вас, ушедшие друзья мои!

«...Чтоб тайная струя страданья / Согрела холод бытия» – писал Пастернак...

Что же согревало холод бытия для меня? Не припомню ни мучительных разочарований, ни смертельных обид; потерь, вконец обрушивших, выжегших жизнь, не припомню. Все, как у многих или даже у всех: уход родителей, потери друзей, утеря страны и связанные с нею внешние и внутренние ломки...

Все, как у многих или даже у всех.

Так за чем же я погнался, уезжая из Баку, и толкало ли меня желание полнее, без остатка, состояться, реализоваться, самоутвердиться?

Именно ли это гложет, тащит, влечет по сей день, по сию минуту? Оттого ли пятьдесят лет с дон-жуанской неумемностью метался и мечусь от профессии к профессии, от одной сферы интересов к другой, от одной, казавшейся авантюрой, затей – к другой, еще сумасшедшее?

Зачем, не успев остыть от работы над одним романом, берусь за воплощение замысла следующего – и не просто берусь, а бросаюсь, как в последнюю атаку? Зачем попутно консультирую бизнес, менторствую в стартапах, несусь читать лекции по экономике, по истории технологических укладов, по истории религии, литературы, математики; лекции о философии Ницше и миссии человечества – зачем?

Воистину, как говорят, чего-то не понимая: «Я не догоняю!», и в поговорке про «Баку – Воронеж» именно «не догонишь» стало для меня и сутью жизни, и ее смыслом; и вызовом стало, и дразнилкой.

Я не догоняю сам себя.

Я не догоняю тот поезд, что должен был бы повезти меня, – со всеми обычными для спокойной старости остановками: «Путешествия», «Рыбалка», «Фильмы», «Спектакли», «Концерты», «Коттедж», «Садик-огородик», «Лютики-цветочки», – к толстовскому: «Они обе видели, как он глубже и глубже, медленно и спокойно опускался от них куда-то туда, и обе знали, что это так должно быть, и что это хорошо»¹.

Почему при множестве родственников, друзей, приятелей и партнеров так часто чувствую себя если и не чужим, то уж точно нездешним – и только, наблюдая восход... нет, участвуя в восходе на Байкале; только участвуя в закате на берегу Японского моря, смог поверить до конца, ощутить от донышка до Космоса, от микромира до макро-, что не случаен в этом мире и в этом времени.

Что проживаю пусть странную, но свою жизнь.

Хорошо, что это было, но все же обидно, что только дважды, максимум, по часу.

Из семидесяти трех лет.

Вот с таким настроением я и прилетел в Баку в начале мая 2018 года.

IV. ВОРОНЕЖ – БАКУ

Три открытия случились у меня по дороге из аэропорта в гостиницу «Интурист».

И первое открытие – Али, водитель такси класса «комфорт», которое мы бронировали еще из Москвы по одному из электронных сервисов. Кипуче-энергичный мужчина лет двадцати восьми, говоривший по-русски быстро, увлеченно и не очень гладко, успел поведать, совсем по-бакински называя меня на «вы», но дядей, а к жене моей обращаясь соответственно «тетя, вы», что закончил тот легендарный нефтяной институт (теперь университет), который я уже неоднократно упоминал, получил специальность инженера по бурению и добыче, работал в совместной с «British Petroleum» компании – однако, когда цены на углеводороды упали, попал под сокращение штатов.

Что ж, посочувствовал ему, а он, не вздыхая и не кручинясь, принялся взахлеб рассказывать про свою замечательную семью и продемонстрировать на экране айфона фотографии: двое славных детей, красивая жена – врач-эндокринолог, царственного вида мать – известный в республике кардиохирург, не уступающий ей в царственности отец... и тут я невольно протер глаза: мужчина лет пятидесяти пяти был в явно генеральском мундире! «Да, – подтвердил Али, – он...» и назвал занимаемую отцом очень крупную должность в МВД. «Али, – не выдержал я, – как же вы, при таких родителях, попали под сокращение?» Ожидал услышать про завистников отца, про ин-

¹ «Война и мир», часть 4, глава 16

триги и аппаратные игры, – мало ли таких историй приходится слышать, – но тому, что ответил Али, удивился: «Дядя, – сказал он с достоинством, – при чем тут отец и мать? Я был на фирме самый молодой инженер, те, кто остался, лучше меня. Жена моя, машалла, хорошо зарабатывает, но я же мужчина, как буду дома сидеть, деньги не приносить? Родители и брат, спасибо им, поручились, вот новую машину в кредит взял, солидным пассажирам нравится».

Нам сверкающая и внутри, и снаружи «KIA Optima» тоже нравилась, однако еще больше мне понравилась верность Али, – для меня, так из поколения Z, – еще в конце XIX века утвердившемуся в Баку принципу: «Каждый делает, что может, а лучшим – лучшее»... клановость? – наверное, есть; зависть, интриги? – куда от них денешься; взятки – увы, и не без них тоже, но понимает бакинский народ, что постыдное это занятие – злобствовать и завидовать, когда лучшим все же достается лучшее!

Второе открытие: Баку подрост и засверкал! Поначалу думал, что это мне кажется – ведь так бывает, когда долго кого-то не видишь, а потом, даже и не подзревая, что настолько соскучился, вдруг обнаруживаешь, что недооценивал ни рост, ни сияние глаз... Потом понял, в чем дело – очень многие дома, особенно в центре, надстроены! Появились один-два дополнительных этажа, абсолютно – ни рельефом, ни формой балконов и окон, ни прихотливым орнаментом, на который так щедры были архитекторы, застраивавшие Баку в годы нефтяного бума, не отличающиеся от прежних. Эта копиистская точность меня, хорошо помнящего прежние очертания, завораживала, а полное совпадение цвета и тона старого и нового камня вообще представлялось чудом.

Третье открытие, которое случилось уже на следующий день, когда мы пошли бродить по самым любимым моим местам, – невероятная по былым временам, да и по нынешним нечастая чистота; и это в Баку, когда-то безалаберно южном, в котором бросить на тротуар окурочек особым грехом не считалось; в Баку, который после дующего из калмыцких и сальских степей норда весь бывал покрыт пылью! И еще потрясающе разросшиеся и ухоженные деревья, прихотливых форм кустарник, газоны, густоте которых позавидовали бы по триста лет стригущиеся английские, клумбы, каждая со своим рисунком, каждая пестрее и загадочнее азербайджанских и персидских ковров. И фонтаны! Множество фонтанов! Бьющих, шумящих и журчащих! В будний день! В Баку, в котором на наш третий этаж вода поступала только среди ночи, и мы с отцом, дежуря попеременно, наполняли все лохани, корыта, ведра и кастрюли!

Однако я обещал с ахами и восклицаниями не перебарщивать, поэтому скажу, не откладывая «на потом», чего мне в Баку из привычного прошлого не хватило. Хотя бакинцы меня, быть может, осудят, признаюсь: мне не хватило прежнего запаха, нет, аромата нефти! Вода в бакинской бухте и у полосы шиховских пляжей теперь чистейшая, не только мазутные пятна, но и малейшие участки непрозрачности на ней невозможны. По дороге из замечательного рыбного ресторана, расположенного там же, в Шихово, нам попадались ярко раскрашенные синим и красным, кажущиеся миниатюрными станки-качалки, однако, сколько я ни втягивал в себя воздух, никаких ароматов добываемого не почувствовал... Не зря радуются этому бакинцы и адепты экологической безукоризненности, не зря радуюсь я за них – и все же не могу не привести, прося прощения за самоцитирование, отрывок из своей повести «Седер на Искровской».

«Впечатление, будто весь Баку пропах нефтью, возникало нечасто. Только осенью или ранней весной, когда ветры дули от Черного города, расстились дымы нефтеперегонных заводов, и повсюду висел дух воистину тяжелой индустрии... Но когда летними вечерами, смягчая жару, от бухты дула благословенная «морьяна», то к ароматам моря, к дымкам прибрежных шашлычных и чайхан едва примешивался запах мазутных пятен, напоминая, что и в основе духов, в основе томительной сладости «Красной Москвы» лежат высокие фракции все той же бакинской нефти».

... Господи! Откуда вдруг на старости лет, при том, что имею отношение к созданию программного обеспечения, развитию навигационных и телематических систем, к «Интернету вещей» и прочей высокотехнологичной прелести, появилась во мне эта привязанность к Черной Крови Земли?!

Почти физиологическая привязанность, – будто бы к лекарству, без которого моя собственная кровь по не очень-то уже пластичным и послушным сосудам течь не может!

Восторгов от увиденного было много, но и некое сомнение поначалу не покидало: а бакинский народ остался? Бакинцы, разумеется, есть, их много, они, – с неизменным вкусом и хорошо, даже аристократично хорошо, одетые, – так равномерно распределяются по бульвару, паркам, скверам, улицам, площадям, террасам кафе и магазинам, что нигде нет подобия толпы, однако никто не порождает тоскливой ауры одиночества. Но ТОТ народ – он есть или разъехался? Или вымер, перестав воспроизводиться? Или превратился в обычный симпатичный люд, отдав на волю ветров истории свою особость, – отсутствие провинциализма, непоказное трудолюбие, естественную доброжелательность, сочетанную со спокойным чувством собственного достоинства, – которая делала его уникальным явлением в «дружной семье народов СССР»? Странной, надо сказать, семье: жили в общем дворце, правда, ветшающем и требующем капитального ремонта; жили, изо всех сил клянясь друг другу в верности, а как выпал случай, легко разбежались по суверенитетам, мигом превратив их в затхлые, зато свои, зато отдельные квартиры.

Однако пришедшиеся на один только день события доказали мне, что бакинский народ есть.

И первым из них стало посещение родной школы, вернее, посещение места, где она, привычная мне, была прежде – поскольку то великолепное пяти-шестиэтажное здание, которое стоит там теперь, ничего общего с прошлым не имеет, и лишь надпись на латинице у входной двери со знакомым словом «мектеб» и цифрой 6 подтвердила, что все хорошее в Баку не только не исчезает, но и становится еще лучше.

Как мог, с трудом припоминая то, – к стыду своему, – совсем небольшое из азербайджанского, чем владел когда-то, попытался объяснить охранникам, что учился здесь... Было трудно и мне, и им, а на мое «Speak English?» они беспомощно пожали плечами – и тут к нам с женой подошли трое в безукоризненных школьных мундирах, поздоровались и спросили на абсолютно правильном и безакцентном русском: «А когда вы закончили нашу школу?» «В 1962-м, – ответил я, не объясняя, что из-за причуд Хрущева вынужден был перейти, дабы не терять год, после восьмого класса в другую школу, 26-ю, тоже хорошую, но уж никак не лучше родной... просто подвезло ей остаться десятилеткой, потому что не была она так на виду, как наша 6-я.

«Ого! – уважительно воскликнул самый бойкий парнишка, – целых пятьдесят шесть лет назад!»

«Вы хорошо считаете в уме, – искренне похвалил его я. – Это сейчас редкость».

«У нас *замечательные* учителя!» – мгновенно отреагировал он с бакинской страстью к возвеличивающим эпитетам и превосходным степеням.

«И у нас были *великолепные* учителя! – мне тоже захотелось заговорить «по-бакински». – Я вот стал доктором физико-математических наук, профессором. Многие мои одноклассники – прекрасные инженеры, лауреаты престижных премий, а один из них – поэт, переводчик, сценарист и продюсер. Снял пятисерийный документальный фильм о Гейдаре Алиеве!»

«Да, в нашей школе всегда были и есть самые лучшие учителя, – подытожил он, и друзья его согласно закивали. – Недаром ее заканчивал Президент!» – и указал на прикрепленную к стене холла мраморную доску, на которой высечены слова благодарности Ильхама Алиева нашей с ним 6-ой.

Зазвенел звонок, они извинились, что не смогут устроить нам экскурсию, и ушли.

И тут только я сообразил, что эти пареньки, – по всей видимости, азербайджанцы, – свободно говорили со мною по-русски (а могли бы, уверен, и на английском), но разве обучение в школе не ведется теперь на их родном языке? Выяснилось однако, что в отличие от тех «нео-независимых» государств, в которых все не по-сконно-национальное объявлено враждебным, несколько престижных бакинских школ остались русскими, а в некоторых из них, – в моей, в частности, – появились классы для детей, желающих обучаться на азербайджанском. А еще выяснилось, что в Азербайджане сформирована система образования, ничего общего не имеющая с повальной стандартизацией и унылой однотипностью; что шестая школа-лицей включилась в программу International Baccalaureate, и лучшие ее выпускники, имея дипломы международного образца, получают возможность поступления в ведущие университеты мира, минуя какие-либо промежуточные ступени.

Как это славно, когда страна не бьется в тисках комплексов, беспрестанно толкуя о своем величии, но при этом неизбежно впадая в затхлый провинциализм, а чутко улавливает современные тенденции и, не теряя самобытности и чувства собственного достоинства, следует лучшим из них, не отставая, а кое в чем и опережая!

Через соседствующий со школой сквер – в нем когда-то высилась статуя Сталина, у подножия которой «ставилась» придуманная мною история: «Большевичка Нина отвлекает внимание царского жандарма»¹ – поднялись до Дворца президента. В нем тоже что-то изменилось с тех времен, когда это здание было одной из, как сейчас бы сказали, реперных точек города, означенной в сознании горожан привычной аббревиатурой «ЦК» («Пройдешь чуть левее ЦК...»). Что-то трудноуловимое изменилось, но только, глядя на него, не сомневаешься: республика управляется отсюда, при всем уважении к Милли меджлису, здание которого расположено выше, в Нагорной части, и Кабинету министров, находящемуся в Доме правительства, построенном еще в 1952-м и так памятном мне по траурным мартовским митингам², на которые меня, без ведома родителей, домработница волокла, как на всенародное прощание со светом, миром и жизнью.

¹ См. повесть «Седер на Искровской»

² В начале марта 1953 года умер Сталин

ЦК и раньше внушал почтение, но все же ощущалось, что здесь – только «промежуточный» мозг, а главный, воистину командующий, в Москве. Теперь же ничего подобного не ощущается, а, напротив, этот центр принятия решений, вне зависимости от их общемировой значимости, как-то естественно ставится сознанием в один ряд с Кремлем, Елисейскими полями, невзрачным зданием на Даунинг-стрит, Белым домом...

Скептически отношусь к словам «независимость» и «суверенность» – на самом деле все от всех зависимы и все со всеми вассальны. Гораздо точнее – самостоятельность, «само-стояние»: никакие подпорки и поддержки не нужны, чувство равновесия, – при том, что нити и веревки взаимосвязанностей тянут в разные стороны, – не утеряно; координация движений, – при том, что самомалейшее движение вызывает контрдвижения, – идеальна.

«Сам стою и другим стоять не мешаю!» – вот что читается в облике Дворца президента, чуть ниже которого – море, выше которого – небо и почти вровень с которым – филармония.

Да, филармония – почти вровень, словно утверждая, что наша жизнь и работа ценны лишь постольку, поскольку развивают и обогащают то, что зовется культурными кодами.

Равноценными кодами – вне зависимости от того, запечатлели ли они музыку Кара Караева, посвященную безрассудному и прекрасному рыцарству идадьго Дон Кихота, или новое дивное цветение персидской поэзии на плодородной почве азербайджанского языка; сделали ли они достоянием человечества тончайшие приемы ковроткачества или высокие технологии переработки нефти, орнаменты на стенах старинных зданий или игру света и цвета на бесчисленных этажах современных небоскребов.

У филармонии, в Губернаторском саду, скамейки из прихотливо переплетенных металлических полосок совсем недавно были умыты из шланга. Те из них, что попали под лучи припекающего солнца, уже высохли, но нас манила стоявшая в прохладной тени, еще совсем мокрая. Начали искать какие-нибудь пакеты, чтобы усесться на них, как вдруг нас окликнула хлопотававшая над клумбой садовница. На лице ее были видны только глаза, черный платок укутывал все остальное – то ли в соответствии со строгостями ислама, то ли защищая от пыли и грязи. Она сказала что-то, сделала жест, который, в принципе, можно было трактовать как «Стойте здесь!», и заспешила куда-то в глубь сквера.

– Ты понял, что она хотела? – спросила жена.

– Кажется, попросила подождать, – неуверенно предположил я.

... Женщина вернулась почти бегом, минут через пять, неся большой кусок цветной ткани, даже на глаз, чистой и мягкой – и насухо вытерла ею скамейку. Это, конечно же, не входило в ее обязанности, иначе держала бы тряпку при себе, да и не выглядел этот кусок ткани тряпкой, скорее, лежавшим в подсобке подобием скатерти, на котором во время недолгого обеденного перерыва раскладывалась снедь.

– Отурун, ха'ишедирик! – сказала женщина.

– Чох сагол, баджим! – поблагодарил я.

Она улыбнулась в ответ.

«Удивительно все-таки умеют улыбаться черные глаза... когда лицо прикрыто черным же платком, – думал я в полудреме. – Наверное... все-таки для защиты от пыли и грязи прикрыто... ».

Хотя, если честно, невдомек было мне, полудремящему: откуда могут взяться пыль и грязь в месте, где властвуют свежая зелень и необыкновенная легкость воздуха, наполняющего легкие без малейшего их для этого усилия?

Ближе к вечеру мы поднялись на фуникулере к Аллее Героев и решили пройти от нее к кладбищу, где похоронены выдающиеся люди Азербайджана. Полицейский не так хорошо владел русским, чтобы понять слова «Пантеон», «почетное захоронение», но лишь только я произнес «Муслим Магомаев», как он тут же ответил, показав направо: «Метров двести».

Увы, то, что его молодыми, здоровыми ногами воспринимается как двести, оказалось больше, по крайней мере, раза в полтора-два и, засомневавшись, мы остановили обогнавшую нас женщину лет пятидесяти вопросом, правильно ли идем.

– Да, – ответила она, – совершенно правильно. Но, чтобы вы не волновались, я вас провожу.

Приноровившись к нашей (в основном, к моей) скорости, женщина спросила по дороге, из Москвы ли мы и на сколько дней приехали. Узнав, что из Воронежа и всего на пять, откликнулась слегка для нас неожиданно:

– Стыдно мне. Вы так издалека приехали, – боюсь, она не очень представляла, где находится Воронеж, – и выбрали время, чтобы навестить могилу Муслима, а я живу близко отсюда и со дня его похорон ни разу не была.

... Но нас ждало разочарование, хотя можно было бы догадаться заранее, что в восемь часов вечера и ворота, и калитка окажутся закрыты. Я утешал жену, что завтра мы приедем непременно, но только утром, чтобы наверняка; я убеждал женщину, расстроенную еще больше, что найдем вход, конечно же, и самостоятельно... наконец, распрощались и разошлись в разные стороны. Прошли метров сто, как вдруг услышали задыхающееся:

– Подождите! Пойдите! *Можно* пройти!

Она бежала к нам в туфлях на довольно высоких каблуках – и нелегко ей было, однако, думаю, пробежала бы и втрое больше, если бы пришлось. Выяснилось, что закрытые ворота и калитка – боковые, и потому закрыты они всегда, а метрах в ста правее есть центральные, они открыты, и дура она, что про это забыла, день на работе был сегодня тяжелый, и только когда дошла до центральных, увидела, вспомнила и поняла, какая дура.

Пошли обратно. Все было, как она сказала, а похоронен Муслим оказался рядом с дедом, композитором и дирижером, тоже Муслимом Магомаевым... хотя наш всесоюзный любимец всю жизнь возражал, что это он – тоже.

Долго стояли. Не знаю, о чем молчали мои спутницы, а я вспоминал.

Победив на двух-трех конкурсах самодеятельности, к девятому классу я стал считаться подающим надежды чтецом-декламатором, что было приятным, но совершеннейшим пустяком в сравнении с мечтой – тайной, страстной, маниакальной – петь!

Неоднократно обновляемые пластинки с записями Шалапина заигрывались за месяц-два, нюансы его великого пения звучали во мне денно и нощно, а когда пробовал воспроизводить их в четверть голоса, то, черт возьми, кажется, получалось! Не давались только две вещи.

В «Пророке», на музыку Римского-Корсакова, Федор Иванович сотворил неповторяемое.

«И внял я неба содроганье» – какое страдальческое обретение в этом «вня-я-я-л», с какими раскатами грома Господня выпеваются согласные в «содроганье»!

Потом звучанием трубы архангела Михаила: «И горний ангелов полет»; потом: «И гад морских подводный ход» – и на плечи будто бы наваливается чудовищная толща воды...

Но вот, словно освобождение от давящей ноши: «И дольней лозы прозябанье» – и тянешься к солнцу, как замерзшая, но отчаянно жаждущая жить лоза...

«Ладно, – думал я, – в «Пророке» Шалапин недосыгаем, придется смириться. Зато «На земл-е-е-е...» в начале куплетов Мефистофеля – достижимо. Тем паче, кумир поет по-французски, а я спою с той же мощью по-русски».

И пусть долгие годы учебы, пусть труды непрерывные и неустанные, пусть самоограничение в течение всей жизни – но когда-нибудь заполню своим «На земл-е-е-е...» зал «Ла Скала», «Метрополитен» или «Ковент-Гарден»!

...5 ноября 1961 года в новой моей школе № 26 состоялся вечер, понятно чему посвященный. Отчитав что-то из Маяковского, пошел было покурить – но вдруг услышал знакомые аккорды... и школу заполнил шалапинской беспредельности голос, спевший начало куплетов Мефистофеля.

Я пустился со всех ног обратно и увидел за нашим раздолбанным пианино долговязого, худющего юношу в солдатской форме. Он сам себе аккомпанировал – и в этом, не самом удобном для певца, положении умудрялся переполнять актовъй зал звуками изумительной красоты, которые удваивали, удесятерили немалое пространство – и все вокруг откликалось, как откликаются деки хорошо сработанных виолончелей, ловящие малейшую вибрацию струн.

Увы, это пел не я...

Но клянусь вам, это пел я, потому что юноша в солдатской форме заставлял «петь» вместе с собою всех, даже впервые слышащих Гуно и о Гуно.

Заставлял – своими уникальными связками, темпераментом и необыкновенным артистизмом – участвовать в этом потрясающем Пении.

Голосу чуть-чуть не хватало, быть может, той едва уловимой тяжеловесности, без которой бас – не совсем все же бас... это было немного странно... но стало совсем удивительно, когда юноша, нетерпеливо отмахнувшись от аплодисментов, запел каватину Фигаро. Да с такими фиоритурами, с таким богатством интонаций, о которых мечтал, наверное, сам Россини, когда лихорадочно вписывал в нотный стан переполнявшие его звуки.

Так что все же у чудо-внука знаменитого азербайджанского композитора – бас или баритон? Все выяснилось на прослушивании, которое мне весной 1962 года устроили у некоей Сусанны Аркадьевны, дававшей когда-то уроки Муслиму. В ее кабинете висела афиша его концерта в Грозном, но тогда она еще не знала, что судьба послала ей не просто феноменально одаренного ученика, но того, чей голос и облик всего через два года станут для десятков миллионов воплощением самого понятия «Певец».

Сусанна Аркадьевна признала у меня наличие «вроде бы неплохого материала» и спросила, кто мой кумир.

– Конечно, Шалапин! – ответил я гордо и тут же рассказал про куплеты Мефистофеля, про то, как много буду трудиться, чтобы...

– А вот Муслиму трудиться почти не надо было, – охолонила меня Сусанна Аркадьевна и любовно посмотрела на афишу, – бас был поставлен от природы.

– Бас все-таки? А как же тогда Фигаро?!
– Сам переставил себе голос... Ладно, приходи в четверг. Попробуем начать...
Сам переставил?! Безумно трудно «перестроить» связки, небо, дыхание даже под руководством блестящего педагога. Но проделать все это самому?!

Я не пришел в четверг, решив, что не хочу быть певцом, раз между мною и Шляпинным всегда будет Муслим Магомаев.

Конечно, фанфаронство семнадцатилетнего сопляка...

Но с другой, гораздо более важной, стороны – Муслим, сам того не ведая, преподал мне непреложную истину: не следует заниматься тем, в чем всегда будешь далек от идеала.

Разумеется, в математике, которой я занимался до 1997 года, было (и есть) множество людей гораздо талантливее меня. Они решали свои, более сложные задачи; однако же те, что решал именно я, посильные именно мне, решались почти идеально.

Разумеется, сцена бреда раненного под Бородином Андрея Болконского, купринские «Река жизни» и «Гамбринус», финальные страницы «Мастера и Маргариты», «Приглашения на казнь» или Веничкиного романа «Москва-Петушки» написаны с силой, для меня недоступной! Однако ж и здесь есть спасительное утешение: я-то пишу о других людях и других временах – и в этих, мною создаваемых, мирах пребываю ни с кем не сравниваемым демиургом.

А для поющих нет таких утешительных соображений – вокальные партии написаны неизменно, и тут только отпущенный певцу талант есть и критерий, и итог.

Муслим всегда был броско талантлив, блестящ, неповторим, но того первого потрясения не случилось долго, пока однажды не услышал его в дуэте с великолепной Тamarой Синявской. Он опять аккомпанировал, теперь уже за отличным концертным роялем, и опять совершил чудо: благородно сдержанное, бархатистое его пение было виолончельным сопровождением летящего голоса жены – а так вести себя в ансамбле могут только воистину великие артисты. И я еще раз сказал ему спасибо за когда-то невзначай подаренное понимание.

Все, за что Муслим брался, он пел идеально: каватину ли Фигаро, песни ли Бабаджаняна или Пахмутовой, серенаду ли Дон-Кихота... Riskну предположить, что не спел, скажем, Риголетто, потому что задолго до него это идеально сделали Титта-Руффо и Тито Гобби, а быть хоть бы и в малом отдалении от идеала мог позволить себе кто угодно, только не Муслим Магомаев.

Но в одной оперной партии он достиг бы, как мне кажется, совершенства: Демона в опере Рубинштейна, где фантастически красиво звучали бы и сохраненная им басовая плотность, и обретенная гибкость баритональных верхов.

И – уверен – не раз напевал он жене слова Демона, обращенные тоже к избраннице, тоже к Тамаре:

*Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;*

...
*Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, –
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать.*

«Но даже если он это и не напевал, – думал я, стоя у могилы Муслима, – все равно, даруй ей, Господи, золотые сны, наполненные его голосом».

Вышли за ворота кладбища, и женщина, еще раз извинившись в ответ на наше искреннее «спасибо», пошла в сторону, противоположную от станции фуникулера, куда следовало идти нам. Пошла медленно, то ли потому, что устала, пока бежала на высоких каблуках, то ли потому, что не могла отбросить что-то, нахлынувшее у могилы Муслима... кто она была? – никогда не узнаю, но одно точно: будет вспоминать случившееся так же часто, как и мы.

У ворот стояло пустое такси «баклажан» – эти лондонские машины-ящики фиолетового цвета, приспособленные для левостороннего движения, были массово закуплены несколько лет назад, говорят, что специально перед конкурсом «Евровидения». Кстати, за все дни пребывания я ни разу не побывал в пробке – машины передвигаются быстро, плотно заполняя проезжие части, иногда довольно узкие, поскольку в южных городах на ширине тротуаров не экономят, позволяя людям фланировать, другими любоваться и себя показывать. В самом конце апреля в Баку прошел этап гонок «Формулы-1», по-видимому, из тех, в которых пилоты как раз и должны демонстрировать сумасшедшие скорости и смелость не на специальных трассах, а на вот таких петляющих городских улицах. Я спросил у Али, каковы впечатления, он ответил: «Хорошо водят!», но без экзальтации, а как профессионал, воздающий должное другим профессионалам.

... К «баклажану» направился вышедший из ворот кладбища мужчина, явный водитель, ответивший мне с сожалением, что отвезти нас в рыбный ресторан на Шихово не сможет, занят – и указал на подошедших к машине пассажиров. Ну что ж, пошли себе потихоньку к фуникулеру, где еще раньше видели несколько автомобилей с желтым фонарем на крыше, однако воистину то был вечер, когда нас «без призора» не оставляли: минуты через четыре сзади послышались настойчивые гудки, явно окликающие. Обернулись: почти впритирку к тротуару двигался тот самый не нам предназначенный «баклажан», а за ним так же медленно ехал другой, пустой. Спустив стекло, водитель первого пояснил, что, связавшись по рации, обнаружил вблизи свободную машину, она вот подъехала и доставит нас на Шихово.

И рванул, словно давая понять, что теперь, когда долг гостеприимства выполнен, ничто уже не мешает ему быть достойным города, где не случайно проходит гонка «Формулы-1».

– Ты понимаешь, – сказала мне жена уже в «баклажане», – что его пассажиры терпели, пока он нас пристраивал?! Потрясающие люди!

– Бакинцы! – ответил я коротко, а хотелось сказать: «Великий Бакинский Народ!»

Но побоялся, что прозвучит излишне пафосно.

А в рыбном ресторане, несмотря на то, что он в этот пятничный вечер был самым очевидным образом не просто полон, а забит до отказа, официант на мою просьбу вызвать такси, чтобы мы смогли уехать обратно, искренне удивился: «Зачем обратно?! А покушать?!» Бегом и только бегом передвигающиеся парни поставили нам стол прямо посреди асфальтовой дорожки и за полчаса, максимум, накормили бо-жественной «осетриной-гриль».

Когда же я расплатился, подошел тот самый официант, который, оказывается, не упускал нас из виду, и сказал: «Ну вот! Теперь можно и такси!»

Проспал, потрясенный впечатлениями, шесть часов кряду.

Вышел на балкон и увидел, что рассвело едва ли наполовину.

До первых поздравительных звонков и эсмэсок было еще долго, жена крепко спала, так что я, семидесятитрехлетний «новорожденный», оказался один на один с миром, в котором царил тишина.

Но не такая, конечно же, как в 45-м, когда до подписания Акта о капитуляции оставалось совсем немного – ведь я родился, когда война издыхала, когда войска уже не наступали, зато наступала самая праздничная в истории ночь.

Стреляли в воздух, пили, плакали, пели, плясали и мечтали поскорее забыть о круге ада, который пришлось пройти по многим хордам и диаметрам; надеялись, что это был девятый круг, согласно Данте, последний... хотя... кто знает? кто может засвидетельствовать, что их вообще конечное число? кто станет отрицать, что и после 45-го случались времена, схожие с очередными кругами, – но хотя бы за то судьбе спасибо, что не такие же трагические.

... От бухты дул ветер, та самая благословенная «морьяна», которая и после самых жарких, душных ночей дарила на рассвете пару часов «провидческого» полусна – это я вспомнил тяжкую неделю подготовки к экзамену по теоретической физике, когда крыша дома, – она же и потолок квартиры, поскольку чердаков и мансардных этажей в Крепости не бывало и нет, – раскалялась за день так, что был явственно слышен запах плавящегося кира. Огромные формулы из знаменитого курса Ландау, нашего великого земляка, и Лифшица, тоже великого, но не земляка, а «всего-навсего» харьковчанина, можно было впихнуть в голову, только если сидел под вентилятором, завернувшись в мокрую простыню; а вот понять хоть что-то из накануне «впихнутого» удавалось лишь постфактум, в рассветные часы, в полусне, навеянном «морьяной». И вот, наверное, по аналогии, в голове моей стало что-то такое проясняться и укладываться, и я негромко, чтобы никого не будить, заговорил, обращаясь к едва видневшемуся в молочной дымке острову Нарген.

Заговорил, будто бы поясняя строгому экзаменатору длинную и запутанную формулу своей жизни:

– Прости меня, Баку. Прости мои тогдашние глупость и высокомерие, с которыми я считал тебя не устремленным в будущее, не могущим вырваться из обрекающего на архаику ярма нефтегазовой триады «добыча-транспортировка-переработка».

Прости, я не понял, что это не ярмо твое, а корона – ведь оказалось, что даже двадцать миллионов тонн недоразведанной отцом гобустанской нефти, даже эта капля в море в сравнении с ежегодно добываемыми в России пятьюстами пятьюдесятью миллионами тонн, помогает тебе становиться еще краше, еще чувственнее, еще величественнее.

Я недооценил тебя, прости!

И остров Нарген, к которому я обращался, стал мне отвечать.
Голосом Баку.

Таким, словно бесконечно терпеливый учитель, муэллим, ждал, когда же я соизволю к нему явиться, но 8 мая каждого года, начиная с 1971-го, в той строчке экзаменационной ведомости, где значилась моя фамилия, писал: «Еще не созрел».

И все равно ждал – и в 2018-м тугодум-ученик наконец объявился, и первая же его фраза уверила мудрого муэллима, что теперь-то им есть о чем поговорить.

– Это ничего, – сказал мне Баку, – что ты тогда думал так, а не иначе. Тебе же хотелось доказывать интересные теоремы, где уж было подумать, с чем и как ты связан прочнее некуда, неразрывно связан. Весело и страшно рвать с прошлым! – а ведь это я учил тебя жить так, чтобы было весело и страшно.

– Да, учил, и – научил, – отвечал ему я, – вопреки дремлющей во мне памяти о трех тысячах лет гонений и погромов, убеждавшей, что жить надо осторожно. Вчера, гуляя по бульвару, долго стоял там, где меня памятно молотили четверо, – кулаками, пружинами от эспандера, велосипедными цепями, – а мне было больно, но и весело оттого, что занятия боксом все же научили уворачиваться от самых опасных ударов и не падать, если увернуться не успел. Но при этом было и очень страшно, знал: меня, упавшего, не добьют, ты научил всех нас не бить лежачих, но на меня, упавшего, плюнут сверху вниз, – и победа парня, с которым мы в Крепости дали друг другу слово, что будем драться один на один, и я не позвал с собою никого, а он привел троих, – победа этого парня покажется ему бесспорной, а я этого не хотел и потому не падал, хотя уворачиваться удавалось все реже и сил хватало лишь на то, чтобы не опускать руки, терпеть и ждать, пока они поймут: не упаду. Они, наконец, поняли, ушли, а я, избитый, поплелся домой, вскоре встретил Чингиза Идаят-заде, который в три минуты собрал кодлу, и мы прочесали с нею весь бульвар, но никого не нашли. Через день Чингиз поговорил со смотрящим Крепости, враг мой свое получил и после, завидев меня, кричал радостно: «Марик, пеҗәсән?!». «Үахси, – кричал я в ответ не менее радостно, помня, что все же не упал. – Özün пеҗәсән?!¹»

Мне было хорошо вчера на бульваре вспоминать, что тот экзамен я сдал – это ведь ты научил меня больше всего на свете бояться, как бы кто-нибудь не подумал, что боюсь. Не исключено, что это позерство, а бояться так по-особому называется хохориться. Грушницкий бросался в атаку, размахивая шашкой, крича «Ура!», но зажмурившись, – и Печорин, вспоминая об этом... а может быть, сам Лермонтов, представив себе это, думает: «... что-то нерусская храбрость!» У меня, пожалуй, хватило бы сил не зажмуриться, чтобы никакой Печорин, не дай Бог, не заметил, но вот видел ли бы я что-нибудь во время атаки даже и широко открытыми глазами? Во всяком случае, тогда, на бульваре, в конце избияния точно уже ничего не видел.

– Да ладно тебе... – усмехнулся мудрый муэллим. – Довести до белого каления туповатого приятеля, не извиниться, пойти на дуэль с убийственными условиями, считая это жутковатой и интересной игрой, и погибнуть в двадцать семь лет – русская храбрость? Ты же считаешь Лермонтова гением первой череды, из самых-самых, и справедливо считаешь, а ведь гении учат прежде всего тому, что никогда и ничего нельзя делать, как они, – получится уродливо. Особенно нельзя пытаться жить и умирать, как они... А храбрость – она бывает либо мужская, либо никакая... Скажи лучше:

¹Марик, как дела?! (азерб.) Хорошо! А у тебя как дела?! (азерб.)

ведь если б ты не уехал навсегда, жизнь бы твоя сложилась совсем по-другому. А как? Предположи хотя бы.

– Наверное, сразу стал бы не «чистым» математиком, а прикладником, ведь директор института, где работал отец, предлагал взять меня в отдел математического моделирования – к этому, собственно, под влиянием Изи Руссмана я и пришел в конце научной карьеры. Скорее всего, не преподавал бы. Уж точно, не консультировал бы бизнес. И, скорее всего, не писал бы. Может быть, «охота к перемене мест» овладела бы мною, как и многими, гораздо позже, – и жил бы сейчас в Москве или Петербурге, в Израиле или Чехии. Но наверняка не в Воронеже. И холод бытия, который ты своей чувственностью умеешь вытеснять лучше, чем любое другое место в мире, не заставлял бы меня жить с ощущением, будто бегу невесть откуда и неведомо куда; будто бы догоняю – и не могу догнать.

– Ну, так и беги себе дальше! – сказал мне Баку. – Работай. Все очень просто: работа – это и есть тот бег, то спасение от холода бытия, которое, к сожалению, всегда «невесть и неведомо». Ты участвуешь в этом беге, как участвовал когда-то в расвете на Байкале и в закате на берегу Японского моря – проживая свой срок в своем времени. Проживая свою и только свою жизнь, какой бы странной она тебе самому ни казалась.

– Но почему всегда – по разу?! – возразил я. – Почему только один такой расцвет и только один такой закат? Почему не было больше ни одного вечера чтения стихов, такого, как в хрущевке у станции метро «Нариманов»? Да теперь уже и не будет, потому что половина из читавших – умерли.

– Потому что не судьба тебе – ценить настоящее. Ты был озабочен будущими, еще не доказанными теоремами, ты сейчас озабочен будущими, еще не написанными романами, будущим тех дел, которые затеваешь, и предприятий, которые создаешь. Ты не успеваешь привязаться к людям, которые есть в настоящем, потому что думаешь о том, что бы такое особенное сработать совместно с ними в будущем; ты не привязываешься к квартирам, в которых живешь, потому что тебе кажется, что скоро будешь жить в других – и только сейчас, гостя у меня, загрустил о прошлом, глядя на свой дом в Крепости или на тот, в который твой отец вложил столько сил, но не прожил в нем и дня.

Ты любил своих детей, но не ценил постепенность их созревания рядом с тобою, потому что чувствовал ответственность за их будущее и думал только о нем. И лишь внуки преподали тебе то, что не сумели преподать ни я, ни жизнь: ты передоверил их будущее своим детям, а сам, ни о чем не заботясь, научился радоваться, на секунды изгоняя холод бытия, словечкам, гримасам, проказам и признаниям «Дедушка, я тебя люблю!», хотя и подозреваешь, не без оснований, будто неожиданные эти признания вызваны желанием подластиться и что-то выпросить.

– Да, изгоняя... – почти что эхом повторил я, – но лишь на секунды...

– Скажи спасибо и за это! Скажи спасибо – и беги дальше, и догоняй, зная, что не догонишь. И почаще вспоминай чудную песню, – ее написал москвич, его день рождения завтра... да, москвич, да, долго жил в Тифлисе и ни дня не жил здесь, но все равно он из вас, моих детей, все равно он бакинец:

*Работа есть работа,
работа есть всегда.
Хватило б только пота
На все мои года.
Расплата за ошибки –
она ведь тоже труд.
Хватило бы улыбки,
когда под ребра бьют.*

Что стоишь, что молчишь? Пой, танцуй, как положено человеку в день рождения!

Послушался, затанцевал – по крайней мере, стал раскачиваться из стороны в сторону, – и вот остров Нарген, уже не занавешенный дымкой, заулыбался мне, как высунувшийся из воды дельфин, и вот по бухте, вдруг откликнувшейся на дуновения «моряны», побежали гребешки волн, всплескивая о берег, как неуверенные хлопки аплодисментов.

Да и то сказать, такому «кружению в вальсе» могли бы, если б умели, уверенно аплодировать лишь слоны в посудных лавках... ну, и пусть! Зато, когда я замурлыкал: «Шарманка-шарлатанка, как сладко ты поешь...», то своим иногда подрагивающим, однако никогда не сламывающимся тенорком мне подпел сам Булат Шалвович, до того, небось, и не подозревавший, что и он – бакинец.

Прошло немного, в общем-то, времени, как вернулся в Воронеж – даже бутылка коньяка «Gold Vaku» не успела еще опустеть до дна. Однако и за этот краткий срок многое случилось и в стране, и на предприятиях, которым помогаю, однако стоим пока, не упали и даже улыбаемся, хотя бьют крепко и не только под ребра.

И лично у меня кое-что случилось – дописал, например, вот эту, допустим, что повесть.

А через две недели, пятнадцатого сентября, когда в Баку начнется очередной учебный год, засяду за роман.

Тоже очередной.

Хватило б только пота!

Берколайко Марк Зиновьевич (mberkolaiko@gmail.com) – доктор физ.-мат. наук, профессор, автор более 140 научных работ (функциональный анализ, интегральные и псевдодифференциальные операторы, теория инвестиций, портфельные стратегии), опубликованных в ведущих научных журналах и в трудах международных конференций. Топ-менеджер в консалтинговой и инвестиционных компаниях. Член Союза российских писателей, прозаик, драматург. Автор ряда романов и повести, опубликованных столичными и региональными издательствами («Эксмо», «Анаграмма»), а также пьес, поставленных в ряде российских театров. Номинирован на премию Букера. Живет в Воронеже.

МИХАИЛ ЗВЕРЕВ

(Россия)

Географическая линия судьбы Михаила ЗВЕРЕВА пролегла довольно причудливо: уроженец Пензы, он в свое время окончил Высшее Военно-морское инженерное училище в Пушкине под Ленинградом. Профессиональную биографию военно-морского офицера начинал на Балтике, затем 20 лет служил на Северном флоте, на эсминцах и в штабе эскадры надводных кораблей. Участник дальних морских походов, капитан 2-го ранга запаса, сегодня он живет в своем любимом Санкт-Петербурге. Еще в бытность курсантом училища, осваивая профессию корабельного инженера-механика, он стал заниматься в литературной студии, которую вел известный ленинградский поэт Леонид Иванович Хаустов. С 1997 года публиковался в литературных альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Мурманска, Пензы, Североморска, Петрозаводска и других регионов России. Пишет и прозу, которая публиковалась в журнале «Аврора» и сборнике Русского географического общества «Вслед за путеводной звездой». Автор нескольких поэтических сборников, лауреат (в поэтической номинации) различных фестивалей авторской песни. Член Союза писателей России.

А в минувшем году Михаил стал участником Бакинского Международного фестиваля авторской песни и поэзии. Как вспоминает он сам:

«...Собирался я в Баку давно. Еще во время службы на Севере мечтал взять путевку на турбазу в Мардакане, но не сложилось. То ли служба не пустила, то ли путевок не достать было – теперь уже и не помню... Приехать к вам у меня получилось только в 2017-м на ваш замечательный фестиваль. Эта поездка стала по-настоящему знаковым событием в моей жизни!.. Невообразимое гостеприимство, теплая и такая творческая атмосфера общения с единомышленниками, с товарищами по поэтическому слову - это дорогого стоит! А сколько новых знакомств с коллегами из разных городов и стран!.. И главное знакомство – с самим городом, с Баку! Могу сказать: куда там до него некоторым «туристическим Меккам» – ну, хотя бы той же Барселоне, где я побывал в том же году. Не дотягивает столица Каталонии до столицы Азербайджана, не дотягивает... Говорят, Есенин в свое время ошибался насчет того, что он в Персии, но, думаю, он ничуть не разочаровался, когда узнал правду. Вот и для меня мои «Бакинские каникулы» оказались ничуть не хуже, чем для великого русского поэта...»

* * *

И шар земной замедлится, вращаясь...
Я ни в кого, увы, не обращаюсь –
Никто не обращается в меня.

Михаил Трегеп

**Порой мы обращаемся друг в друга.
И есть свой круг. И нет теснее круга.
И мы живем в нем, любим и творим.
Но изменяемся... От внешнего чего-то...
Не важного, не нашего. И сроду
Не нужного ни в жизни, ни в любви.
И круг сужается. А тот, кто выпадает,
Уже не свой... Пусть станет в новой стае...
Но помнит, что чужие –
не свои!..**

**А нам – держаться! И беречь друг друга.
Простая истина. А выпавшим из круга
Удач и прочее, и планов громадьё...
Я их забыл.**

И всем нам – Бог судья.

*** * ***

Олегу Вашенкову

**Осень в каменных джунглях может пройти незаметно.
Что там?.. Серое небо и дождь?.. Так и летом бывает.
А весной и тем паче... Сегодня совсем не об этом.
Пожелтеет листва – не увидим. И осень растает...**

**Из окошек огромноэтажек не видно деревьев,
Мы живем среди камня, спешим по асфальту под землю.
А ведь кажется просто: трамвай, на вокзал, и – в деревню,
К лесу, речке, огню... Словом, к свету. Хотя б на неделю.**

**Как мой друг. Городской. Но – уехал. Живет, где рассветы
Золотят даже в пасмурный день кромку леса,
Где найдешь в разнотравье богатом любые ответы
На вопросы свои и получишь прививку от стресса.**

**Лето в каменных джунглях кончается. Будет ли осень?
Впрочем, вдруг желтый лист прилепился к окошку случайно.
На седьмом этаже!.. Но откуда? Он сам стал вопросом,
Этот лист. Он зовет, манит к свету – и явно, и тайно.**

**В лес, к реке и траве, ненавязчиво предупреждая:
«Опоздаешь на осень сегодня, а что будет после?..»
Я всё понял! Заставил себя сесть в вагончик трамвая,
Я уже на пути, я приеду туда, к другу в гости.**

**Но трамвай на вокзал не пришел, я ошибся маршрутом.
Мы порой ошибаемся, истина, в целом, простая...
Я опять оказался в толпе, что ползет гибким спрутом
По реке из асфальта, в метро, как обычно, впадая.**

Мойка, 12

**Если «прижало» и хочется плакать –
Солнце ли, слякоть, на Мойку, 12
Просто приду, постою и отпустит...
Будто коснулся я пушкинской грусти,
Будто привез его сам с Черной речки
Вот в этот дом в тот трагический вечер.
Санки под арку заехали плавно...
В арке стояла Наталья Николавна.
Я ей сказал: «Все отнюдь не опасно,
Нет Вам нужды убиваться напрасно –
Выдюжит Пушкин, поправится, знаю!..»
Он ей шепнул: «Не печалься, родная,**

**Рана болит, но затянется скоро...»
Вышли друзья, начались разговоры...
Я отошел к Мойке, к самой решетке –
Время в реке отражается четко.
Вот постою и забуду о грусти,
Я ж говорил, что отпустит... Отпустит.**

**Санкт-Петербург слышит времени зуммер...
Здесь понимаю, что Пушкин – не умер!..**

Детские игры

Друзьям детства

**«Лапта», «пятнашки», «штандер»¹ и «замри»...
Кто нынче помнит?.. Что такое прятки?..
Немолоды ровесники мои.
В огромный мир ворвавшись без оглядки
В семидесятых, так вот и бежим
Уже лет сорок. Не умея замереть.
Играя в игры. Иногда на жизнь.
Афган, Кавказ... Глядь, обманули смерть.
С закрытыми глазами –**

в перестройку!

**При этом на кривой не упади
Ни в банду, ни в бутылку, ни в помойку.
Попробуй – прямо! И по-честному суди,
И знай – с тебя не будут взятки гладки.
Поблажек не дано тебе и мне.
Расти детей и в правде, и в достатке,
В любви к работе, Богу и стране...**

**По белу свету, как по парку – вскачь...
Бежали!.. Вдруг «полтинник», как стоп-кадр...
И я не знаю, кто поймает мяч,
Взлетевший в небо**

под ребячье: «Штандр!..»

Той, что была в Париже

**Ты привези мне из Парижа
Один глоток свободы нравов.
Но – настоящей. Не из книжек.
Глоток хотя бы.**

**Для нас двоих с тобой свободы,
Такой пустяк –
Парижский дар высокой моды
А ля Бальзак.**

¹ Штандер (также Штандер-стоп, Зевака, Стоп-мяч) – популярная в бывшем СССР детская игра с мячом практически для любого возраста и количества участников, игралась во дворах и спортивных залах.

А сувенирчик из поездки –
Хоть круассан...
И – вольности. Ей в моем детстве
Был Мопассан.

Стишок Рембо, раздумья Сартра,
Сарказм Рабле.
Еще цветок с того Монмартра,
Цвет фиале.

Смех Эсмеральды, плач Козетты,
И как припев –
Той тишины, где те поэты...
В Сен-Женевьев...

Рисунок де Тулуз-Лотрека
Из «Мулен-Руж»...
Я бы и сам туда уехал,
Сбежав от стуж.

Да вреден климат тот французский,
Поскольку ведь
Париж увидеть – я же русский!.. –
И умереть.

Философия Любви

Любовь – столь ненаучное понятие...
Не матерьяльна, странно-ощутима:
Сердцебиенье, слезы и объятья...
И – отчужденье. И движенье мимо
Дворцов и хижин, пирамид и судеб,
Сквозь нас. И пару сотен миллионов
Других землян... Идет, диктуя людям
Великий свод особенных законов.
Не юридических, не писанных. Но строгих.
И мы живем по ним, порой не зная,
Что – нарушаем... Что с нас взять, убогих...
Так есть и будет –

от изгнания из Рая
До наших дней. И далее, и дальше.
Пытались толковать Любви законы
По-разному, научно и без фальши.
Но без толку. Придумали каноны
И Фрейд, и вездесущие китайцы,
Индусы, привлекая Брахмапутру,
Евреи, сочиняя свои майсы¹,
И мы, срастив Фэн-шуй и Кама Сутру.
Всё суета. Какие там каноны?!..
Жизнь хороша тем, что непостижима
Уму и правилам, науке и законам...
Кто виноват, что мы проходим мимо
Любви и расстаемся беспричинно?..

¹ Майсы (с идиш) – короткие забавные или поучительные истории (анекдоты, байки).

...Наверное, останемся друзьями...
Ты – просто женщина,
и я – ничей мужчина.
Лишь наше прошлое –
по-разному, но с нами.
Любовь была, всё было, ну, и хватит...
Я объяснить разлуку не рискую,
Поскольку – не научное понятие...
Да и кровать стоит не по Фен-шую.

Несовпадение

...Пусть так и будет...
Если сойдем –
В пространстве, времени, желаниях, свободе...
Оденемся сегодня по погоде,
И в ясном небе вдруг не грянет гром...

Заторов не случится на пути,
Начальник не задержит на работе...
Вдруг гости не нагрянут – дяди, тети...
Возможно, я смогу к тебе зайти.

Звоню!.. Или, условность не терпя,
Шагну в уют из грязного подъезда.
Вот если б за спиной разверзлась бездна...
Я смог бы задержаться у тебя.

И попросил бы время: «Не беги,
Мы всё решим достойно и красиво».
Ну, а тебя я вот о чем просил бы...
Но в телефоне длинные гудки.

Возможно, позже?.. Только позови.
Хотя теперь, наверное, едва ли...
Мы просто в этой жизни не совпали
В пространстве, времени, свободе...
...И – любви.

Вчерашний снег

На цвет зимы, на свет полярной ночи
Ложится тень большого снегопада...
Смотри на снег, его запомнить надо,
Такой уже не повторится. Точно.
Вот и покров образовался новый,
Пушистый, белый... а его основа?
Вчерашний снег и, может быть, недельный,
И тот, что в позапрошлый понедельник
Лёг первым и не таял на земле,
Ковром дорогу выстелив зиме.
Он был таким знакомым и привычным,

Он радовал тогда. Но, как обычно,
Теперь другой сверкает и искрит,
А тот – вчерашний... И уже забыт.
Он пообветрел, закалился в стуже
И стал плотнее. Но... кому он нужен?
Еще немного – станет прошлогодним,
Примерно к маю прожурчит ручьём,
И вовсе позабудем мы о нём...
Куда уходит прошлогодний снег?
Туда же, в общем-то, куда и человек.

А этот падает, всё падает на прошлый,
Ему сегодня утвердиться проще.
Он молод! И пока ему не важно,
Что завтра утром станет он вчерашним.

* * *

...и заходит, хромая Пегас

Владимир Юрков

Перо затупилось,
Пегас захромал,
Муза сурово смотрит куда-то в сторону...
Божья немилость? –
Полный завал.
Рифмы склевали черные злые вороны.
Дождь по аллеям,
Питер промок,
Все поэтично-обычно и понимаю сам...
Может, старею?
Первый звонок?
Что-то с утра совсем ни черта не пишется.
Вылечу ногу Пегасу,
Чтоб не хромал,
С музой – по рюмке, глядь, подобрееет дёвица,
И с головой –
в словесные закрома!
А постареть-отдохнуть – это еще успеется.
Выйти к Неве,
Встать у моста,
Воздух вдохнуть свежий, осенний, питерский
И осознать,
Что красота
Города этого сердцем сквозь время видится.
Сброшу хандру
В дивную явь –
Пусть растворится, как рукавом ее вытерли...
Рядом, коняга!..
Крылья расправь!
Мы летаем с тобою еще по-над Питером!..

ПАМЯТИ ИВАНА ТРЕТЬЯКОВА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ БЕЗ ТЕБЯ...

*Ой вы, певуны беспечные,
Ушел он на веки вечные...*

Сиявуш Мамедзаде

Каким тяжелым оказался 2008 год! Сколько было потерь! Муслим Магомаев, Алексей II, Мансур Векилов... Еще множество великих, знаменитых и дорогих многим людей. Для меня в этом трагическом списке самым дорогим было и есть имя моего отца – Ивана Поликарповича Третьякова.

Десять лет назад я впервые обратилась к тебе, дорогой отец, чтобы рассказать, что я чувствую, о чем думаю, оставшись без тебя. Сделала это я с помощью журнала «Литературный Азербайджан». Это была моя вторая публикация в этом журнале, а первая – уже после того, как ты оставил пост главного редактора. Ты всегда был против того, чтобы я публиковалась в журнале, который ты возглавлял. Я всегда думала, что это самое верное решение. Впервые я исповедовалась и исповедовалась публично. Так страшно, что люди, близкие и вовсе незнакомые, узнают о тебе то, что ты чаще прячешь даже от себя самой.

А сейчас я во второй раз, спустя десять лет, снова обращаюсь к тебе.

Вот уже десять лет, как я живу одна. Без тебя, без мамы, без брата, вообще без родственников в моем родном Баку. Одна. Нет, это неправда, я не одна, потому что и отец, и мать всегда рядом. Я постоянно ощущаю ваше присутствие, мысленно (а иногда и вслух) разговариваю с вами. О чем? Обо всем: о себе, о работе, о друзьях, об удачах и неудачах... И все-таки мне вас очень не хватает... Как было бы хорошо, если бы можно было услышать ваши голоса, смех, ироническое слово, а не представлять это себе.

Иногда кажется, что жизнь – это жестокая штука, ведь она отбирает у нас самое дорогое. По-настоящему верующим людям, как мне кажется, легче пережить потерю близких людей. Они надеются, что те находятся в раю, им там хорошо, а их уход – это испытание, которое Господь посылает нам. Меня это как-то не успокаивает. Конечно, смиряешься с разлукой, но воспринимаешь ее как самую большую несправедливость.

Дорогой отец, я помню, как ты следил за тем, что происходит в мире, в России (твоей родине), в Азербайджане – второй родине, во всех постсоветских республиках. Тебя многое ранило: отношение к русскому языку, Великой Отечественной войне

и т.д. И не было тут никакого имперского, читай – русского, отношения к другим народам. Просто он привык жить в стране, в которой большинство людей считали всех братьями. Да и война, конечно же, сыграла в этом огромную роль – вы все вместе защищали огромную и общую родину. Я постоянно думаю, что бы ты сказал о произошедших и происходящих в мире событиях. Например, если бы ты узнал, что Крым, где ты воевал, снова входит в состав России, что построен мост через Керченский пролив, самый длинный в Европе. Как бы ты отнесся к войне в Донбассе, к тому, что люди, когда-то вместе сражавшиеся с самым страшным врагом – фашизмом, сейчас убивают друг друга? 7 ноября этого года исполнилось 75 лет со дня освобождения Киева. Ты в 1943 году форсировал Днепр, строил понтонные переправы, освобождал столицу Украины. А нынешняя власть страны, которую и ты освобождал, не просто никак не отреагировала на это событие, а наоборот, сделала все, чтобы нивелировать этот факт. Как бы ты оценил эти действия нынешней верхушки Украины? Зато я точно знаю, как бы ты радовался тому, что в Азербайджане все по-прежнему: нет гонений на русских и русский язык, расширяются связи с Россией, открываются филиалы российских вузов, издается огромное количество русскоязычной прессы, среди которых и любимый журнал «Литературный Азербайджан» и т.д.

Дорогой отец! Не знаю, слышишь ты там нас или нет, но хочу сказать, что память о тебе живет. Тебя, отец, помнят и те, кто знал тебя лично, и те, кто не был с тобой знаком, и даже те, кто до какого-то момента не слышал о тебе ни слова. Твои внуки помнят тебя, знают о твоей жизни, читают твои книги, гордятся тобой, а правнуки пишут о тебе школьные сочинения.

Тебя помнят в Союзе писателей Азербайджана и в журнале «Литературный Азербайджан». Пусть редко, но я созваниваюсь или встречаюсь с сотрудниками «твоего» (все-таки тридцать лет ты был главным его редактором) журнала. Я думаю, что тебе было бы приятно, что они навещают наш дом. Редакция принимает участие и в мероприятиях, которые я провожу в нашем университете, их выступления всегда производили на присутствующих большое впечатление.

О тебе часто говорят в различных организациях: в Русской общине, в «Содружестве», где проводят мероприятия, посвященные тебе и твоему творчеству.

Мы часто вспоминаем тебя с моими друзьями и сотрудниками: Тамиллой, Таирой, Грановской, Галой... Они всегда рядом, и когда у меня все нормально, и когда мне плохо. Ты ведь знаешь, что я никогда не прихожу к тебе одна, чаще с Тамиллой, иногда нас бывает больше.

После твоего ухода я много раз давала интервью газетам и журналам. О тебе многие писали. В прошлом году тебе исполнилось бы 95 лет. В этом году Франгиз Ханджанбекова, которая не раз писала о тебе, взяла у меня интервью, впоследствии опубликованное под названием «Честное имя» сначала в бакинской газете «Каспий», а потом в одноименном журнале азербайджанской диаспоры Архангельской области. Инициатором этой публикации стал руководитель диаспоры и учредитель журнала Тарлан Гасым оглу Гасымов, с которым я встречалась в Баку и часто созваниваюсь. Писатели Архангельска создали твою страничку в интернете. Я рада, что о тебе помнят.

О тебе написано много стихотворений. Первое место среди поэтов, писавших о тебе, безусловно, принадлежит мэтру Сиявушу Мамедзаде. Он писал о тебе, когда ты был жив, например, «Глядите, Иван Поликарпович! \ Весна разгулялась опять...», в котором есть чудесные строки:

*Проснутся от сырости раны,
Пора бы вернуться... Прилечь...
Работа – спасенье от боли...
Карпаты, Война, Будапешт...
Страница – как минное поле,
И письменный стол – как рубеж...*

А после твоего ухода он написал прекрасное стихотворение, которое хотелось бы здесь привести.

*Где-то в деревне Книгино
Белая береза поникла.
Где-то в городе Каргополе
Что-то вороны накаркали.
В небе простуженно-пасмурном
Свечками вспыхнули пазори.
Там под холодным пологом
Звоном зашелся колокол...
Птицы у ветра спрашивают:
«Куда унесли сына нашего,
Куда унесли удалого?»
«Ушел в дорогу дальнюю,
Пропахшую кровью и порохом,
Биться с проклятым врагом.
Вернулся с войны с победою,
С песней, еще не допетую.
В землю вращая южную,
Помнил отчизну вьюжную.
Свил он гнездо, израненный,
С верной подругой желанной».
«Что же не может проведать нас?..
Где же сыновья преданность?..
«Ой вы, певуньи беспечные,
Ушел он на веки вечные...»
Он возвращается в Книгино
Памятью, словом, книгами,
Тихой слезою горючею
Белой березой над кручею...*

Я практически все время думаю, как бы ты отреагировал на изменения, произошедшие за эти десять лет в нашем городе и в нашей стране, что ты почувствовал бы, если бы смог сейчас пройти по нашему городу, смог бы ты узнать родной Баку, ведь здесь все изменилось? Появились новые парки, дома, магазины, бульвары. Город стал каким-то праздничным, в нем много приезжих. Изменился не только внешний облик нашего Баку, изменились люди, особенно молодые. Они очень раскрепощенные в одежде, поступках, речи. Они самодостаточны, у них другие приоритеты, общаются через гаджеты. Я знаю, что ты всегда был за личное общение и предпочитал его даже телефону и письмам, последние, кажется, совершенно выпали из современной жизни, на смену письмам пришли СМС-ки, состоящие из нескольких слов и часто с огромным количеством ошибок.

Не было и дня, чтобы я не вспомнила, что и как ты говорил по тому или иному поводу. Не было дня, чтобы я не спросила себя, как бы ты оценил мой поступок, мои слова. Ты навсегда останешься для меня мерилom честности, трудолюбия, смелости, профессионализма. Говоря словами поэта, под твоим именем «я себя чищу», по тебе меряю свою жизнь. Все время думаю, оправдала ли я твои и мамыны надежды, не разочаровала ли я своих родителей, смогли бы вы мною гордиться. Очень хочется верить, что вам не стыдно за меня. Хочу повторить, что статья в «Каспии» называлась «Честное имя». И это, я думаю, самое дорогое наследство, которое я получила от тебя.

Закончить свой разговор с тобой мне хотелось бы стихотворением Таиры Алиевой, которое она написала в день твоего ухода.

*Когда солдаты уходят
За гранью «был» и «не был»,
Земля застывает в холоде:
На землю рушится небо.*

*На землю падают звезды,
Опоздавшие сесть на погоны...
«Как поздно, как поздно, как поздно», –
Тревожно стучат вагоны.*

*Вагоны, которые помнят,
Как так же тревожно стучали,
Когда знойным летним полднем
Солдаты на фронт уезжали.*

*Они уезжали как в вечность,
Не думая о возвращении...
Они возвращались вечными,
Как символы всепрощения.*

*Они, не сгибаясь, жили
Под ношею тягот пройденных,
Они до конца служили
Стране, что зовется Родиной!*

*Когда солдаты уходят
За грань между «там» и «с нами»,
Земля шелестит ветрами
Вечную им память.*

АНТОНИНА ТРЕТЬЯКОВА

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Д В А П О Э Т А

Стихи и судьбы

КТО ОН – АХМЕД ДЖАМИЛЬ?

Такой вопрос задал мне мой сосед по дому, узнав, что улица наша в очередной раз переименована и носит теперь имя Ахмеда Джамииля...

Надо сказать, что улице свою я люблю – не потому, что она какая-то особенная, а потому, что это – МОЯ улица. Я хожу по ней сегодня, как ходила и десять, и двадцать, и – страшно сказать – шестьдесят лет назад. За все эти годы улица не так уж сильно изменилась (чего, к сожалению, нельзя сказать обо мне), хотя в последнее время она начала, как и очень многие улицы нашего города, обрастать внушительного вида высотками.

Когда-то, когда мой отец получил здесь квартиру, улица называлась 7-ой Хребтовой (наши прежние соседи по коммуналке в самом центре города, куда мы и после переезда почти каждый день навдывались, потому что там оставалась жить мамина мама, а моя бабушка, говорили с некоторым пренебрежением: «Вы теперь где-то на «хребтах» живете?»).

Потом улицу почему-то сделали 6-ой Хребтовой. Вообще Хребтовых в Баку было аж 12 (!). Чем объяснить такое однообразие, не знаю. Разве что, отсутствием времени и фантазии у тех, кто давал названия улицам. Сейчас все они переименованы. К примеру, бывшая 4-я Хребтовая сегодня носит имя Алескера Алекперова, 7-я Хребтовая, переименованная затем в улицу Патриса Лумумбы, сегодня именуется улицей Захида Халилова, 10-я Хребтовая – улицей Шарифзаде...Наша, 6-я Хребтовая, спустя годы стала улицей Крылова (не знаю, насколько это точно, но говорят, это в честь какого-то летчика). Последние лет 15-20 улица носила имя Сулеймана Дадашева. И вот недавно мы узнали, что теперь живем на улице Ахмеда Джамииля. Кем был Сулейман Дадашев, я, к стыду своему, не знаю. А вот не знать Ахмеда Джамииля!... Впрочем, сосед мой – человек, далекий от литературы. Всем же, кому близка и интересна азербайджанская литература, имя поэта Ахмеда Джамииля хорошо известно. К сожалению, известно лишь то, что он был поэтом. А вот то, какую жизнь он прожил, знают немногие ...

Говорят, судьба человека зависит от него самого. Это, конечно, верно. Но – лишь в определенной степени. Во многом же то, какую жизнь проживет человек, во многом зависит от обстоятельств. В частности, обстоятельств места и времени. То есть от того, где и в какое время человеку доведется родиться. Ахмед Джамииль (Джамиильзаде) родился в 1913 году в городе Иреван, в семье кустика ремесленника Саттара Джамиильзаде. Надо признать: время и место – не самые удачные. Поясню: Иреван того времени – столица бывшего Иреванского ханства, в тот период была уже столицей Армянской области (губернии) Российской империи. История превращения Иреванского ханства в Армянскую область такова. Иреванское ханство, располагавшееся на территории Западного Азербайджана, существовало до 1828 года, после чего, по окончании русско-персидской войны, выигранной Россией, было аннексировано последней, поскольку в соответствии с Туркменчайским договором было передано проигравшей стороной Российской империи. Иреванское ханство было объединено с Нахчыванским, и их общая территория стала называться Армянской областью, столицей которой стал Иреван, переименованный в Эривань. Российскими вла-

стями было дано разрешение на переселение сюда армян из Ирана и Турции, чем те с радостью воспользовались и вскоре почувствовали себя здесь «главной нацией», что вполне ощутило на себе мусульманское население...

В 1918 году в Закавказье образовалось три независимых государства – Азербайджан (АДР – Азербайджанская Демократическая Республика), Армения и Грузия. Поскольку у Армении не было столицы, Национальный Совет Азербайджана по просьбе Национального Совета Армении принял решение о добровольной передаче армянам азербайджанского города Иреван, который и стал столицей Армении. Однако это не прекратило, а, напротив, усилило антиазербайджанские настроения среди армян. В связи с этим многие мусульманские семьи вынуждены были покидать свои исконные земли. Одной из них стала и семья Джамильзаде – они оставили свой родной город и перебрались в Тифлис. Вскоре они уедут и оттуда и обоснуются в Гяндже. Ахмеду тогда едва исполнилось пять лет. Глава семьи незадолго до этого умер, и его обязанности взял на себя старший брат Ахмеда Мирбагир. Но семью ожидал новый удар. Начался сталинский террор, от которого пострадало множество людей. Тогда любого могли арестовать, выслать, посадить, а то и расстрелять без суда и следствия. Под сталинские репрессии попал и Мирбагир. Он был арестован, попал в тюрьму, где тяжело заболел. Правда, через какое-то время его все же отпустили, не найдя в его действиях состава преступления. Но пребывание в тюрьме сделало свое дело – Мирбагир там тяжело заболел и вскоре после освобождения умер. Семья осталась без кормильца. Жене Мирбагира пришлось, забрав детей, уехать к своему отцу в Стамбул. Ахмед с матерью остались совсем одни, в малознакомом им городе, где у них не было ни родни, ни знакомых, ни собственного жилья. Чтобы прокормить себя и сына, мать Ахмеда была вынуждена устроиться на работу на ткацкую фабрику. Работа была тяжелой, мать пропадала на работе допоздна, и все равно денег не хватало. Жили они трудно. Но все же мальчик прилежно учился в школе, чтобы получить среднее образование. Особенно его привлекала литература. Он очень рано начал сам сочинять стихи – настолько удачные, что его первая публикация состоялась, когда Ахмеду было всего пятнадцать лет. Он тогда уже посещал литературный кружок. С талантливыми юными литераторами там занимались Самед Вургун, Мир Джалал, Микаил Рзакулизаде и другие. Ахмед окончил школу и перед ним встал вопрос – что делать дальше. Он решил продолжить учебу, получить высшее образование. Выбрал филологический факультет АПИ им. Ленина, куда довольно легко поступил, тем более, что у него уже были публикации. Окончив институт, он, продолжая писать стихи, работал учителем в различных районах республики.

В конце 30-х годов Ахмед Джамиль обосновался в Баку, начал работать консультантом в Союзе писателей Азербайджана. В 1941 году вышел в свет первый сборник его стихотворений «Память». Казалось, все в его жизни, наконец, наладилось. Но тут началась Великая Отечественная Война. Ахмед Джамиль ушел на фронт. Но и там продолжал заниматься творчеством – писал заметки в редакции фронтовых газет. Судьба хранила его – он вернулся с фронта, несмотря на ранение и госпиталья, через которые ему пришлось пройти.

После возвращения с фронта Ахмед Джамиль продолжил свою творческую деятельность – теперь она была тесно связана с журналистикой. Он работал ответственным секретарем в редакции «Адабият газети», позже был редактором газеты «Адабият ве индженсенет». Затем полностью посвятил себя литературе: был главным редактором Издательства детской и юношеской литературы, журналов «Азербайджан» и «Улдуз». Вскоре он был избран ответственным секретарем Союза писателей Азербайджана. Все это время – и на фронте, и после возвращения с него он писал стихи. Сюжеты брал из своей фронтовой тетради.

*Я достаю заветную тетрадь,
Что на груди своей пронес по фронту.
Читаю, — в строках эхо канонад,
Места боев недавних, даль, окопы...*

*Стихи бегут, как снежный шлях в степи.
В них дышит буйный черноморский вечер,
Ночная мгла над морем и землей,
Скрипит арба с какою-то поклажей...*

Вообще военная тематика занимает в его творчестве особое место. Среди его стихов о войне наиболее известны «Gəhraman qardaşına» – стихотворение, посвященное Исрафилу Мамедову, первому азербайджанцу, удостоенному звания Героя Советского Союза, «Qacqınlar», «Medal», «Partizanlar» и другие.

О стихах Ахмеда Джамиля Мехти Гусейн писал: «Не только каждое его стихотворение, но и каждая строка дышит мышлением художественной поэзии, и даже небольшие стихи этого мастера сюжетной лирики равны целой поэме».

Хорошо известны его стихотворения «Расскажи, бабушка, сказку» и «Колыбельная». История создания последнего такова. Как вспоминал сам поэт, «однажды в палату военного полевого госпиталя, где я лежал, пришел раненый боец-азербайджанец, который откуда-то узнал, что я поэт. Присев ко мне на кровать, он сказал с радостной и смущенной улыбкой: «Я получил письмо – у меня родился сын. Посвяти ему что-нибудь такое хорошее, чтобы каждый вечер мать напевала ему. Кто знает, быть может, я никогда не увижу своего сына, но пусть мои слова останутся у него в памяти». И Ахмед Джамиль написал для него «Колыбельную»...

Всего за свою жизнь Ахмед Джамиль написал и опубликовал свыше 330 стихотворений, издал более двадцати стихотворных сборников. Стихи его хорошо известны не только азербайджанскому читателю, но и любителям поэзии других стран, которые читают их в переводе.

Известен Ахмед Джамиль и как замечательный переводчик, и в первую очередь здесь надо сказать о его прекрасном переводе на азербайджанский язык «Фауста» Гете, благодаря чему это всемирно известное произведение стало доступно и азербайджаноязычному читателю – так же, как и многие другие произведения мировой классики в блестящих переводах Ахмеда Джамиля. Он много переводил и русских поэтов – Лермонтова, Некрасова, Шевченко, Твардовского, Маршак. Тщательная отделка формы, лаконизм и выразительность языка – основные особенности его стихов и стихотворных переводов. Всего же он перевел на азербайджанский язык 350 поэтических произведений 140 поэтов из 25 стран мира общим объемом в 30 тысяч строк.

В последние годы жизни Ахмед Джамиль тяжело болел – война оставила метку на его сердце: Ахмед Джамиль перенес три тяжелых инфаркта. Но он успел увидеть книгу Гете «Фауст» в своем переводе – после последнего инфаркта он прожил еще несколько лет. Незадолго до смерти, в 1975 году, выпустил еще и сборник своих избранных стихотворений. А вот о присуждении ему Государственной премии Азербайджана за сборник стихотворений «Vaxtında gəlmişik bu dünyaya biz» поэт так и не узнал – она была вручена ему посмертно.

Ахмед Джамиль прожил недолгую, но полную творческих свершений жизнь. Он скончался в 1977 году, не дожив месяца до своего 64-летия...

Его стихи, отличающиеся лаконизмом и простотой формы, и сегодня находят своих читателей и почитателей, его творчество надолго пережило его самого. Столетний юбилей этого талантливого поэта широко отмечался в республике на государственном уровне. Это было пять лет назад. В этом году у Ахмеда Джамиля снова юбилей, или, как говорит один мой знакомый, «полуюбилей» – 105-летний. Возможно, с этим и связано присвоение его имени нашей улице. И это замечательно. Потому что теперь я живу на улице Ахмеда Джамиля – талантливого поэта, прошедшего Великую Отечественную Войну и не посрамившего имени достойного сына своей страны.

РОДОМ ИЗ ИЧЕРИ ШЕХЕР

Мысль написать этот очерк тоже возникла в связи с одной из бакинских улиц. Эта улица в Ичери шехер – Внутреннем или Старом городе, а проще говоря, бакинской Крепости – хоженая-перехоженная мною множество раз, тоже одна из моих любимых. Улица эта, одна из старейших в городе, проходит с внутренней стороны Крепости вдоль крепостной стены от Сальянских до Шемахинских крепостных ворот. Я училась в 189-й школе, это недалеко от Крепости, и со мной училось много «крепостных».

Среди них была и моя подруга Таня, к которой я приходила заниматься, с трудом ориентируясь в путанице извилистых улиц – я входила в Крепость через узкий проход на улице Зевина, который сейчас, по-моему, не сохранился. Я любила эти узкие улочки, их особый, своеобразный колорит. Таня как раз и жила на Малой Крепостной... Я и сейчас люблю бродить здесь – тут веет покоем, веет вечностью...

Недавно я случайно узнала, что здесь, на Малой Крепостной, жил Зейнал Джаббарзаде. Дом, где он родился и жил, находился при входе в Старый город, за станцией метро «Ичери Шехер». Он был снесен в 50-х годах...

В судьбах Зейнала Джаббарзаде и Ахмеда Джамилля много общего: оба были поэтами, окончили один и тот же вуз, оба воевали, и тот, и другой знали не понаслышке, что такое военные госпитали. Они были знакомы, дружили, встречались на фронте. Более того, Зейнал Джаббарзаде считал себя обязанным жизнью Ахмеду Джамиллю...

Они даже ушли из жизни в один год, и оба прожили не такую уж долгую жизнь...

Кто из нас не знает песен «Сурая», «Ала гез», «Илк бахар», «Сен меним, мен сеним», «Бадамлы»? В годы моей юности они звучали повсюду. Текст этих и многих других песен принадлежит поэту Зейналу Джаббарзаде, на стихи которого писали музыку лучшие композиторы советской эпохи – Тофик Кулиев, Джахангир Джахангиров, Эмин Сабитоглу, Соловьев-Седой. А исполняли эти песни выдающиеся азербайджанские певцы: Бюль-Бюль, Рашид Бейбутов, Шовкет Алекперова, Лютфияр Иманов, Фидан и Хураман Касимовы...

...Зейнал Джаббарзаде родился 31 декабря 1920 года в семье моряка. Среди его близких не было людей творческих специальностей, однако его необыкновенная тяга к искусству, в частности, к поэзии, проявилась уже в юные годы. Он рано начал писать стихи. После окончания средней школы, отучившись в профессионально-техническом училище, в 1937 году поступил в АПИ имени Ленина на литературный (филологический) факультет, куда его привела любовь к литературе. В том же году состоялась его первая публикация – в одной из газет было опубликовано его стихотворение «Пушкин».

В 1941 году, обучаясь на последнем курсе института, Зейнал Джаббарзаде был направлен в Шемаху для работы над переводом на азербайджанский язык поэмы М.Ю.Лермонтова «Измаил-Бей» – ее планировалось издать к 100-летию со дня гибели поэта. На тот момент там находился и поэт Расул Рза, который готовил юбилейные лермонтовские мероприятия. Однако этим планам не суждено было осуществиться – в Шемахе поэтов застало известие о начале Великой Отечественной Войны. Вместе они возвратились в Баку. В тот же день Зейнал Джаббарзаде написал трагическое стихотворение о войне, которое он публикует только после ее окончания.

Сразу же по возвращении в Баку Джаббарзаде был направлен на учебу в Сухумское военное училище, окончив которое в звании старшего лейтенанта, он был отправлен на фронт. Он отважно сражался с фашистами, храбро защищал свою Родину, участвуя в боевых действиях в составе 416-й Краснознаменной Таганрогской стрелковой дивизии. Однако провоевать ему пришлось недолго. В конце 1942 года, участвуя в боях на подступах к Моздоку, он был тяжело контужен, с поля боя его вывозили глухонемым. Без сознания Джаббарзаде был доставлен в полевой госпиталь, находившийся в прифронтовой полосе, в землянке. Спустя два часа в госпиталь прямым попаданием попала бомба. От госпиталя не

осталось и следа. Джаббарзаде неминуемо должен был погибнуть... Если бы не случай: вскоре после того, как он оказался в госпитале, его там случайно увидел его друг, поэт Ахмед Джамиль, который настоял, чтобы Джаббарзаде немедленно отправили в тыл, и тем самым фактически спас ему жизнь – Джаббарзаде эвакуировали за час до того, как госпиталь был уничтожен. Зейнал Джаббарзаде всегда помнил о том, что Ахмед Джамиль спас его от неминуемой гибели и был ему за это благодарен.

После тяжелейшей контузии Джаббарзаде был комиссован и отправлен в Баку. Здесь он долго лечился – более 10 лет. Все это время он не мог слышать и разговаривать.

Однако несмотря на это поэт продолжал творить. В 1943 году он был принят в ряды Союза писателей Азербайджана. А в 1947 году он сочинил свою знаменитую «Сураю», музыку к которой написал композитор Сеид Рустамов.

История ее создания такова: был объявлен республиканский конкурс на лучшую песню о тружениках села. Вот для представления на этот конкурс и была написана эта песня, которая по результатам конкурса была признана лучшей. Песня «Сурая», посвященная хлопкоробу, Герою Социалистического Труда, матери-героине Сурае Керимовой, обрела широкую известность, её исполняли такие певцы, как Рашид Бейбутов и Шовкет Алекперова. В те годы она ежедневно звучала по радио.

Это стало первым большим успехом поэта – песня получила Государственную премию Азербайджана. Премию Зейнал Джаббарзаде получил из рук самого Узеира Гаджибекова.

За свою жизнь поэт напишет еще множество песен. Человек необыкновенной судьбы, он обладал редким даром – музыкально-поэтическим слогом. И это удивительное, на первый взгляд, качество поэта признавали все, кому когда-либо доводилось общаться с З. Джаббарзаде лично или читать его стихи.

Вот небольшой отрывок из его «Марша нефтяников» в переводе с азербайджанского П.Панченко (Зейнал Джаббарзаде прекрасно владел русским языком, но стихи всегда писал на родном азербайджанском):

*Не вой ты, ветер, над волной,
Волна, смири свой нрав шальной,
Повыше, солнце, подымись
И освети простор земной.
Весна, укрась наш мирный путь,
Пройдите, бури, стороной,
Мы нашу силу целиком
Хотим отдать стране родной*

После того, как здоровье поэта стабилизировалось, он начал работать в Литературном фонде при Союзе писателей Азербайджана. В 1967 году он был принят в ряды Союза писателей СССР. В 60-е годы Джаббарзаде был известен в стране как поэт-песенник. Он написал слова песен ко всеми любимым кинофильмам «Покорители моря» (музыка Кара Караева), «Сабухи», «Мачеха», «Можно ли его простить?», «Телефонистка» (ко всем ним музыку написал Тофик Кулиев, «Кероглу» (музыка Джахангира Джахангирова), «В Баку дуют ветры» (музыка Хайяма Мирзазаде), «Ромео – мой сосед» (музыка Рауфа Гаджиева). Зейнал Джаббарзаде также является автором текстов оперетт Фикрета Амирова «Гезюн айдын» и Сулеймана Алескерова «Улдуз», детских песен, написанных в соавторстве с Фикретом Амировым: «Гузум», «Гатар», «Бахар гялир», Кара Караевым — марш «Пионерская песня о мире» и др.

Особая дружба связывала поэта с Тофиком Кулиевым, в содружестве с которым они написали 150 (!) песен. И это был не только творческий, но и поистине дружеский, даже, можно сказать, братский союз. Вот как отзывался о поэте Тофик Кулиев: «Лучшие страницы моей жизни и творчества связаны с замечательным поэтом нашего народа, удивительно обаятельным Зейналом Джаббарзаде. Если у меня есть хорошие песни, то этим я

обязан соавторству Зейнала. Он был не только поэтом, но и композитором в самом прямом смысле этого слова. Я горд тем, что он именно меня выбрал в ту пору в соавторы».

Вообще, несмотря на болезнь, поэт дарил свою дружбу и тепло своего сердца многим. У него было много друзей. Его дом всегда был открыт для них. В доме на Малой Крепостной, а затем и на улице Пушкина, куда перебрался поэт после сноса дома в Ичери Шехер, в котором он жил, бывали Энвер Алибейли, Беюкага Гасымзаде, Расул Рза, Мухтар Дадашев, Тофик Тагизаде, Сеид Рустамов, Агарза Кулиев (один из первых режиссеров Азербайджана, автор фильма «Сэхэр»), Сабит Рахман, Эмин Сабитоглу, Хайям Мирзазаде и многие другие. И каждому он всегда готов был прийти на помощь. Так, когда Рашид Бейбутов готовился к своей первой поездке в Турцию, у него не было главной, приветственной песни. Он позвонил Зейналу Джаббарзаде, пропел ему мелодию прямо по телефону, и через полчаса композиция была готова. Недаром поэта с легкой руки Тофика Кулиева, который первым назвал его так, все, кто с ним дружил и работал, называли «скорой помощью».

Одним из близких друзей Зейнала Джаббарзаде был и великий Ниязи. Вот как вспоминает об этом дочь поэта Гюляра Аббасова: «Их посиделки у нас дома я не забуду никогда: супруга маэстро Хаджар ханым вместе с мамой готовили дюшпара, кутабы, а мужчины – музицировали. Отец ведь был необыкновенно музыкальным человеком, у него был абсолютный слух. К тому же он играл на многих музыкальных инструментах. Почти каждое лето мы ездили в Подмоскowie, снимали там дачу. Помню, как однажды в хозяйском сарае папа нашел старую мандолину, сел в гамак под сосной и начал играть мугам.

А вот композитор Джахангир Джахангиров – мой крестный отец: когда я родилась, именно он приехал за мной в роддом... Помню, в 60-е годы Дж.Джахангирова направили в командировку в Египет, и, как полагается, в день его возвращения все мы собрались у них дома. Дядя Джахангир очень много рассказывал о красотах Каира, своих впечатлениях. И вдруг говорит: «Но когда вечерами я выходил на балкон и видел сотни, а то и тысячи огней на горизонте Нила, сердце мое ныло от тоски по родному Баку». Неожиданно отец достал свои любимые сигареты «Казбек» и прямо на коробке стал что-то писать. Вместе с дядей Джахангиром и Шовкет ханым (которая тоже была в тот день там) он прошел в кабинет к роялю, и через час был готов романс «Ана юрдум».

Но Зейнал Джаббарзаде известен не только как поэт-песенник. Он также написал множество стихотворений, ряд поэм, выступал как публицист. Он является автором тринадцати книг, вышедших на азербайджанском и русском языках.

А еще почти 30 лет он работал редактором популярного в то время журнала «Пионер», печатал на его страницах произведения талантливейшей молодежи, всегда чутко относился к творчеству молодых поэтов, композиторов, помогал абсолютно всем. Дочь поэта вспоминает об этом так: «У нас дома часто бывали начинающие поэты и музыканты. Поэт Рамиз Гейдар позже рассказывал, что как-то перед отъездом на учебу в Москву он встретил папу в метро. Когда он узнал, что Рамиз едет на учебу, не задумываясь, вытащил из кармана только что полученные гонорары за стихи и отдал молодому поэту. И это не единичный случай»...

Последние десять лет жизни поэт был прикован к постели. Но и будучи тяжело больным, он продолжал писать стихи, вел работу в журнале «Пионер». 20 января 1977 года он ушел из жизни. Ему было всего 57 лет...

Сегодня, проходя по улице Пушкина, мимо дома под номером 12/14, в котором в последние годы жил поэт, я всегда задерживаю взгляд на мемориальной доске, установленной на доме в память о Зейнале Джаббарзаде – поэте-песеннике, чьи песни помнит, любит и по сей день поет вся страна.

ЛЯМАН БАГИРОВА

О С Е Н Н И Е З А Р И С О В К И

Подвижник

Эссе

*...я пылок, скор, кипуч, мятежен,
Порой уныл, порой речист;
Но сердцем радостен и нежен,
Но в чувствах искренен и чист.
Задорен, буен, своенравен, –
От дедов принял этот склад...*

*...
Мои пороки – их пороки,
Большие ль, малые, – Бог весть;
Но жизнь дала-таки уроки... –
И можно смело все зачесть...*

Иван Шмелев

Очень боюсь фанатиков. Этаких «юношей бледных со взором горящим», поглощенных своей идеей. Фанатики очень жестокие люди, фанатизм будто вводит в их кровь вакцину невосприимчивости к любой боли: своей и чужой. Тот, кому себя не жаль, будет ли жалеть других?..За ярую приверженность своей идее, мечте, убеждениям ли, не остановится ни перед чем. Идея перемолотит и его самого, и окружение.

Потому всякий раз, когда вижу «святую одержимость и пылающий блеск в глазах», сразу вспоминаю Мцыри: «он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», и скорей – руки в ноги – стараюсь убежать.

Заикленность на чем-либо одном никогда и ничем хорошим не заканчивалась. Правда, у некоторых такая «святая одержимость» вызывает умиление. Людское (особенно женское) сознание сразу производит фанатично одержимого в «херои». Мол, такую преданность – идее ли, человеку ли, работе ли – невозможно симитировать, она, безусловно, подлинна. И начинаются славословия и истерично-судорожные вздохи восхищения. Мне отчего-то они напоминают сцену из «Золотого тельца», где Васисуалий Лоханкин объявляет голодовку, чтобы вернуть жену, и та уже начинает верить ему, уже колеблется между ним и Птибурдуковым, но как-то застаёт Васисуалия за поеданием мяса из борща. И все – колебание и вера разбиваются об эту сцену.

Нечто подобное происходит и со мной. Не верю я фанатикам, или же очень жалею, ибо, если их фанатизм искренен, то они уничтожают, в первую очередь, самих себя. Но, в любом случае – очень боюсь.

Иное дело – подвижники. В словаре о них сказано: «реальное или мифическое лицо, из религиозных побуждений совершавшее какие-либо подвиги или переносившее тяжелые испытания». Или же в переносном смысле: самоотверженный человек, целиком отдающий себя делу, преследующий высокие цели».

Второе определение мне ближе. И не потому, что далека от религии (это каждый решает для себя), а потому, что самоотверженность, наверно, подразумевает, в первую очередь, не причинение зла окружающим. Ну, в самом деле, если ты целиком и полностью предан работе, а от этого страдает твоя семья, то вряд ли кому-то станет лучше. Истинно самоотверженным человеком, на мой взгляд, был доктор Дымов из чеховской «Попрыгуны». Но, может, такие люди остались уже только на страницах классики?..

Признаюсь, приступала к нынешнему эссе долго и трудно. Мучили сомнения: имею ли право по этическим соображениям? И все потому, что герой его – Онегин Гаджикасимов. Человек, переживший не только судьбу, но и жизнь. Мой соотечественник, бакинец, автор стихов многих известных шлягеров 50-60-х годов, бесконечно любящий жизнь, эпикуреец, знающий толк в удовольствиях и заражавший любовью к ним и другим. И в одночасье изменивший судьбу, став монахом, а затем и иеросхимонахом в Оптиной пустыни.

Почему: имею ли право по этическим соображениям? Потому что писать о человеке искренне и сильно верующем, значит, так или иначе касаться того, что было для него свято и любимо, то есть веры. А как достичь этого, самой будучи нерелигиозной? Как сделать это не только с уважением, но и с благоговением?

Размышляла я долго, прочитала достаточное количество материала, по несколько раз пересмотрела документальные фильмы о нем. Подсказка пришла неожиданно и, как мне кажется, оказалась верной.

Во всех материалах и интервью прихожан о нем ключевым словом являлось «самоотверженный». Само-отвержение, то есть нравственное перерождение до такой степени, когда кротко, без гордыни, черпаешь силы в том, что помогаешь другим и не причиняешь им зла. Поэтому не о религиозных исканиях буду писать, а о самоотверженном человеке, подвижнике.

Автор стихов к таким известным песням как «Ты мне вчера сказала, что позволишь сегодня», «Алешкина любовь», «Восточная песня», «Эти глаза напротив» и многих других родился в Баку 4 июня 1937 года в аристократической семье. Отец – Юсиф-бей Гаджикасимов был юристом, окончил Московский Университет. Мама – Мах-табан-ханым, чьи предки восходили к княжескому иранскому роду, была филологом, знатоком русской литературы. И первенца своего, родившегося в год столетия со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина, назвала в честь любимого литературного героя – Онегиным. А вот младший брат его, родившийся в год 800-летия со дня рождения Низами Гянджеви, был назван именем великого азербайджанского поэта.

Стихи Онегин писал с детства – сказывались природный талант и домашняя атмосфера. В 17 лет приехал поступать в Литературный институт. Сдав экзамены, он стал лучшим на своем курсе. Издаются рассказы, стихи... Статный, спортивный, очень ладный (несмотря на полноту), красивый – был любимцем богемы 60–80-х годов прошлого столетия. Очень перспективный, очень талантливый и невероятно обаятельный поэт, писал также и тексты к песням знаменитых эстрадных композиторов. Сонеты, баллады о любви О. Гаджикасимова...

Возьмите любую известную пластинку 70-х годов: автор текстов самых популярных шлягеров – поэт Онегин Гаджикасимов, или чаще О.Гаджикасимов. Люди часами стояли в длинных очередях за пластинками. Тираж проданных пластинок с песнями Гаджикасимова однажды составил (вдумайтесь!) – 15 миллионов 795 тысяч! Немыслимая цифра!

Особенным успехом пользовалась «Восточная песня» в исполнении Ободзинского. Та самая, на которую в какое-то время был наложен запрет, потому что написана она была в преддверии столетия со дня рождения В.И.Ленина, и худсовет усмотрел крамолу в строках «в каждой строчке только точки после буквы «л»/Ты поймешь наверно точно, что я сказать хотел/Но не сумел». Песня не прошла худсовет, была запрещена для записи на пластинку и впоследствии была запрещена на телевидении и радио. Но в 1973 году запрет был снят, записана пластинка и... началось настоящее безумство. Ее раскупали мгновенно. Помню лично: в центральном бакинском музыкальном магазине «Тарана» на дверях прикреплена была табличка с надписью: «Восточной песни в продаже нет!»

Песня на слова Гаджикасимова в те времена гарантировала сценический успех и карьерный взлет на эстраде. Его наперебой зовут к себе маститые композиторы. Более того, он пишет слова на уже готовую музыку, а не музыку сочиняют на его стихи. Они звучат в исполнении всех известных мастеров советской сцены.

На одной из фотографий 70-х годов Онегин в окружении коллег по творческому цеху слушает обсуждение песни. Поза его свободна, уже далеко не атлетическая, но массивная и ладная фигура подана вперед, а черные вьющиеся волосы спадают на плечи. Он весь – внимание, но сразу чувствуется: это – лев. Если и не царь, то один из столпов эстрады, решающих судьбу песни.

В те же, 70-е годы, на радио появляются иностранные песни, Онегин берется за их перевод на русский. Битлз, Джанни Моранди, Т. Кутуньо, Джо Дассен... – эти переводы просты и в то же время изысканны. Вся страна подхватывает их.

Несметное количество зарубежных шлягеров стали достоянием культуры благодаря переводам Гаджикасимова. Оглушительный публичный успех, успех повсюду, баловень судьбы, обласканный славой, деньгами, вниманием – его всегда ждали... Красавица жена, сын, названный в честь отца – Юсифом.

Но человеческая зависть, или глупость, не имеет пределов, к сожалению. И, увы, даже очень талантливые люди не лишены их. В 70-х годах выходит разгромная статья Льва Ошанина о том, как коверкается русский язык в песнях на примере текстов Онегина Гаджикасимова. «Что это за такое – «воле моей супротив – эти глаза напротив? – возмущался автор, говоря о песне «Эти глаза напротив». – Это же издевательство над русским языком». А то, что эту песню с удовольствием распевает весь Союз, то, что она легка и нежна, светла и пронзительна, в расчет не бралось.

Тут же по приказу С.Лапина, возглавляющего Всесоюзное телерадиовещание, размагничиваются плёнки с песнями Гаджикасимова, на концертах автора слов не объявляют, его отлучают и от теле-радиоэфира.

Чтобы отвлечься, Онегин выезжает на гастроли по стране. Давно знакомые места кажутся чужими. Рушится всё, что ещё вчера составляло смысл жизни. И он принимает решение. Осенью 1985-го он, никому ничего не говоря, садится в поезд и уезжает из Москвы. Выходит на отдаленной белорусской станции, идёт в православную церковь и принимает крещение. Был крещён с именем Олег. Незадолго до этого побывал в Баку, навестил родственников. Здесь хочу остановиться особо. Как человек, родившийся и выросший в Азербайджане, где исповедуется мусульманская религия, должна заметить (это очень важно!): для восточного человека связь с родственным кланом имеет огромное значение. На мусульманском Востоке этническая принадлежность автоматически определяет и религиозную (пусть человек за всю жизнь и в мечеть никогда не войдет), а это означает и соответствующее отношение окружающих.

Когда человек решается на такой серьезный шаг, как перемена религии, и, более того, принимает новую веру во всех ее тонкостях, то, увы, зачастую это означает и разрыв с многочисленными родственниками. Пойти на этот шаг может действительно сильный и принявший бесповоротное решение человек. В 1987 году Онегин сделал выбор: сжег все свои записи, избавился от всех ценных вещей, отказался от семьи, дружеских застолий и прочих радостей мирской жизни.

Писательница Ольга Щелокова писала: «Уже после смерти Гаджикасимова мне довелось общаться с его племянницей Нигяр, дочерью его брата Низами.

«Ничего не объяснив, дядя вдруг порвал со всеми всякие отношения и исчез, – рассказывала та. – Его жена рыдала: «Он ушел, все бросил». – «Как мне жаль тебя», – сказала ему она. А он взглянул на нее и сказал: «Это мне вас жаль, вы ничего не поняли и не понимаете».

– О своем обращении к Богу Олег никогда подробно не говорил, – вспоминала Щелокова. – Рассказывал только, что это ощущение приходило к нему постепенно».

Около года он прожил в уединении на заброшенной даче, чтобы подготовить себя к монашескому постригу. В декабре 1988-го он жертвует все свои сбережения монастырю и приезжает послушником в одну из главных религиозных святынь – в Оптиную Пустынь.

Онегину Гаджикасимову 51 год. Нёс послушание привратника. В журнале дежурств расписывался «Гакасимов», скрывая от всех свою прежнюю славу. 3 декабря 1989 года, накануне престольного праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, был принят в число братии Оптиной Пустыни и назначен комендантом монастыря.

Из письма Онегина Гаджикасимова:

«...вот и истекли 3 месяца со дня моего появления в Богоизбранной Оптине. Месяц стояния суточного на вратах, месяц отдохновения и ещё один месяц различных послушаний. Хорошо, что ещё до монастыря начал готовиться – не спать ночью, ограничивать себя в еде, всё теперь пригодилось. Службы здесь длительные, монастырские, поначалу сложно. Меня перевели в 2-х-местную келью. Я только-только сейчас начинаю, кажется, что-то понимать, что-то нащупывать».

В 1991 году наместником монастыря архимандритом Венедиктом он был пострижен в монашество с именем Силуан.

Онегин совершал паломничества к святым местам. Там он рассказывал людям лучше любого гида о том, как зарождалось христианство. Он стал одним из известнейших (для своего времени) проповедников Оптиной Пустыни. На проповеди отца Силуана (затем – Симона) приезжало много людей из самых отдалённых от Оптиной Пустыни мест.

При просмотре документальных фильмов «Жизнь после славы» и «Храм для Онегина» я внимательно вглядывалась в лица говоривших о нем прихожанок. Фильмы были сняты через много лет после его смерти, но многие вспоминали о нем со слезами на глазах и искренней благодарностью. «Поговоришь с ним, и легко становилось», – говорила одна из прихожанок и смахивала слезинки. Вселял надежду. То есть давал жизнь. Человеку необходимо, чтобы кто-то его обнадеживал. Самому правильному, самому разумному доводу никогда не сравниться по силе с добрым словом.

Высокий, крупный, статный, он умел расположить к себе собеседника проповедью так, как некогда располагал песнями. Его вдохновенные речи, скромность и простота внушали не просто благоговение. Рождали любовь, искреннюю сердечность.

Наверно, для этого надо отдавать очень много душевных сил, то есть быть самоотверженным.

Он был открыт для любой аудитории. Образованный, эрудированный, он прекрасно ориентировался не только в духовных вопросах, но и в науке, медицине, искусстве.

С 1994 г. отец Силуан поселяется в Подмоскowie. Снимает комнату близ Домодедова. И ходит молиться в ближайший храм.

В последние годы жизни отец Силуан принял схиму с именем Симон (схима – это совершеннейшее отчуждение от мира для соединения с Богом молитвами). Он очень тяжело болел – онкология, но лечиться отказывался. Страдал от болей в ногах – его сапоги были полны крови... Одна из прихожанок так и вспоминала: «Первое, что бросилось мне в глаза, когда я его увидела: большого роста, и сам большой, и огромные, необъятных размеров сапоги. Потом мы узнали, что к концу дня они всегда были в крови. Он никогда не жаловался, только старался всегда покрывать ноги пледом – ему было зябко».

Иеросхимонах Симон, в миру Онегин Гаджикасимов, умер 30 июня 2002 года. Погребен на кладбище села Лямцино Домодедовского района.

Вначале на его могиле был установлен деревянный крест с надписью: «Иеросхимонах Симон» и даты рождения и смерти.

Впоследствии был установлен памятник с надписью Иеросхимонах Симон (Онегин Юсиф-оглы Гаджикасимов) 04.06.1937 – 30.06.2002. И внизу начертаны слова преподобного Серафима Саровского: «Спасайся сам, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Я не могу судить о религиозном значении и силе этих слов. Но, мне кажется, их может произнести любой человек, беззаветно отдающий сокровища своей души людям. Без фанатичного блеска в глазах (ибо это уже сродни болезни и вызывает страх), без самолюбования, а просто по потребности. Самоотверженности. Подвижничеству.

Не хочу и углубляться в сокровенные тайны его ухода от мира и резкой перемены жизни. Стремление все знать хорошо для науки, но в области человеческой души граничит с неделикатностью. Тем более, что человек нигде не афишировал свой уход и не хотел даже вспоминать о своей бывшей жизни.

Главное – он всегда отдавал сердце людям, неважно, в песнях ли, в проповедях. Он был подвижником.

Сегодня новые поколения музыкантов вновь исполняют песни, написанные на стихи Онегина Гаджикасимова.

Сейчас его имя, может быть, известно немногим. Да и в советское время на пластинках почти всегда было написано просто О. Гаджикасимов. Не Онегин. Думаю, для него это не было столь важным. Главное: Песня и Слово, что он нес миру.

Песня и Слово... Они как белые птицы – опустятся на плечо, и вспорхнут легко, как будто их и не было, а след в сердце останется...

Послесловие:

***P.S.** При написании эссе были использованы материалы из интернета. Автор отправлял запрос в службу пресс-секретариата монастыря Оптиной Пустыни, где долгое время нес служение отец Симон, в надежде, что кто-то расскажет о нем. Хотелось как можно больше узнать о своем соотечественнике, о том, каким он запомнился в повседневном общении. Хотелось по возможности отразить в эссе новые факты, воспоминания. Но, увы, ответа я не получила...*

Фантазия о поезде

– Беги, беги, беги! Держи спинку ровно! Через минуты, часы, дни. Перелети через первые зубки, первые насморки, первые дверные пороги, первые синяки, первые цветы (Боже, какими они казались огромными!), первые сказки, первые диафильмы. Споткнись о первую в твоей жизни открытку с залихватски нарисованным Дедом-Морозом и румяным зайцем. Помнишь, как рисовала их? Помнишь, что написано на открытке? Где уж тебе помнить...

– Помню!

Каракули цветными карандашами – каждая кривая печатная буква разного цвета! – «Я Тибе Юбу Мамычка 3 Новым Годым», и огромный разноцветный восклицательный знак в конце – аксиома нерушимого счастья! И под цветным карандашным счастьем тонкая выцветшая чернильная вязь с характерным наклоном влево «И я тебя люблю, доченька! С Новым Годом!»

– Беги, беги, беги! Держи спину ровно! Через недели, месяцы, годы. Перепрыгни через школьные тетрадки, институтские конспекты, экзамены, доклады, конференции, переводы, первые поцелуи, первые светлые слезы, свадебное платье, тишину в роддоме, сотканную из благостного причмокивания... Споткнись о работу. Помнишь?

– Где уж не помнить? Захочешь – не забудешь!

«Первые серьезные научные изыскания в области исследования и применения элементов маркетинга в библиотеках были предприняты в Центральной Научной Библиотеке Академии Наук». Длинные, чинные фразы... Так дождь выстукивает по железной крыше надоедливую гамму. «Ску-у-у-чно!» – воет ветер в оконных рамах. «Жиз-з-знь ид-дёт, дёт, дёт», – погромыхивает вдалеке поезд. Ночь пеленает землю в зеленоватый сумрак, все стихает, и только вам троим нет покоя – тебе, твоей работе и дальнему поезду. Интересно жить около железнодорожной станции – слышишь, как несется жизнь.

– Беги, беги, беги! Не сгибай спины. Через пятилетия, десятилетия. Перешагни через первые морщинки, сединки, складки, кастрюли, сковородки, руки в сеточках выбухших вен, первое горе, первые безысходные слезы. Споткнись об усталость. Помнишь?

– Не помню ничего! Спать хочу!

«Жиз-з-знь ид-дёт, дёт, дёт», – погромыхивает вдалеке поезд. Дождь выстукивает по железной крыше надоедливую гамму. Хорошо жить около железнодорожной станции – под монотонный звук колес быстро засыпаешь.

– Беги, беги, беги! Не клони спины. Кому говорят – не сгибай спины! Беги!

– Тяжеловато бежать!

– Беги! Переступи через больные глаза и колени, изношенное тревогой и любовью сердце. Споткнись о вторую в твоей жизни открытку с залихватски нарисованным рыжим котом в массивной золотой цепочке. Помнишь, что на ней написано?

– Кому, как не мне, помнить?!

Каракули цветными фломастерами – каждая кривая печатная буква разного цвета! – «Я Тибе Юбу Мамычка 3 8 Марта Поздравляю Я И Кот Мурлыноч», и огромный разноцветный восклицательный знак в конце – аксиома нерушимого счастья!

– Что, встала?! В глазах задрожало? Это не слезы. Просто в глаза опустились звезды. Выпрямись. Беги!

– Бегу! Но жизнь ведь идет, набирает ход, мчится, проносится!
– Пока есть такие открытки – не пройдет, и вся не промчится! Никогда не промчится! Слышишь?
Никогда-а-а-а!

Я не могу без тебя жить

Нашим родителям посвящается

*Мне без тебя каждый час с год;
Если бы время мельчить, дробя!
Мне даже синий небесный свод
Кажется каменным без тебя.*

*Я ничего не хочу знать –
Бедность друзей, верность врагов,
Я ничего не хочу ждать.
Кроме твоих драгоценных шагов.*

Николай Асеев

Любому уважающему себя городу положено иметь достопримечательности. И наш городок их имел! А как же иначе?! Он славился полуразрушенным зданием мельницы, выстроенным еще в 18-лохматом году и изрядно подъеденным крысами и мышами, рекой, пересекавшей и делившей его на две неравные части и бесчисленными памятниками поэтам. Вообще в нашем городе очень любят и чтут служителей поэзии, а тех хлебом не корми, дай только пришпорить своего Пегаса и вещать миру давно известные истины о любви, дружбе, предательстве, верности и проч. Впрочем, истины эти, как известно, никогда не теряют своего значения, а значит – да будет услышано любое поэтическое слово! Но памятники поэтам у нас весьма оригинальны. Видимо, скульпторы пытались изобразить всю сложность духовного мира сочинителей и оттого им казалось, что если запечатлеть в камне и дереве летящие кудри и порывистость движений, то это придаст памятнику одухотворенность и романтичность. Но отчего-то летящие кудри больше напоминали змей на голове медузы Горгоны, а порывистость создавала впечатление, что все поэты несколько подшофе. Типа, дяди поэты грезят грёзу, но почему-то грезят ее в большом или малом подпитии. Ну, еще одной достопримечательностью нашего городка была Первая Южная улица, где в угловом двухэтажном доме проживала супружеская чета Назаровых. Более колоритные жители, чем дядя Миша и тетя Рая, вряд ли появятся еще на этой улице, да и вообще в городе. Сказать о том, что дядя Миша пил – не сказать ничего. Нет, его отношения с выпивкой были сложными и многоступенчатыми. Вначале он клялся и божился разъяренной тете Рае, что больше в рот ни капли, что будет гадом, если еще раз обидит свою Раечку, «золотце свое незабуднее» этой проклятой беленькой, этим кислым вишишком, этим дешевым портвейном и т.д и т.п. Откричавшаяся тетя Рая махала на него рукой, вытирала пот с его лба и уходила в кухню. Там она громыкала кастрюлями и тарелками и театрально произносила монолог о том, что маму надо было слушать, и где была ее голова, когда она позволила себе увлечься синими глазами и золотыми кудрями этого гада, который всю кровь из нее выпил, всю молодость по кусочкам сгубил и тысячу раз загнал в могилу. Это было экспрессивно, но немного нелогично. Со стороны могло показаться, что у тети Раи молодость была какая-то членистоногая, и дядя Миша с садистским наслаждением отрывал от молодости жены по кусочкам, за-

пивал ее же кровью, а потом тысячу раз загонял в могилу. Опять же было непонятно. Очевидно, тетя Рая всякий раз воскресала и появлялась перед дядей Мишей во всем великолепии своей членистоногой молодости, чтобы тот вновь изгалялся над ней.

Надо ли говорить о том, что клятвенные заверения дяди Миши нарушались с четкой периодичностью?! Нет, надо отдать ему должное – он крепился. Вначале.

Ну, не его вина была, что зять Витька громогласно (не голос, а иерихонская труба!) звал его к столу, где уже была нарезана колбаска, сочилась белой слезой молодая брынза, пестрели в салатницах винегрет и оливьешка, и стояла запотевшая бутылка беленькой.

– Дед, – патетически вопрошал Витька, – ты что, не хочешь за здоровье единственной дочери выпить?!

Дядя Миша против здоровья единственной дочери, конечно же, не возражал.

– А за здоровье единственного внука?

Дядя Миша души не чаял во внуке.

– А внучка как же?!

Внучка была слабостью дяди Миши.

– А как же за здоровье бабки? За здоровье жены святое дело выпить!

Когда тетя Рая появлялась из кухни, распаренная, красная, с блюдом жареной картошки и курицы, ее уже встречал просветленный взгляд и сизоватый нос дяди Миши.

– Опять набрался, ирод! – чертыхалась тетя Рая. – Когда ты только глаза свои зальешь, ненасытный?! Всю душу из меня вымотал!

– Раечка, голубка моя! – улыбался ей навстречу дядя Миша. – Раиса Ахметовна, позвольте с вами рядом посидеть? А в щечку поцеловать?

– Иди ты к дьяволу! Тьфу!

– Опять ты меня клянешь?! Сатана сама и есть!

– Да пошел ты! Отвяжись! Черт! Старый хрыч!

– Я красивый был, – без перехода начинал всхлипывать дядя Миша. – Кудрявый, синеглазый. За мною сколько девчонок умирало. А ты меня околдовала, змея! На что польстился – воробей серенький...

– Что?! – тетя Рая лезла на него с кулаками. Вернее, с крохотными сухонькими кулачками. И маленькое личико, похожее на печеное яблочко багровело. – Что ты сказал? Кто воробей?! Сам пингвин драный!

Заканчивалось это дело тем, что громогласный зять и остервеневшая дочь разводили стариков по разным комнатам. Там начинались слезливые излияния.

– Вот что он хочет от меня? – слезы заливали лицо тети Раи и исчезали в мелких морщинках. – Ирод! Всю жизнь выпил!

– Сатана! Змея! – дядя Миша размазывал слезы по рукаву Витьки и царапал руку зятя вечно щетинистым подбородком. – Сколько лет живем, а она меня поедом ест. Зачем только женился?

– Образуется! – с видом знатока гудел Витька. – Все образуется. У меня на это дело глаз наметанный. Ну, а что бурчит – так им это от природы положено.

– Кровь им пить положено, – бурчал дядя Миша, засыпая.

Такие моменты повторялись часто. Соседи привыкли к этому шоу и даже ждали его. Летом при открытых окнах оно было особенно зрелищным. Но было еще одно представление, которое случалось нечасто, но которого соседи ждали с большим терпением. Называлось оно экзотически – «Я захрапел в писсуаре». Собственно говоря, в этом и таилась главная достопримечательность четы Назаровых.

Каждый год 24-го августа дядя Миша выволакивал в маленький двор, заросший сорной травой и неистребимыми барвинками, старую радиомангнитулу. Это было первое действие.

Вторым действием было то, что он через некоторое время появлялся сам в глаженной розовой рубашке, а не в растянутой майке. И в коричневых летних брюках, а не в трениках. И остатки волос его не топорщились, как обычно, а были тщательно приглажены. Лицо же было выскоблено до бледности. Не то, что соседи, даже бесчисленные любопытные воробьи замирали на ветках деревьев и с интересом вглядывались в происходящее.

В третьем действии во дворе появлялась тетя Рая. Без криков, ветхого фартука, вечно выпяченного живота, серых, припиленных к затылку волос. Она была сосредоточенна и оттого казалась более стройной. В синем платье и потертых бархатных тапочках на небольшом каблуке. И лицо ее было серьезным и немного расерянным.

В четвертом действии дядя Миша невероятно торжественно ставил на магнитулу выдавшую виды пластинку. Она шипела и скворчала как сотни сковородок, на которых жарят картошку. И все же с первых тактов была различима льющаяся давно забытая мелодия. Сладкий грустный голос пел:

– Йа захратан фи хайали...

Увы, сипящие и храпящие звуки заезженной пластинки воспроизводили эту строку именно как «я захрапел в писсуаре». Из юных обитателей двора эту мелодию никто не знал. Ими же она была окрещена так оригинально. И только старый сосед Рамиз перегибался через перила своего балкона, расплываясь в улыбке:

– Батыр Закиров, красавчик! Джан, Батыр!

Пятое действие начиналось с того, что дядя Миша с тяжеловатой грацией подходил к своей половине и жеманно шаркал ногой. Тетя Рая слегка оглаживала себя по бедрам, что должно было означать легкий поклон. И церемонно, будто стесняясь друг друга, они начинали танцевать.

– Йа захратан фи хайали... О, цветок грез моих, – старательно и переливчато выводил благозвучный голос.

Что это? Не тень ли накрыла Первую Южную? Нет, это грусть и нежность опустились, как синие шелковые покрывала.

Во дворе старого дома, заросшем осотом и неистребимыми барвинками, танцевали два немолодых человека.

Танцевали?.. Нет!

Разбивали ногами сухую землю, взбивали песок, поднимая фонтанчики серой пыли, тяжело таскали друг друга, изображая танец.

*Ты, как чайка, играешь со мною
И летишь над морскою волною.*

Танцевали? Да!

Изящно поводя плечами, плавно двигались в такт музыке. А она наполняла собой все пространство маленького двора, околдовывала, растворяла усталость, звала за собой.

*Сколько лет мои глаза тебя искали,
Сколько лет мои к тебе тянулись руки.*

Тетя Рая прикрывала ладонью покрасневшие глаза. Кудесник Батыр Закиров... И воздух становился прозрачным и звенящим, и тянулась в нем сладкая нить старинного арабского танго. И отражались в нем давно промелькнувшая молодость, издерганная работой и нищетой зрелость и беспокойная, усталая старость.

А, может, не все исчезло? Пока звучит истомный ласкающий голос, может, живы еще задорный смех и юность, горячие синие глаза и золотые кудри? И море, и облака, и дальний полет чайки? Они бессмертны, пока о них помнят! Нет больше печали, пронзающей сердце! Мы живы, и мы танцуем. Мы еще танцуем, мы еще любим! Слышишь, маленький узбекский соловей Батыр?! Это чудо, сотворенное твоим голосом! Услышь нас Там, где ты сейчас! Мы любим, мы еще живы!

*За все тебе спасибо,
За то, что мир прекрасен,
За то, что ты красивый
И взгляд твой нежн и ясен.*

В шестом действии тетя Рая и дядя Миша обессиленно опускались на деревянную скамейку. Мелодия давно стихла, но пластинка продолжала скворчать, как сотни сковородок с жарящейся картошкой. Воробьи осторожно начинали стрекотать, но, как они не старались, им не удавалось повторить умолкнувшие рулады.

– Мишя – я! – Рамиз уже опасно перевешивался через перила. – Ты где эту пластинку взял? Ай, дай Бог тебе здоровья! Как масло по сердцу моему!

– Я под нее со своей познакомился, на свою голову! – дядя Миша добродушно махал рукой в сторону дома, где уже скрылась тетя Рая. – Как раз 24 августа поженились.

– Ты это помнишь? Тебя жена на руках должна носить!

– И правильно! Не то, что ты! Молодец! А ты, наверно, и дни рождения своих детей не помнишь! Э-э-э!.. – подавала реплику из комнаты жена Рамиза, Саида.

– А с ней забудешь, как же! – отвечал дядя Миша. – Всю плешь мне на голове проела. Сейчас разбуди среди ночи, про 24 августа точно вспомню.

– 24 августа произошло землетрясение в Помпеях и Варфоломеевская ночь, – деловитым тоном сообщал другой сосед – двенадцатилетний Рома.

– Тебя забыли спросить, умник! – откликнулась его сестра.

– Правильно, Ромашка! – бормотал дядя Миша, укладываясь на скамейку. – Она и есть землетрясение ночью...

– Кто? – доносился из дома визгливый голос тети Раи. – Кто землетрясение? Опять все испортил! Ирод!

– Сатана! – мягко парировал дядя Миша.

– Черт! Всю кровь выпил! Где мои глаза были?..

– Сатана и есть! Я красивый был, кудрявый...

– Старый хрыч! Иди в дом, голову твою лысую напечет!

– За собой смотри! У самой ноги больные, а носится по дому и меня пилит!

И семейная идиллия в семье Назаровых, начиная новый виток от очередной годовщины свадьбы, разворачивалась со свежими силами. Силы копились до следующего 24 августа, когда снова прилетит волшебный голос Батыра Закирова и укроет своими волнами смешную пожилую пару. Держи нас крепче, жизнь! Не разжимай своих объятий, не отпускай нас! Мы еще танцуем, мы еще любим! Мы еще живы!

Третья мечта

*Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только все неотступнее снится
Жизнь другая – моя, не моя...*

Александр Блок

Лера Рюмина имела с детства две мечты. Первая: ей хотелось иметь звучную фамилию. Вторая – хотелось иметь внуков. С оригинальностью первой мечты еще можно было смириться, но вторая отдавала придурковатостью. Почему именно внуков, а не детей – было непонятно. Пояснений она не давала и лишь кривила рот. Это должно было означать загадочную улыбку Джоконды, нечто прозревающую в туманных далях будущего, но что именно – неясно. Слишком много неясностей переплавлялось в юных мозгах одноклассников, как разные металлы в котле алхимика. Но так же, как алхимики не получали золота, они не получали ответов на неясности. А мозг требовал четкого определения. Ярлыка. И в конце концов ярлык был найден – Лерка с придурью. Что ж, это было милосердно с нашей стороны. На ступень выше блаженной, но до нормальной явно не дотягивает. Нечто среднее между двумя полюсами – явной «неотмирасегейностью» и конкретной устойчивостью в реальном мире. Лера была как с картин Шагала: одной ногой на земле, другой – в небе. Одноклассники чувствовали это, и им было смешно и немного завидно. Тоже хотелось неба и какой-то особой мечты. Но Леркино небо было настоящее, нутряное, а у них придуманное, и мечты были простые и реальные – окончить-поступить-окончить-работать-жениться/замуж-дети-квартира-машина.

Леркина мечта была странная и манила своей недоступностью. Словно у Блока: «Я любить начинаю томленье. Недоступность ограды люблю» И эту странную недоступность ее мечты надо было как-то уравновесить. В самом деле, почему вдруг ей дано видеть очарованные берега и какое-то небо, а им – нет?..

Уравновешивание первой Леркиной мечты пошло по схеме: Рюмина? – будешь Рюмкина. А еще лучше Рюмкина-Водкина. Хотела звучную фамилию? Так получай ее, словно шутовской колпак! Но, окрестив Лерку так, они даже не догадывались, что невольно вновь приподняли ее. О Петрове-Водкине одноклассники тогда и не слышали. А он был художником, значит, близким к небу. И получается, Леркина мечта оказалась незапятнанной, как они ни пытались ее запачкать.

А вот со второй мечтой было сложнее. Как ее унижить? Ну, мечтает человек о внуках, за что тут зацепиться?.. Правда, проходились по последовательности, от которой происходят внуки. Типа, раз мечтаешь о внуках, то, естественно, и о детях, а раз о детях, то, значит, и обо всем том, что предшествует их появлению на свет. Но от Лерки грязные и сальные намеки отскакивали, как жемчуг от стены. Она словно хранила в себе недоступность мечты и была защищена ею.

* * *

За тридцать лет оба желания исполнились с потрясающей точностью. Лера носила звучную фамилию мужа Драголева. Дед мужа был румыном, занесенным вет-

рами Первой Мировой на нашу землю. От деда мужу Леры достались кудрявые волосы, музыкальность, нервная манера прихорашиваться и необычайно яркие глаза. Казалось, этот человек не жил, а танцевал нескончаемый чардаш. Но женой неунывающего деда-румына была латышка, а снохой – русская, и поэтому огненный чардаш жизни Лериного мужа был разбавлен прибалтийской размеренностью и русской раздольностью. В Лере удачно слились несколько кровей: русская, польская и – пряной капелькой – иранская от какой-то прапрабабки. Слились они гармонично: в Лере было всего в меру – и темперамента, и покорности, и мудрости, и красоты. В браке с потомком неунывающего румына и степенной латышки Лера родила троих детей – дочь и двух мальчиков-близнецов. Но близнецы не выжили, что-то пошло не так во время родов, и девять месяцев тревоги, ожидания и сладкой тяжести оказались напрасными. Осталась только красавица Кора – девочка, названная в честь бабки мужа и унаследовавшая от нее тонкие черты лица и прибалтийскую фарфоровую бледность кожи.

Муж Леры радовался, что двух его любимых женщин зовут почти созвучно, и часто намеренно путал имена. Леру называл Корой, а Кору Лерой, и на лице его застывало счастье. «Мои девочки...», приговаривал он, часами мог слушать, как маленькая Кора гулит, умилялся ее гримаскам и ужимкам, и любил, когда у Леры выбивалась прядка за ухом. Они и вправду были девочками для него. Он был старше Леры на 15 лет, и рождение Кору стало для него чудом.

* * *

...«Я вдова», – думала Лера, поправляя чуть тронутую сединой прядку. Нескончаемый чардаш ее мужа оборвался резко на отметке 56 лет. Лере тогда исполнился сорок один год. Коре – 19.

Сорок лет – бабий век. Но к Лере эта печальная мудрость не относилась никак. Она будто созрела, душевно оформилась именно к этому сроку. Словно деревце, до сих пор едва цеплявшееся за землю, сейчас глубоко пустило корни, окрепло и расцвело. Была хрупкая – стала утонченная со стальным душевным стержнем. Наверно, это и называется эlegantностью.

Мать Леры не любила зятя. Вернее, старалась жить с ним в мире, но не понимала. Она была простой, земной женщиной, без интеллигентских причуд. Брака дочери не одобряла. «Что красивый, что веселый? – выговаривала она Лере. – С лица воду не пить, а возраст никуда не денешь. Потом локти себе кусать будешь, попомни мое слово! Что ты понимаешь? Мало ли, что с ним интересно, ну и что ласковый, все они ласковые с годами становятся, а как войдешь в самую женскую силу, а он уже никудышный будет, вот тогда и узнаешь, почем фунт лиха». Мать осталась вдовой в 33 года, посвятила жизнь Лере, и почем фунт лиха знала не понаслышке.

Мать заправляла хозяйством в доме дочери, нянчила маленькую Кору и потихоньку внушала ей, что в любви один любит, а другой позволяет себя любить, и лучше пусть позволяющей себя любить будет женщина, а то ничего хорошего нет в том, чтобы, как кошка, быть влюбленной в мужчину, потому что все они козлы и никакой жертвенности и самоотверженности не понимают и т.д. и т.п.

– Слушай меня, – приговаривала она Коре, заплетая той косички. – А то будешь как мама твоя. На что польстилась только...

Кора не очень-то вслушивалась в эти воркования и не понимала их. Но, видно, не смысл, а интонация, энергия, с которой они произносились, отпечатывались в дет-

ском мозгу, в больших, серо-зеленых, не по-детски серьезных глазах. Они принимали страстную информацию к сведению и неспеша обрабатывали ее.

Кора недаром носила имя прабабки-латышки. Сдержанностью и любовью к порядку она тоже пошла в нее. И так же спокойно, как делала все, она однажды объявила за завтраком, что выходит замуж за своего сокурсника.

Лера тогда уже вдовствовала. Маленькое женское трио их семьи грозило сократиться до дуэта, причем не самого лучшего по звучанию. Что хорошего может быть в звучании взрослого и пожилого голосов, не разбавленного звенящей смешливой юностью?..

Известие о предстоящем замужестве дочери повергло Леру в замешательство – она показалась себе такой старой, такой беззащитной.

– Коронька, – растерянно произнесла она. – Как же это? Ведь последний курс. Экзамены на носу. Так неожиданно... Ты уверена в...

И в эту минуту она увидела, как мать уже готовится завывать, и опередила ее. В конце концов, не она ли мечтала о внуках?!

– Раз ты решила, значит – уверена, и человек – стоящий! Пригласи его к нам в субботу на чай. Я пирогов напекла с ягодами, творогом, мясом.

Кора вспыхнула и просияла. Потом порывисто чмокнула мать в щеку и убежала. Молодое счастье всегда безгранично и эгоистично.

– Ой!!!!Ой! Да как же это! Так скоро! – мать тяжело уронила изработанные руки на колени. – Она же девчонка совсем. Что она понимает, ой, ой...

Мать умела причитать и делала это со вкусом. В причитания она вкладывала всю свою неизрасходованную женскую силу, горькую бабью долю. К внучке она была привязана даже больше, чем к дочери. Та была всегда на работе, всегда собрана и подтянута, и в глазах у нее светилась любовь к мужу. А матери хотелось, чтобы любили ее. Хоть немножечко. Нет, конечно, Лера любила и почитала ее, как мать, но не было яркого света во взгляде, обращенном на нее. Лучистые, струящиеся счастьем глаза предназначались только мужу. Мать понимала, что так и должно быть, но ей было горько.

– Я словно собачонок бездомный! – как-то в сердцах высказала она дочери.

– Мама, ну, что ты? Какой ты собачонок? Что опять не так? – устало проговорила Лера и попыталась было обнять мать, но та отстранилась.

– Ничего!!! Все хорошо! Только одна радость, что Коронька!

И это была правда. Мать ошиблась только в определении. Она была не бездомной, а бесприютной. И только в Коре реализовывала свою любовь и преданность. И смотрела на внучку преданными, восхищенными глазами. И готовила ей нежнейшие котлетки из дважды взбитого куриного фарша со сливками, зажаривала их до румяной корочки, украшала веточкой укропа, укладывала затейливо на тарелку вместе с овощами и подавала своему маленькому божеству. Божество с тугими косичками аккуратно поглощало снедь, а бабка смотрела на нее с придыханием. И в глазах ее загорались звездочки счастья. Мама, мама...

И вот сейчас божество уходит. И прощай нежнейшие котлетки и затейливо выложенные на тарелке овощи. И погаснут звезды в глазах. И преданность никому не нужна. Да, так и должно быть, не век же внучке с ней вековать, но отчего так скоро?.. Нет ответа... И бесприютность еще больше сомкнется вокруг нее.

– Бог даст, правнуки у тебя будут! – Лера попыталась улыбнуться.

– До них еще дожить надо! – мать смахнула крошки со стола, и в этом жесте

была обреченность. «Дожить надо» – значит, донести свой запас преданности и любви до грядущих правнуков. А когда они грядут, неизвестно. Да и хватит ли на них сил и этого самого запаса...

– Нет уж, теперь твоя очередь с внуками нянчиться. – Мать смотрела задумчиво на уголок стола. – Вот и вырастили тебя, Коронька...

С портрета на стене улыбался отец Кору. «Девочки мои», – вспомнила Лера его смеющийся голос и ей захотелось плакать.

Сокурсник оказался длинным, худым, кареглазым парнем. «Улыбчивый», – отметила про себя Лера и принялась накладывать ему на тарелку яства. Мать сидела рядом и ревниво следила за его действиями.

То, что Кора смотрит на него с любовью и сдержанным блеском в глазах, было ясно. «В Лерку пошла – как кошка влюбилась», – огорченно констатировала мать. Будущий жених тоже смотрел на невесту с обожанием, но матери этого было мало. Разве кто-то может быть достоин ее внученьки, ее божества?..

– Ну, не знаю, не знаю, – вынесла свой вердикт мать. – Мало ли... Человек – как яблоко: с виду хороший, а внутри гнилой.

– Мама! Хватит! – Лера впервые позволила себе поднять голос. – Все будет хорошо!

Все и в самом деле получилось хорошо. И родители кареглазого улыбочивого парня оказались вполне приличными и интеллигентными. И на свадьбе Кора была изумительно красива в молочно-белом платье, оттенявшем фарфоровую матовость кожи.

А потом родители молодого мужа Кору уехали на ПМЖ в одну из европейских стран и позвали молодых за собой. Те согласились с радостью.

Лера радовалась счастью дочери (или принуждала себя радоваться), радовалась четырехмесячному внуку. Вот и исполнилась ее вторая мечта. Только мать ошиблась – с внуком нянчиться не пришлось. Внучка с зятем жила вместе с его родителями далеко за синими морями (в прямом смысле), и запас Лериной любви и преданности сосредоточился на воспоминаниях о пухленьком, смеющемся малыше с кудряшками и крохотной родинкой на подбородке.

Кора с мужем и сыном приезжали раз в год, заваливали подарками. Лера и мать смотрели на них с обожанием и грустью. Молодая семья была совсем из другого мира – звонкого, стремительного, жестокого и яркого. И так же, как одноклассники когда-то ощущали «недоступность ограды» Леркиных мечтаний, она сейчас сама столкнулась с нею.

Всякий раз после отъезда внучки с семьей мать Леры устало опускалась в кресло и говорила как бы внутрь себя.

– Что уж, нет уж... Отрезанный ломоть. Ах, Коронька... Вот помру я, одна ты куковать будешь...

– Мама, ну пожалуйста, – молила Лера.

– Нет уж, что уж... Поддай лекарства. Выключи телевизор. И свет притуши, глаза болят.

Мать подолгу могла сидеть в полутьме, не издавая ни звука. Никуда не хотела выходить. Почти не говорила. Ей нравилась тишина, а Леру она пугала. Мать словно готовила себя к последнему торжественному акту своего существования, готовила тщательно, с достоинством, но перечеркивала этим Лерину жизнь. Перечеркивала беззлобно, но с такой безнадежной интонацией, что Лере хотелось повеситься.

– Вот помру я, одна на старости лет куковать будешь... Куковать, куковать...

Лере казалось, что в мозгу у нее сидит огромная мерзкая кукушка и без устали долбит: «Одна, одна, одна...»

Она поймала себя на мысли, что ей хочется подольше не возвращаться с работы. Благо, той было много, и требовала она предельного внимания. Лера была бухгалтером. Когда-то бесконечные сметы и таблицы были ей ненавистны. Сейчас она благодарила судьбу, что может подолгу задерживаться над их составлением.

С уходом матери Лера ощутила сиротство, горечь и облегчение. Мама... Самый родной, самый близкий по крови человек. Мамочка, в твоих глазах загорались звезды, ты умела радоваться малому. В тебе было так много любви. Отчего же ты под старость стала так беспощадна к своему ребенку? Или старость вообще беспощадна?..

Лере исполнилось пятьдесят. Далеко за синими морями у нее была дочь, двадцативосьмилетняя красавица Кора и уже два внука – семилетний Антоша-Энтони и двухлетний Дан. Они приезжали по-прежнему раз в год, и Лера радовалась им, и Кора настойчиво звала ее к себе, но Лере ехать не хотелось. Что-то властно и мягко привязывало ее к дому. Он словно врос в нее корнями и отдирать его надо было бы с кровью. Да и вторгаться в быт дочери тоже не хотелось.

Жизнь медленно, но верно превращалась в однообразный ритуал. Чашка кофе по утрам, бутерброд с сыром, маршрутка №6 до вокзала, оттуда на метро две остановки до работы. И вот она, родимая – сметы, графики, таблицы. Жизнь должна была бы нестись, мчаться, устремляться в сияющий полет, или плыть – медовая, тягучая, с прерывистым дыханием страсти, но ни в коем случае не переваливаться, медленно переползая изо дня в день. А получилось так, что именно переползает. После работы – магазин, по выходным – уборка и рынок. Иногда можно пойти в гости, иногда встретиться со школьной подругой.

– Или уезжай к дочери, или заведи себе кого-нибудь, – не выдержала как-то подруга. Так и закинуть недолго.

– Как завести? – усмехнулась Лера. – Как котенка, мышонка?

– Козленка! – съехидничала подруга. – Чем мужик от козла отличается? Практически ничем. Следовательно, заведешь козленка. Кстати, мышат не заводят, они сами заводятся.

– Спасибо, посоветовала и просветила! – улыбалась Лера.

– Я серьезно, а она хихикает! Помолодеешь, расцветешь. Только многого от них не жди, об идеалах забудь, довольствуйся тем, что они могут дать. Живи проще, и люди к тебе потянутся. Ты думаешь, почему в сказке Иванушка именно в козленочка превратился? Не в бычка, не в крокодила, а в козленка! Усекаешь, к чему я?.. Так что веди себя соответственно, в облаках не витаешь, а там, глядишь, все и наладится.

– Не могу я так. Не мое. Не могу я без любви. Я не кокетничаю, правда, не могу.

– Ага! Мечта номер три? Две мечты исполнились, теперь самое время третью реализовывать?! Ну, продолжай в том же духе. Одной ногой будто на земле стоишь, а другую в небо закинула. Светлое климактерическое будущее приветствуешь? Тогда определись – или туда, или сюда. Полтинник бабе, внуки уже, а она все о любви мечтает! Не, ну, правда же!

Лера хохотала от души, но слушаться подругу не торопилась. Не получалось как-то...

Пятница 27 октября выдалась холодной. Моросило. Лера вышла из магазина с сумками и поплотнее запахнула пальто. Боже, какое чудо, что завтра суббота, не надо с утра никуда идти и трястись в маршрутке. Сейчас еще один переулочек, пересячь двор, и она – дома.

Во дворе на мокрых детских качелях сидел мужчина средних лет. Худощавая, высокая и сутулая фигура его напоминала издали сломанный циркуль. Он был сосредоточен и смотрел в землю.

Лера мельком кинула на него взгляд и прошла мимо. Потом притормозила шаг и вернулась.

– Вам плохо? Вы кого-нибудь ищете?

Мужчина поднял на нее лицо. Оно было уставшим и каким-то помятым. «Пьяный, что ли», – обеспокоенно подумала Лера. – «Только пьяных мне не хватало! И, как назло, никого поблизости нет».

Мужчина опередил ее.

– Не бойтесь. Я сейчас уйду. Сердце прихватило немного.

– У вас лекарства есть?

– Да, уже принял. Сейчас отпустит. Спасибо.

Лера потопталась немного и спросила:

– Может, вы голодный? Вы когда ели?

– Я завтракал, спасибо.

– Что?

– Бутерброд с кофе.

Лера поражалась своей настойчивости и покладистости, с какой мужчина отвечал на вопросы. Со стороны могло показаться, что строгая молодая учительница распекает провинившегося пожилого ученика.

– Где вы живете?

– Сейчас нигде. Я ушел из дома.

– С женой нелады?

– Дочь. Она нашла себе человека и привела его к нам, потому что тот ушел от жены. А мы с ним не ладили. А дочка плачет. Она его любит и боится потерять.

– А вы?

– А я ушел, чтобы им не мешать. Мне от того, что она плачет, легче не становится.

Лера присела рядом на скамейку.

– Нет, так нельзя. Может, она волнуется и ищет вас. Надо позвонить.

– Надо, – покорно протянул мужчина и снова уставился в землю.

Несколько минут прошло в молчании. Быстро смеркалось. Вдруг Лера решительно встала.

– Идемте! –скомандовала она.

– Куда?! – мужчина оторопело посмотрел на нее.

– Домой, ко мне. Что же вы будете так сидеть? Вот и дождь начинается. Я вас покормлю. Потом решим, что делать. Вас как зовут?

– Александр. – Он все еще хлопал на нее глазами, и по куртке его стекали первые капли дождя.

– А по отчеству?

– Сергеевич.

– Всегда любила Пушкина и Грибоедова! Вставайте, Александр Сергеевич.

Идем! – Лера поражалась своему напору. Никогда раньше за ней этого не водилось.

– Неудобно, что вы? – Александр Сергеевич мялся, Лера упорствовала, и теперь со стороны могло показаться, будто две фигуры исполняют причудливый танец на мокром щебне. Наконец он махнул рукой и поплелся за ней.

– Переодевайтесь. – Лера достала из шкафа тапочки мужа. Гостевых у нее не было. – Мойте руки, сейчас обедать будем! Полотенце на крючке. А потом позвоните дочери. Думаю, все образуется.

– Не образуется. Не тот он человек. А дочка любит его.

– Тогда будем думать, что делать. Идите в ванную.

Он умывался долго, и в кухню доносилось блаженное отфыркивание. Лера разлила суп по тарелкам, положила на стол корзинку с хлебом и миску с квашеной капустой и помидорами.

– А вы... не боитесь? – Александр Сергеевич появился в дверях ванной, розовый от умывания. – Вот так приглашать в дом совершенно незнакомого человека. Время-то сейчас какое...

– Нет. – Лера остановилась на ходу, подумала немного. – Не боюсь. Вас – не боюсь.

– Почему?

– Не знаю. Но не боюсь. Идите к столу.

Потом они ели, пили малиновую наливку, а потом чай. Александр Сергеевич рассказывал о дочери, о том, что он вдовец, что прожил с женой без двух дней двадцать пять лет, и что дочь унаследовала от жены волосы цвета каленой меди и темно-серые глаза. А Лера рассказывала о Коре и о своей бесхитростной жизни. Потом он звонил дочери, но той не было дома, а с ее сожителем ему разговаривать не хотелось. И Лера поймала себя на мысли, что ей не хочется, чтобы дочь его искала, и чтобы он уходил.

– Ну, я пойду. Спасибо вам.

– Куда? – спокойно и даже как-то иронично протянула Лера. – На ночь глядя? Оставляйтесь. Постелю вам в комнате дочери. Она там жила, пока замуж не вышла. Завтра утром решим, что делать. Если захотите, я с вами поеду, разберемся на месте у вас дома.

– Спасибо огромное. Неловко очень. Простите.

– Оставляйтесь. Утро вечера мудренее. Завтра все решим.

Время, до сих пор лениво переползавшее изо дня в день, кажется, встряхнулось и пошло рысью! А потом и галопом. Третья мечта метнулась синицей в небо и острожно опустилась рядом с Лерой. Пусть не журавль, но ведь и не ворона же! И не долбящая мозг кукушка.

– Ты идиотка, что ли? – подруга слов не находила от ярости. – Кто он такой? Откуда? Ты его знаешь? Вдруг он маньяк какой-то? Нет, хороша тихоня, привела постороннего мужика в дом, он живет у нее неделю, а она сияет. Нет, ну что ты хихикаешь, можешь объяснить? Правильно о тебе в школе говорили – Лерка с придурью. С придурью и есть!

– Не знаю, – улыбалась Лера. – Просто все хорошо.

– Ну, ну... Попомнишь еще мои слова.

– Нет. Я просто чувствую, я знаю. Все будет хорошо!

Доля

*Чем печальней и чем безнадежнее
Одиночества тусклые дни,
Тем все ярче забытое прежнее
Зажигает в тумане огни.
Позади, сквозь сиянье вечернее,
Мне пройденную видно межу.
Все спокойней и все легковернее
Я на будущий путь свой гляжу.
Оттого сердцем, жизнью раненым,
Мне умерших мгновений не жаль,
Что в былом, как в стекле затуманенном,
Отразилась грядущая даль.*

Поликсена Соловьева

Пробуждение ото сна было внезапным и неприятным. Ярин повернулся на другой бок, желая схватить во сне серую козу с колокольчиком на шее. Но коза лукаво усмехнулась ему, взбрыкнула грязными копытцами и умчалась, звеня колокольцем. Только услышав из ванной визгливые крики жены: «Не слышишь, что ли?! Открой!», он окончательно понял, что веселая коза была во сне, а колокольчик – всего лишь требовательный звонок в дверь.

– Вам телеграмма! Распишитесь! – пожилая почтальонша смотрела на него буднично и сурово.

Задрапированный в простыню, как римский император в тогу, Ярин расписался на бланке, просипел «спасибо» и принялся вертеть в руке телеграмму.

«Буду 2-го. Встречайте. Доля»

– Какая Доля? – Ярин недоуменно посмотрел на вышедшую из ванной жену.

– Ой! – С головы жены слетело полотенце. – Доля же звонила 10 дней назад. Говорила, что, наверно, приедет на пять дней. Я забыла сказать.

– Какая Доля?! – Ярин не любил просыпаться рано, да еще будучи в отпуске, и начинал выходить из себя.

– Сядь, – вздохнула жена, и Ярин понял, что разговор затянется.

– Помнишь, у нас на свадьбе был мамин троюродный брат Женя. Незрячий от рождения. Помнишь?

Ярин был здоровый крепкий мужик 39 лет, любое упоминание о немощи было ему неприятно.

К счастью, и жена Рита была крупная, пышная, дородная женщина, от нее веяло уверенностью и покоем. И никаких увечных родственников Ярин не помнил, тем более, что свадьба состоялась 12 лет назад, и в семье уже подрастали два сына-близнеца.

– Ладно, не помнишь, так и Бог с ним. Он умер три года назад. Царство небесное, хороший был человек, беззлобный, и очень начитанный. А все потому, что у него была чтица Дарья Викторовна. Святая женщина. Ему шесть лет было, когда ее в семью пригласили. Она все ему читала, уроки с ним делала. С ее помощью он и школу окончил, и институт. И так привязалась к нему, что и денег потом не брала. С

ним и осталась, и ухаживала за ним, как мать. И ее как члена семьи уже принимали. Своей семьи у нее не было. А теперь она – вроде как одинокая тетушка с кучей племянников, то есть всей нашей родни. То к одному поедет погостить, то к другому. И очень вежливая, никогда без подарка не придет. Вот теперь к нам решила. Я маленькой ее помню. Ей тогда чуть больше сорока было.

– А теперь под восемьдесят? – Ярин злился из-за нелепости ситуации, из-за того, что ему не дали поспать, и вообще из-за того, что отпуск скоро заканчивается, а в доме еще массу вещей надо сделать по мелочам.

– Где-то около того, – жена не уловила иронии в вопросе. – Да и на свадьбе нашей она тоже была. Только они с Женей, видно, в дальнем углу сидели, ты поэтому не помнишь. Но они к нам подходили, поздравляли. Да, и потом как-то приходили вместе, подарили чайный сервиз. Зеленый, с золотыми полосками. Он на старой квартире остался. Не вспомнил? Ну, Бог с ним. В общем, ты ее встретишь, пусть располагается в гостиной или в детской. Хорошо, что мальчишки в лагере.

– Не понял! Кх-х! – Ярин от удивления даже поперхнулся. – Что значит – «ты встретишь»? А ты?

Рита повернулась к нему всем корпусом и выкатила глаза.

– Ты вообще что-нибудь помнишь? У меня 31-го командировка. Или мне работы лишаться?

Рита работала в фирме медицинской косметики и неплохо зарабатывала. Ярин преподавал сценическую речь в театральном институте, и его зарплата была гораздо меньше жениной.

– Хорошее дело! – Ярин даже зашелся от гнева, что с ним бывало редко. – Ты куда-то в тьму-таракань уедешь, а я тут незнакомых старух принимать буду! Твоих, кстати, знакомых, не моих!

Но и жена была не робкого десятка.

– Ярин! – в решающие минуты она обращалась к нему патетически по фамилии. – Ты меня слышишь вообще? У меня командировка важная. Если я не поеду, то в зарплате урезать могут, или вообще уволят.

Ярин не привык спорить с женщинами, тем более с такими крупными и дородными, как его жена. Сам он вырос в семье, где царили одни женщины – мама, бабушка и тетя. Все они были большими, громогласными, и авторитет их был непререкаем. Но от них веяло стабильностью и покоем, и он был рад, что жена его похожа на них.

– Почему ты не сказала заранее? Куда приезжает? И почему Доля? Что за имя такое? – спросил он более миролюбиво.

– Забыла! И так как белка в колесе целыми днями кручусь! На автовокзал. В 14.15. Да не кипятись. Нормальная бабка. Из бывших. Отец у нее, кажется, царский полковник или даже генерал был. В общем, вся семья такая цирлих-манирлих. А Доля потому, что ее в нашей семье Долли называли, ей нравилось так. А Женька маленький не мог выговорить, и переделал в Долю. Так и прижилось – Доля. Ну божий одуванчик старушка. В жизни никому грубого слова не сказала. Кстати, тебе полезно с ней пообщаться. Речь у нее – заслушаешься! И по-французски говорит, если, конечно, сейчас помнит.

– Благодарю! – съязвил Ярин. – А я все думал, не выучить ли мне французский на досуге! Всю ночь какая-то коза серая снилась, спал беспокойно, и тут с утра – пожалуйста! Хорошо хоть Доля. А то Долли – собачье имя какое-то.

– Очень смешно! Ладно, Вольдемар, – жена перешла на игривый тон. – Не бойсь! Коза снится к переменам в жизни. Холодильник я вам заполню. Пельмешек на-верчу, борща сварю. С голоду не помрете. Она неприхотлива и очень воспитанна. Не соскучитесь!

Через четыре дня Ярин ехал к автовокзалу. Рита уже укатила в командировку, напутствовав мужа целым списком рекомендаций и инструкций. Из них Ярин запомнил только первостепенные позиции: то, что старушенцию зовут Дарья Викторовна, что она высокая и худощавая, что носит очки с сильной плюсовой диоптрией и говорит, грассируя.

На автовокзале все инструкции полетели к черту!

Людей было, как кроликов в садке! Все куда-то спешили, шныряли, торопились, летели, толкали друг друга, ругались и кричали. У Ярина, привыкшего к размеренному образу жизни и определенному маршруту: дом – институт – прогулки в сквере перед домом и изредка вылазки в лес на тихую охоту, зарябило в глазах и разболелась голова.

Он не сразу заметил одиноко стоящую у газетного ларька высокую женскую фигуру. Слева к ларьку была прислонена какая-то обломанная деревяшка, видимо, от старой мебели. Женщина держалась за нее и растерянно озиралась по сторонам.

– Здравствуйте! – Ярин подошел решительно, уж больно женская фигура гармонировала с обломанной деревяшкой. – Вы Дарья Викторовна?

Женщина повернулась, заморгала сильно:

– Да. А Вы Владими`р, муж нашей Р`иты?

– С приездом, Дарья Викторовна! Давайте вещи и – к машине!

– Да у меня немного, Володя. Вы позволите себя так называть? Вот только две сумки. Ой, что вы, не утр`удняйте себя. И называйте меня просто – Доля.

В машине старушка долго суетилась, размещая сумки, которые почему-то не захотела класть в багажник. И все извинялась, что доставляет Ярину ненужные хлопоты и «утрудняет» его. И при этом так заискивающе смотрела ему в глаза, что Ярину становилось неловко и тоскливо.

«Да, нудный экземпляр. Держись, брат Вольдемар, тебя ожидают славные дни! Хитрая Ритка, как у нее так получается, вроде бы и не виновата, а все равно вывернулась, а мне отдуваться. Принесла же эту бабку нелегкая».

– Ой, как неве`роятно изменился го`род! Боже, а этого моста не было! Когда его пост`роили? Я была тут так давно, как все пе`ременилось! Ст`рашно сказать, сколько лет живу в поселке. Но вы знаете, Володя, запах, а`ромат го`рода остался п`режним! Да! Пахнет так же, как в моей молодости – от мостовой запах осенних яблок – такой п`ряный, сладкий, чуть с гнильцой! Как хо`рошо! Боже мой, све`р, мой любимый све`р!

Ярин почувствовал глухую досаду, словно у него заболели зубы. Мостовая пахла обычно: нагретым асфальтом, п`отом бесчисленных прохожих, бензином, выхлопными газами. Для того, чтобы уловить во всей этой мешанине тонкий аромат осенних яблок, надо было обладать очень сильным обонянием. Или воображением. Старушка восторгалась буквально всем: детьми в парке, нелепыми новомодными бронзовыми памятниками, пиццериями, шашлычными, кафешками, магазинами, женщинами в яркой одежде, прохожими с собаками, подростками на роликах, фургонами со свежим хлебом. Все было в поле ее зрения, скорее душевного, чем физического. Она словно дала себе задание восхищаться и исправно выполняла его.

И внешность ее вызывала какое-то странное чувство. Словно бледный лепесток увядшего цветка, дрожащий сильнее перед тем, как сорваться.

«Перед смертью не надышишься». Ярин вспомнил, что его собственная бабушка, женщина недюжинной силы, приговаривала это, когда рубила курам головы. Куры отчаянно трепыхались, стараясь вырваться, но это им никогда не удавалось. Ярин наблюдал за бабушкой не то с ужасом, не то с восхищением. Она была отменной хозяйкой, не просто кулинаркой, а Хозяйкой с большой буквы. В ее подворье были и куры, и гуси, и два невероятно злобных индюка с противными шеями.

Ярин ненавидел индюков, они всегда норовили схватить его, маленького, за ногу и вечно косились на него яростными оранжевыми глазами. Но бабушка не торопилась их резать, берегла до Нового года. А кур было много, и бабушка ловко управлялась с ними. Для нее природа была открытой книгой, жизнь и смерть плавно заступали на место друг друга, поэтому бабушка одними и теми же руками спокойно разделявала зарубленную ею птицу, а через несколько минут гладила крохотных, недавно вылупившихся цыплят.

И вот сейчас такое же беспокойное чувство. Сидит эта мадам (или мамзель) в платье цвета стародевической невинности, то есть сильно помытого розового, щебечет, грассируя, о том, что все прекрасно и великолепно. А глаза за толстыми стеклами тревожные. Будто хочет сказать что-то и не может.

– Ах, как у вас к`расиво! – восторг бабки, поутихший на подступах к дому, приобрёл новые обороты, едва они вошли в квартиру. – Боже! Синяя ванная! Цвет тайны и муд`рости! Волшебное! О!!! Кухня в любимых Р`иточкиных тонах – шоколад, сливки и земляника! Слушайте, это так чудесно, что, п`раво, хочется съесть саму кухню! Ха-ха-ха!

Ярин, яростно споривший с женой во время ремонта по поводу темно-коричневых стен, светло-бежевого пола и ярко-красной мебели в кухне, пробормотал нечто неопределенное. Но, надо признать, кухня и впрямь получилась «вкусная».

– Сейчас накроем на стол! Кухню есть не придется. Посмотрим, что Рита оставила.

– Как? – старушка растерянно посмотрела на него. – А р`азве Р`иточки не будет с нами?

– Дарья Викторовна, – взял терпеливый тон Ярин, – Рита срочно должна была уехать в командировку. Работа – сами понимаете. А дети в лагере с бойскаутами. Вы просто поздно предупредили, что собираетесь приехать. Если бы хоть за месяц раньше – все можно было бы переиграть. – Ярин вдохновенно врал, естественно, дети уж точно не согласились бы отказаться от веселых каникул с бойскаутами ради неизвестной старухи.

– Бой... Простите, я не поняла.

– Ну, это вроде как пионеры. Пожалуйста к столу, Дарья Викторовна!

Ярин был сама учтивость.

За столом продолжилась та же история. Доля шумно восторгалась и малиново-огненным борщом в мраморных прожилках сметаны, и голландским сыром, и салями, и хлебом, и острым маринованным перцем в стеклянной вазочке, и фирменным Ритиным салатом из чернослива с чесноком, и орехами в майонезе. Закатила глаза, увидев бутылку Шардоне.

– Ах! Ну, это п`росто лукулловский пи`р! Нет, погодите, я неп`ременно должна выложить и свои гостинцы!

– Вот! Это от нас вашему столу! – Доля торжественно водрузила на стол разноцветные баночки. – Ва`ренья! Это малина, сама соби`рала, это к`рыжовник, – она ткнула пальцем в банку с чем-то ярко-зеленым. – Видите, какое изум`рудное? А что за со`рт, не скажу – сек`рет! Это лечо, это перцы начиненные. Я специально подби`рала р`азных цветов, чтобы, как светофо`р, к`расиво было. Все свое, домашнее, чистое!

Старуха глядела светло, и столько было мольбы в ее взгляде, что у Ярина на мгновение перехватило дыхание. Потом он вздохнул и улыбнулся. Долгая практика в театральном институте и врожденная артистичность натуры пришли на выручку

Через несколько дней Ярин убедился в справедливости другой поговорки своей бабушки: «Первый день гость в доме – счастье, второй – доука, а третий – несчастье».

Доля болтала без умолку, и ее изящное грассирование и французский прононс уже не пленяли, а изрядно раздражали. Кроме того, она вбила себе в голову, что Ярин нуждается в ее заботе и помощи и предлагала их с несвойственной для восьмидесятиоднолетней дамы прытью. Ярин заставлял предприимчивую старуху то на кухне с Ритиным миксером в трясущихся руках. Видите ли, она хотела испечь ему на утро яблочные оладьи. Оладьи получались, но потом Ярину приходилось чинить миксер и отмывать плитку от брызг. То считала нужным вытереть пыль, протереть влажной тряпкой кресла и диван и перемыть полы во всем доме, после чего Ярин не мог найти любимой зажигалки и очков, на полу оставались разводы, а кресла и диван были влажными и неприятно холодными. «Вернется Ритка, – клял в душе жену Ярин, – дождется у меня, ой, дождется! Я ей покажу, как мужа подставлять!»

Актёрское умение жить в предлагаемых обстоятельствах стремительно иссякало, и Ярин злился на жену, детей, себя, старушеницу и весь мир.

К концу четвертого дня раздражение достигло апогея. Доля, то и дело смахивая слезу, с упоением рассказывала о незабвенном Женечке. О том, каким он был чудным мальчиком, как хорошо учился, внимательно впитывал то, что она ему читала. «А пе`речитали мы п`рактически всю классическую ми`ровую лите`рату`ру. А как он любил Р`ема`рка! Обожал «Т`риумфальную а`рку» Я несколько р`аз ее пе`речитывала. П`равда, там было несколько отк`ровенных моментов. Мне всегда неловко было их озвучивать»

Ярин, испугавшись, что старухе придет фантазия анализировать драму героев «Триумфальной арки», поспешил ретироваться.

– Доля, мне нужно отлучиться на некоторое время. – Старуха взметнула на него умоляющий взгляд. – Я в магазин. Вам нужно что-нибудь?

– Да, неп`ременно. Возьмите овсянки и молока. Я завтра вам кашу сварю. Уверю вас, такую кашу вы никогда не пробовали. Я буду варить ее по маминому старинному рецепту с пряностями и медом. Я заметила, что вы неп`равильно питаетесь. Вы еще молодой мужчина. Зачем вам в ста`рости п`роблемы с желудком? Неп`ременно на завт`рак надо есть теплую обволакивающую пищу, чтобы п`риготовить желудок к новому дню. А вы что делаете? Заг`ружаете его та`ртинками.

– Чем?

– Та`ртинками, до`рогой д`руг. Ибо, буте`рб`родами называется только хлеб с маслом. А то, что вы п`редпочитаете – хлеб с колбасой, ветчиной и п`рочее – это п`росто та`ртинки.

– Благодарю вас, Дарья Викторовна! Буду знать!

Ярин шаркнул ножкой, но старуха, поглощенная новыми восторгами по поводу яркого заката, не заметила его язвительности.

«Завтра последний день! Господи, дай мне сил! Последний день – он трудный самый! Завтра к вечеру провожу бабушку на вокзал, посажу в автобус и – гуляй казак! Свобода – лучшее благо, или как там говорил Вольтер?» За четыре дня Ярин немало наслушался цитат и изречений на французском. «

Господи, вот дал же ты энергию этому существу. Кто такое, что такое, дунешь – улетит, а туда же, шебуршится, лопочет без устали, ни минутки не посидит спокойно. А в молодости, видно, ничего была, кожа у нее и сейчас не слишком морщинистая, белая, и фигурой тоже бог не обидел – статная. Интересно, был у нее кто-нибудь когда-то, или так всю жизнь с Женечкой и просидела?»

В магазине Ярин взял масла, ветчины, шпротного паштета. Потом подумал, вернулся и добавил к покупкам овсянки и молока. Последний день остался, совестно огорчать старушку.

– Ну, вот, Доля, – Ярин постарался придать голосу задушевные нотки. – Все ваши заказы выполнены. Вот овсянка, вот молоко.

– Спасибо, Володя. – Она даже имя его произносила на французский манер. Получалось не Володя, а как бы Во –, а потом с небольшим усилием – льедя. И от этого было смешно и немного грустно. Словно старуха перекачивала в гортани маленький шарик изо льда, и этот шарик стремительно таял.

«Что это с нею? Молча взяла свертки, пошла на кухню, не тарахтит, как обычно. Приболела, что ли? Только этого еще не хватало!»

– Доля, а что это с вами? Вдруг погрустнели. На вас не похоже.

– Спасибо, милый друг. Нет, все хо`рошо. Жаль только, Р`иточку и детей по-видать не п`ришлось.

– Ну, что вы. Просто так получилось. В следующий раз непременно повидаетесь.

– Конечно, Володя. Конечно, повидаемся. Надоела я вам за это время, вы уж простите великодушно.

– Доля, мне ваше настроение решительно не нравится. Что случилось? Откуда вдруг такие мысли? Может, неважно себя чувствуете?

– Нет, Володенька. Я очень р`ада была вст`рече. Вы пода`рили мне дивный отдых. Масса впечатлений, масса!

Ярин почувствовал легкий укор совести. За все это время ему и в голову не пришло спросить старуху о ее жизни, об отце-полковнике или генерале, о том, что она любит, что помнит. С ее-то словоохотливостью, может, она и ждала этих распросов. А самой было неловко первой начать.

«Цирлих-манирлих», – вспомнил Ярин слова жены.

Да и, по чести сказать, когда же ему было задавать вопросы?

Доля тарахтела без умолку, но именно о том, что в данную минуту попадало в поле ее зрения. Тут она начинала восторгаться. Да еще тема Жени. Пожалуй, единственная тема из прошлого, на которую она не могла не распространяться. Но никогда ни о чем больше!

– Я по`раньше лягу сегодня, Володенька. Завт`ра много дел. Вещи соб`рать, приб`рать в комнате.

– Доля, что там прибираться? Вы же сама чистота. Завтра мы с вами сходим на выставку коврового искусства. Недавно открылась в Музее искусств. Потом в ресто-

ран – вы не против? – потом еще погуляем, а уже потом на вокзал. Да, вот Рита велела вам передать. – Ярин открыл шкаф и вынул небольшой пакет. – Это халат банный, мягкий, Рита сама выбирала для вас.

– Милая девочка! – Доля всплеснула руками. – Какое чудо!

Халат был действительно красив – большой, махровый, в серо-голубых и фиолетовых разводах. Но, пожалуй, слишком тяжел для старухи.

На самом деле год назад Рита купила его для себя, но потом почему-то он ей не понравился, и халат так и лежал в шкафу и ждал своего часа, чтобы быть проданным или подаренным кому-то. Вручение халата тоже составляло один из пунктов инструкции жены.

– Зачем она так ут`рудняла себя? – Доля вытирала ладонями глаза, всплескивала руками, трогала халат как невиданного и очень ценного пушистого зверя.

Ярин был рад, что к бабке вернулась ее прежняя говорливость.

– Это такой до`рогой подарок. Такой до`рогой, – бормотала она. – Merveilleux! (прекрасный). Superbe! (изумительно!)

«Ну, пошла молоть мельница», – Ярин вновь почувствовал глухую досаду. Теперь он даже жалел, что начал интересоваться настроением старухи. «Шла себе спать, нет, надо было тебе расспрашивать».

– Только, Володенька, если можно, давайте не пойдем на выставку. А если вас не ут`руднит, поедем на Восьмую Наго`рную. Это последняя остановка вто`рого т`рамвая. Он ведь ходит еще?

Ярин присел от неожиданности. Ни Восьмой Нагорной, ни трамвайных линий в их городе давно уже не было.

С трудом удалось выяснить, что Доля имела в виду один из самых отдаленных уголков города, там, где еще сохранились старые двухэтажные домишки и полуразрушенные трамвайные линии, заросшие бурьяном.

«На машине придется, – подумал Ярин. – По дороге на автозаправку заехать, бензина не хватит. С чего ей вдруг приспичило? Да ладно уж, последний день».

Ночью Ярин несколько раз просыпался. Было слышно, как старуха беспокойно ворочается, кричит и что-то тихо бормочет по-французски.

– Доля, все в порядке? Может, вам что-то нужно?

– Нет, все замечательно. П`ростите, Володенька, р`азбудила вас. И ночью вам покоя от меня нет.

Наутро Доля была говорлива, как обычно, шумно восторгалась и овсянкой, и молоком – «Какие ароматные, сразу видно, что свежие!», но Ярин почувствовал за этой трескотней напряжение. И глаза были как в первый раз – тревожные. Будто хочет что-то сказать, а не может.

Ехали долго. Доля вертела головой по сторонам, вновь восхищалась новыми зданиями, проспектами, улицами, магазинными вывесками, женщинами в ярких рядах, красивыми машинами, россыпями фруктов и овощей за стеклами витрин.

«Еще немного, еще чуть-чуть», – подбадривал себя Ярин, пытаясь совместить три вещи: не спускать глаз с дороги, улыбаться Доле и отвечать на беспрестанные ее вопросы.

Бывшая Восьмая Нагорная, по сути, представляла собой большой пустырь, заросший бурьяном и одичавшими олеандрами. Видно было, что когда-то здесь кипела жизнь. Олеандры были высажены в шахматном порядке по обеим сторонам улицы: белые, темно-малиновые и розовые. Венчали аллеи сосны и тополя. Увы, сейчас, от

этого великолепия не осталось и следа. Только два-три чахлых соцветия на олеандровых кустах указывали на их цвет, а сосны и тополя давно были съедены вездесущим плющом.

«Тут, наверно, и не живет никто, – Ярин вглядывался в покосившиеся балконы, в черные провалы окон. – Переселили людей. И правильно. Давно пора эту рухлядь сносить».

– Вот здесь. Будьте добры. – Доля была серьезна, и в лице ее не было ни крошки винки.

Ярин въехал во двор маленького двухэтажного дома. Жизнь давно уже ушла из него, плющ покрыл ступени подъездов, расплзался по красно-желтым осыпающимся стенам.

– Стоит. Живая моя. – Старуха подошла к небольшому кривому дереву. Оно росло в отдалении, перед четвертым последним подъездом дома. Ярин не заметил его сразу. – Стоит, – повторила она трясущимися губами и погладила темно-серую кору. – Вот и повидались. – Она прижалась головой к дереву и застыла.

Через несколько минут она отошла от дерева – прямая, высокая, с плотно сжатыми губами.

– Мы в этом доме жили, Володенька. Я это дерево чуть не с рождения помню. Мы с ней детьми, как с горки, съезжали. Мама пирог с грушами пекла и варенье варила. А когда зимой болела, то из окна все на эту горшу смотрела. Вон наше окно, на первом этаже. – Доля махнула рукой в сторону черного, полускрытого плющом провала.

– А еще няня учила молиться перед сном, чтобы жизнь и здоровье Бог послал папе, маме, младшему брату Антоше и маленькой сестре Милочке. Так над этой горшей всегда светила яркая звезда, будто елочная игрушка. Я, на нее глядя, молилась...

...А потом, когда папу арестовали, так он, перед тем, как уйти, постоял чуть-чуть около нее, погладил кору, а потом ушел, не оборачиваясь. Мы в окно все видели.

...Потом за мамой пришли. Она тоже, когда уходила, замешкалась немного около дерева, веткой волосы ее зацепило. Потом ушла. Домой они не вернулись.

– А вы? – спросил Ярин почему-то шепотом.

– Нас в разные детские дома, а няня умерла вскоре. Брат и сестричка погибли тоже. Это я потом узнала. Поедем, Володенька?

Всю обратную дорогу старуха молчала и только покачивала головой, словно удивляясь чему-то. В кафе ехать она отказалась и повеселела только на вокзале.

– Ну, все, – говорила она бодро, поудобнее устраиваясь в кресле автобуса. – Теперь уже вы ко мне приезжайте. Рита знает, как найти. Жаль, не удалось увидеться. Спасибо за дивный отдых, Володенька.

Ярин разместил ее сумки в багажном отделении, чмокнул холодную старческую щеку, помахал вслед отъезжающему автобусу и через полчаса напрочь забыл о Доле.

До приезда жены оставалось еще три дня и можно было бы с чувством выполненного долга наслаждаться ничегонеделанием.

Первая ночь прошла восхитительно. Никто не верещал, не трещал и не возмущался. Блаженная тишина была разлита вокруг. Ярин спал как младенец. Дом, милый дом!

Во вторую ночь Ярин проснулся от неясного чувства. Будто что-то должно было произойти, и он, Ярин, стоял на пороге этого открытия.

«А ведь она прощаться приезжала, – осенило его. – Эх, я, дурак! Поэтому и стрекотала, заговаривала себя. А глаза такие умоляющие были. И Ритка, Ритка, хороша, нечего сказать. Халатом откупилась. Всю жизнь Доля их семье отдала».

Первым стремлением его было первым же рейсом поехать в маленький поселок, где жила Доля, и разузнать, все ли в порядке.

Но Ярин никогда не следовал сиюминутному велению души. Надо было все хорошо обдумать, дождаться жены и детей.

«Вместе все поедем. Подарков привезем. Старуха обрадуется», – и, радуясь удачному решению, он нырнул под одеяло и вскоре уснул.

Следующий день прошел в заботах. Надо было привести квартиру в порядок к приезду жены.

– Ну что, очень утомила тебя Доля? – Рита выглядела уставшей, но довольной, поездка оказалась удачной.

– Нет, занятая дама. Даже интересно с ней было.

– Ну, а я что говорила? Сама деликатность – лишнего никогда ничего не скажет, стесняется загрузить.

«Ут` рудить», – вспомнил Ярин и усмехнулся.

– Слушай, надо бы как-нибудь к ней съездить. Она так расстроилась, что не застала тебя и детей. По правде говоря, свинтус ты хороший, подруга дней моих суровых, супруга милая моя!

– Чего это я свинтус? – шутливо надула губы Рита. – Когда ездить? Ты мне объясни, когда? Я работаю, как вол, отпуск только 14 дней, и прикажешь их в деревне проводить с милыми сердцу рассветами, закатами и пастушескими трелями по утрам?! Дети вообще не поедут, взвоют через полдня, что в город хотят, к друзьям, а ты понудишься два дня от силы и тоже домой запросишься. Я не права? Ну, хорошо, как-нибудь на выходных съездим. В ближайшее время не получится, в следующем месяце выберемся.

На том и порешили. И обоим стало весело и спокойно, как может быть только спокойно любящим и чистым сердцем людям.

Через неделю вернулись из лагеря близнецы. Окрепшие, подросшие, исцарапанные, но веселые, пропахшие дымом костра. Перебивая друг друга, они рассказывали о летних приключениях. Надо было собирать их к школе, да и Ярин 26-го августа вышел на работу. И коллеги нашли его весьма отдохнувшим и посвежевшим. Надо было составлять учебный план на следующий год, готовиться к институтским будням.

А еще через месяц пожилая почтальонша с будничным и суровым взглядом принесла им телеграмму, где кратко сообщалось, что накануне в поселке скончалась Вересова Дарья Викторовна, или попросту Доля.

Послесловие: *Рассказ посвящается светлой памяти великого артиста Ростислава Плятта с благодарностью, любовью и благоговением.*

ФАРИДА МИР-БАГИРЗАДЕ

«ИСКЕНДЕР-НАМЕ» НИЗАМИ В ОРИЕНТАЛЬНОЙ МИНИАТЮРИСТИКЕ

Свыше 2000 лет образ великого воителя и политического деятеля царя Александра Македонского оставался одним из центральных в мировой литературе, легендарно-исторической – западной и сугубо фольклорно-художественной – восточной. Биография и деяния этого персонажа нашли своё отражение в произведениях целой плеяды древнеримских авторов, среди которых Плутарх, Адриан, Квинт Курций Руф, Диодор Юстин и др.

При этом в основу восточных преданий о «двурогом Искендере» легли главным образом мотивы романа об Александре сочинения так называемого Псевдо-Каллисфена – греческий нарратив, восходящий к клитарховой¹ беллетристико-историографической традиции.

Образы Александра Македонского и его коня Буцефала предстают в их художественно-образительных воплощениях как символы силы и власти. Так, в античном греческом искусстве классический образ Александра воспроизведён приближённым к нему скульптором Лисиппом (IV в. до н. э.) в виде Бога Солнца – «Александр Гелиос», а современником и коллегой Лисиппа Леохаром (также IV век до н. э.) в облики Геракла – одоителя льва, шкурой которого герой украсил свой боевой шлем. В свою очередь другой их современник, живописец Апеллес (примерно 370 – 306 гг. до н. э.), изображает своего кумира уподобленным верховному божеству древнегреческого пантеона Зевсу-громовержцу.

По вскрытию захоронения Филиппа II Македонского археологами был обнаружен портрет его сына – Александра, вырезанный в слоновой кости и в точности соответствующий характеристике, данной этому герою историком-философом Плутархом. Портрет этот и подлинно являет нам личность, исполненную незаурядного ума, силы духа и собственного достоинства и, с очевидностью, «равнодушную к богатствам мира».

«В рукописях «Хамсе» Низами, – пишет выдающийся отечественный искусствовед Керимов, – как и в «Шах-наме» Фирдоуси, произведениях Хосрова Дехлеви, Абдуррахмана Джами, Алишера Навои и других классиков восточной поэзии, чаще всего иллюстрировались те образы и сюжеты, которые были традиционными, то есть ещё задолго до появления поэм Низами веками воспевались в народных преданиях, литературных сочинениях и частично изображались в произведениях декоративно-прикладного искусства народов Ирана, Азербайджана и Средней Азии. Другими словами, чаще всего иллюстрировались те сюжеты и образы, которые жили в народной памяти, занимали почётное место в художественно-литературной традиции народов Востока. Но наряду с такими традиционными мотивами очень скоро стали излюбленными среди художников и снискали большую популярность (а следовательно, и стали часто иллюстрироваться) те новые, оригинальные сюжеты и образы, которые впервые были привнесены в поэзию и через неё и образительное искусство народов Востока гением Низами» (Керимов К. Низами Гянджеви. Хамсе. Миниатюры. Баку: Изд-во Ишыг, 1983. с. 32.).

Тот же автор указывает: «В поэме «Искендер-наме» целая глава посвящена соревнованию китайских и румских² художников; там же поэт поместил специальный «Рассказ о художнике Мани», в котором воспел достоинства этого художника. Низами высоко ценил художественные возможности образительного языка, видел в нём средство познания объективной действительности и тем самым в принципе отстаивал его право на существование.

¹ Клитарх (IV в. до н. э.) – древнегреческий историк; сын Динона из Колофона, автора сочинений по истории Персии и о жизни Александра Македонского.

² Рум – одно из древних наименований Римской империи, а затем Византии и территории Малой Азии.

В этом заключается один из аспектов значения «Хамсе» Низами в развитии изобразительного искусства».

«Наибольшее количество сюжетов, – отмечает К. Керимов, – причём очень разнообразных, увлекательных и интересных по содержанию, традиционных и новых, зачастую совершенно оригинальных, даёт величественная эпопея Низами «Искендер-наме». Естественно, что в иллюстрированных списках (особенно в первой части – «Шараф-наме») ведущее место занимают миниатюры на батальные темы, воспевающие подвиги легендарного полководца – Искендера. Необходимо отметить, что художники, иллюстрировавшие «Хамсе», правильно поняв сущность замысла Низами, трактовали образ Искендера не как царя-завоевателя, а как героя-освободителя. Именно так воспринимается образ Искендера в миниатюрах, изображающих сражение Искендера с чернокожими дикарями, его поединок с чудовищем и др.

Характерные черты Искендера как гуманного, справедливого полководца ярко и убедительно раскрываются в миниатюрах, изображающих его над умирающим Дарием. Этот потрясающий своим драматизмом сюжет привлекал внимание почти всех художников, иллюстрировавших поэму. Одни трактовали этот сюжет в очень простых, двухфигурных, другие – в сложных, многофигурных композициях, на которых, кроме победителя Искендера и умирающего Дария, изображали убийц и поймавших их воинов. Иногда сюжет трактовался в виде диптиха, где кроме основных персонажей были изображены многочисленные воины, наблюдавшие происходящую сцену. В лучших миниатюрах на эту тему художники добились большой психологической выразительности образов».

Как уже отмечалось выше, военные походы и государственные деяния Александра Искендера на протяжении веков были популярнейшими темами в европейском и ориентальном изобразительном искусстве. В этой связи особо примечателен распространённый в средние века сюжет поединка леопарда и длиннорогого козла – аллегория покорения македонским воинством Мидии и Персии.

Среди миниатюр батального содержания, созданных по мотивам «Искендер-наме», следует в первую очередь отметить: 1. «Сражение Искендера с зинджами» (Хамсе. СПГ, Государственная публичная библиотека им. С. Щедрина (ГПБ), коллекция Дорна; – Хорасан, 70-е годы XVI века.); 2. «Войска Искендера перед боем» (Хамсе. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Исфаган, 70-е годы XVI века.); 3. «Смерть Дария» (Хамсе. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Хорасан, 70-е годы XVI века.); 4. «Искендер и умирающий Дарий» (Хамсе. Ленинградское отделение института востоковедения Академии наук СССР. – Шираз, 1543 – 1544.); 5. «Подвиг неизвестного воина на чёрном коне» (Хамсе. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Герат, 1482.); 6. «Искендер побеждает чудовище» (Хамсе. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Шираз, 1508.); 7. «Нападение дракона и подвиг Нистандаржихан» (Хамсе: Персидская новая серия. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Бухара, 1648.); 8. «Подвиг неизвестного воина на чёрном коне» (Хамсе. СПГ, ГПБ, колл. Дорна. – Герат, 1482.) и др.

В 1831-м году при раскопках античных Помпей была обнаружена впечатляющих размеров (313 × 582 см) архаическая мозаика с изображением Александра¹, воспроизводящая сцену битвы при киликийской Иссе между греко-македонцами и персами (333-й год до н.э.) и признанная как калькированная в технике *opus vermiculatum* живописная работа либо Филоксена Эритрейского, либо Аристида Фиванского². На панно – изображения Дария и Алек-

¹ Так называемая «Александрова мозаика», воплощающая в себе всё великолепие греческой монументальной четырёхцветной живописи; перенесённая в 1843 году в Национальный археологический музей Неаполя, впоследствии – около 1913-го года – она для лучшего обзора помещена была на стену, в каком-то положении пребывает по сей день.

² Тип мозаики, характерной особенностью которой является использование модулей-тессер размером менее 4мм, что позволяло античным мастерам прорисовывать мельчайшие детали создаваемых ими панно. Филоксен Эритрейский (около 315 г. до н.э.) – древнегреческий живописец, ученик Никомаха (1-я пол. 4 в. до н. э.) – автора знаменитых в его пору картин «Похищение Коры», «Великая Мать на льве», «Скилла», «Сатир и вакханка» и др. Аристид Фиванский, или Младший (около 4 в. до н. э.), – художник, ученик Никомаха, сын Аристида Старшего, великого полководца Древней Греции. Ныне хранится в Археологическом музее Стамбула.

сандра, предстающего верхом, в железном шлеме, с копьём, пронзающим телохранителя персидского царя, и жёстким взором, устремлённым на последнего.

В конце XIX века в царском некрополе в Сидоне был обнаружен так называемый «саркофаг Александра»¹ (в действительности принадлежал сидонскому царю Абдоланиму). Это своё название артефакт получил благодаря изображению на одном из его фризов конного воина, который сражается с персами в так называемом «львином шлеме», или «шлеме Геракла», по преданию являющемуся одним из боевых атрибутов великого македонца. Идентифицированный как творение греческого камнереза IV в. до н.э., саркофаг ныне признаваем как один из шедевров прикладного искусства эпохи эллинизма.

Около 1565 – 1570 гг. итальянский живописец Паоло Веронезе создаёт картину «Семья Дария перед Александром» (хранится в Лондонской национальной галерее) по мотивам эпизода из популярного рассказа Плутарха. Общеизвестно, что в настоящей работе не воспроизводится драматизм события, представленного как некая роскошного антуража (интерьер, костюмы) театральная мизансцена.

В 1528 – 1529 гг., по заказу герцога Баварии Вильгельма IV, немецкий живописец Альбрехт Альтдорфер пишет живописное полотно «Битва Александра», также известное под названием «Битва при Иссе» (хранится в Старой пинакотеке Мюнхена, Германия) и считающееся первой в ряду исторических композиций так называемого Северного Возрождения.

В период 1665 – 1673 гг., по заказу короля Людовика XIV, французский живописец, рисовальщик и декоратор Шарль Лебрен создаёт целую серию колоссальных картин на сюжеты из истории Александра Великого. Среди них – образцы французского классицизма XVII в.: «Семейство Дария в палатке Александра», «Александр и Пор», «Торжественный въезд Александра в Вавилон», «Битва при переходе через реку Граник» и «Битва при Арбелах (Гавгамелах)», написанные специально для последующего тканья по ним ковров. Композиции двух последних, по мнению искусствоведов, использованы были в знаменитом рельефе на слоновой кости XVIII в. «Бегство Дария после битвы при Гавгамелах», авторства неизвестного мастера, хранящемся ныне в Национальном археологическом музее Мадрида.

Той же тематики и рукописная миниатюра «Смерть Дария». Её сюжет: «После первого трудного боя в Мосуле к Искендеру приходят два иранских полководца и предлагают убить шаха (Дария. – Ф.М.-Б.), если получат за это награду» (Керимов К. Азербайджанская миниатюра. Баку. Ишыг, 1980. с. 40.); «опасаясь за исход предстоящего боя, Искендер даёт согласие. Во время кровопролитного сражения случается так, что шах остаётся на поле боя один. Полководцы, внезапно напад на него, ударом меча убивают шаха и спешат за наградой». Примечательно, что в этой миниатюре, так же как и в «Сражении Искендера с зинджамы», колористически контрастно – облагачение противоборствующих царей и воинств – представлены две группы фигур персонажей, причём персидская рать изображается выступающей под штандартом цвета знамени пророка Мохаммеда (!).

Сюжет другой миниатюры названного тематического ряда – «Искендер и умирающий Дарий»: «Предательски убив своего шаха, иранские полководцы идут к Искендеру за наградой. Искендер приказывает схватить убийц, а сам спешит к смертельно раненному Дарию. Проникновенная беседа умирающего шаха с победителем Искендером – один из наиболее драматических эпизодов поэмы». В «Искендер-наме» об этом говорится так:

*Нелюбим был придворными Дарий – и он
Их заботою не был в бою окружён.*

*И внезапно, мечами ударив с размаху,
Нанесли двое низких ранение шаху.*

*Наземь Дарий повергся. Его не спасут,
Над смятенной землей Страшный начался суд.*

¹ Ныне хранится в Археологическом музее Стамбула.

*Сотрясая простор, пало дерево Кея¹.
Тело, корчась, лежало, в крови багровея.*

*Тело мучилось в горе, в нежданной беде.
Светоч с ветром не в дружбе, – они во вражде.*

На переднем плане композиции потупивший голову, застывший в позе скорби Искендер, на коленях у которого покоится голова поверженного Дария. Вся фигура последнего – положение тела, искажённое смертной мукой лицо, – не в пример нарочитой статичности Искендера, исполнена реализма. Особо примечательно в данной миниатюре то, что группы воинов представлены на ней с нашлемными яловцами двух оттенков красного: тёмно-красно-оранжевым – с очевидностью македонцы и серовато-красно-оранжевым – предположительно, персы. Обстоятельство это дает основание судить об исключительной вексиллологической эрудированности восточного средневекового художника – ведь сегодня достоверно известно, что штандарты как Ахеменидов («Драфш Кавиан»), так и Аргеадов были сходных – тона карминного – цветов.

Сюжет миниатюры «Сражение Искендера с зинджам» в пересказе К. Керимова: «По Низами, с этого похода начинается военная карьера Искендера. Но цель этого похода не заключается в завоевании Египта. Местные жители послали к Искендеру делегацию с просьбой освободить их от грабителей-зинджей, опустошивших страну. В трудной войне против людоедов Искендер, по совету своего мудрого визиря, прибегает к военной хитрости: он сам себя выдаёт за лютого людоеда»:

*Надо, хитро за ними последовав следом,
Стать на время тебе в их глазах людоедом.*

*Надо несколько зинджей схватить на пути,
И связать, и тайком в твой шатер привести.*

*Пусть их наземь швырнут пред властителем Рума;
Притворись, что душа твоя зла и угрюма.*

*Повели, чтоб снесли одну голову с плеч
И послали в поварню зажарить иль спечь.*

*Иль воскликни по-зинджски: «Пусть лакомство это
Будет быстро в поварне на вертел надето!»*

*И пускай твой приказ будет стольнику дан,
Чтоб отобран был поваром чёрный баран.*

*И пусть блюдо тебе с головою барана
Подадут без костей. Не узнают обмана.*

*Кожу черную рви и с глотками вина
Жуй ее, наслаждаясь, она ведь вкусна.*

*И мозги ты потребуй и молви: «О, чудо!
Несравнимо ни с чем это нежное блюдо!»*

*Если б раньше я знал эту сладкую снесь!
Да! Прославленный повар мой должен краснеть,*

*Что откармливал мне только белых! Отныне
Жарьте мне только зинджей! Их много в пустыне...»*

¹Кей, кеяниды — имя мифической династии правителей древнего Ирана.

*Пусть проведает царственный их людоед,
Что и ты – людоед. Пусть боится он бед!*

В миниатюре, запечатлевшей кульминацию сражения между войском Искендера и зинджами, визуально контрастно представлены как внешность персонажей противоборствующих сторон, так и их боевая амуниция. При этом большая часть изображённых фигур расположена в центре композиции, в том числе предводитель зинджей, восседающий на спине боевого слона, и противостоящий ему Искендер. Наконец, на переднем плане помещены фигуры схватившихся врукопашную спешившегося гетайра-македонца и, с очевидностью, ссаженного им с коня вершника-зинджа. Обращает на себя внимание статичность македонской «группы», колористическим маркером которой является киноварный цвет, в противовес сугубой динамичности «группы» условных варваров, выдержанной (в том числе и боевой слон предводителя зинджей) главным образом в тонах индиго.

Миниатюра «Искендер побеждает чудовище» следующего содержания: «Увидев, что бесстрашный воин, захваченный в плен чудовищем, – та самая рабыня, которую подарил ему хаган, Искендер сам бросается в бой с чудовищем и ловит его арканом. Чудовище изображено на этой миниатюре в традиционном для ориентальной культуры образе дива, а не огнедыщащего дракона». Миниатюра привлекает внимание, прежде всего, своим цветовым решением – динамизм изображенного на ней события усиливает необычайная выверенность применённых художником ярких красок и их сочетаний. Кроме того следует отметить превосходную выписанность конного воинства Искендера, обороняющегося от свирепого вида чудовища.

Как уже упоминалось выше, восточные предания об Александре, в том числе и воспроизводимые в низаминской «Искендер-наме», источником своим имеют главным образом сюжеты романа Псевдо-Каллисфена. В соответствии с одним из таковых – «египетская легенда» – Александр рождён был отнюдь не от Филиппа II, но от поселившегося в столице Македонии – Пелле потомка египетских фараонов, беглого жреца Нектанеба. Также в восточных легендах Искендер упоминается не как сын, а как племянник царя Филиппа, рождённый от кратковременного брака сестры последнего с Дарием II. Таким образом обосновывалась правомерность воцарения Искендера равно на престолах и македонском (Аргеады) и персидском (Ахемениды). В результате в ориентальной культурной традиции он предстаёт как идеальный государь – объединитель двух миров, западного и восточного, движимый целью утвердить в своей державе законы высшей справедливости, усвоенные им при посещении некоей «северной страны»:

*И душе своей молвил венец мироздания:
«Эти тайны приму, как слова назидания!»*

*Полно рыскать в миру. Мудрецам не с руки
Лишь ловитвой гореть, всюду ставить силки.*

*Не довольно ль добыч? От соблазнов свободу
Получил я, внимая благу народу.*

*В мире благо живет. Ты о благе радей.
К миру благо идет лишь от этих людей.*

Характерно, что идеализация образа Александра имеет место и в европейском искусстве, скажем, в литературных произведениях таких авторов – современников Низами, как Вальтер де Кастельоне – «История о битвах Александра Македонского», Лампрехт Немецкий – «Песнь об Александре», Вальтер Шатильонский – «Александрейда», а также Ламбер Турский – «Роман об Александре» и Альберик Безансонский, чьи не дошедшие до наших дней

поэтические «александрии»¹, а частности, стали источниками создания Александром Берне (Парижским) его эпоса о македонском герое и др.

Миниатюра «Нахождение младенца Искендера» написана на мотивы ещё одной известной Низами легендарной версии происхождения великого македонца. Как указывает К.Керимов: «Миниатюра является иллюстрацией «румской легенды» о происхождении Искендера. В Руме жила одна праведная женщина, которая, забеременев и утратив мужа, решила уехать на чужбину. По дороге, в развалинах, она родила мальчика и сама скончалась. Случилось так, что македонский царь, Филикус, во время прогулки случайно зашёл в эти развалины и, увидев живого младенца, сосавшего от голода палец, взял его с собой во дворец и усыновил»:

*Старцы Рума составили книгу свою
Про отшельницу, жившую в этом краю.*

*В день, когда материнства был час ей назначен,
Муж был ею потерян и город утрачен.*

*Подошел разрешиться от бремени срок,
И мученьям ужасным обрек ее рок.*

*И дитя родилось. И, в глуши умирая,
Мать стонала. Тоски ее не было края:*

*«Как с тобой свое горе измерим, о сын?
И каким будешь съеден ты зверем, о сын?»*

*Но забыла б она о слезах и о стене,
Если б знала, что сын в божьем выкормится лоне,*

*И что сможет он власти безмерной достичь
И, царя, обрести тьму бесценных добыч.*

*И ушла она в мир, непричастный заботам,
А дитяти помог нисходящий к сиротам.*

*Тот ребенок, что был и бессилён, и сир,
Победил силой мысли все страны, весь мир.*

*Румский царь на охоте был вмиг опечален,
Увидав бедный прах возле пыльных развалин.*

*О беспомощность! К женщине мертвой припав,
Тихий никнет младенец меж высохших трав,*

*Молока не нашедший, сосал он свой палец,
Иль, в тоске по ушедшей, кусал он свой палец..*

*И рабами царя – как о том говорят –
Был свершен над усопшей печальный обряд.*

*А ребенка взял на руки царь, – и высоко
Приподняв, удивлялся жестокости рока.*

*Взял его он с собой, полюбил, воспитал, –
И наследником трона сей найденный стал.*

¹ Термин, применяемый к античным и средневековым литературным памятникам – жизнеописаниям Александра Великого.

В миниатюре тонко передано душевное состояние царя Филиппа-Филикуса, преисполненного равно чувствами радости, удивления и сострадания. Впечатляет, в частности, и фон произведения – пёстрый цветочный луг в сочетании с нарочито-агатовыми горами.

Сюжет миниатюры «Нападение дракона и подвиг Нистандаржихан»: «В войне против русов особенно трудным был шестой бой, когда в рядах русов появилось страшное чудовище, победить которое никто не может. Вдруг из рядов румского войска выступает никому не ведомый витязь и вступает с ним в схватку. После долгого поединка дракон стаскивает витязя с коня, шлем его падает, и Искендер видит, что бесстрашный воин, отличившийся подвигами и в предыдущих боях, – та самая прекрасная рабыня Нистандаржихан, которую подарил ему хаган»:

*Всадник взвил крокодила и с пламенем ярим
Устремился к дракону, дыхнувшему жаром;*

*Он пронесся, ударом таким наградив
Это чудо, что пал покачнувшийся див.*

*Но поднялся дракон, заревев из-под пыли,
И опять его пальцы железо схватили.*

*И нанёс он удар изо всех своих сил,
И железным крюком смельчака зацепил,*

*И с седла его сдернул, и вот без шелома
Оказался носитель небесного грома:*

*И явилась весна; как цветка лепесток
Был отраден румянец пленительных щек.*

*И не стал отрывать головы столь прекрасной
Поразившийся джинн; сжал рукою он властной*

*Две косы, что упали с чела до земли,
Чтоб вокруг шеи наездницы косы легли,*

*И за узел из кос к русам радостным живо
Повлекло эту деву косматое диво.*

Миниатюра условно отображает временной промежуток румско-русского противостояния между победой дракона над витязем-девой и усмирением чудища Искендером. Вся сцена исполнена крайнего внутреннего напряжения, являя собой образец ритмической организации классико-ориентальной живописной композиции. Одинаково сориентированные в направлении извергаемых чудищем огненных струй изображения двух наклонённых, утрированно-декоративных деревьев в центре миниатюры и вымпелов и яловцев «обрамляющей» её группы воинов сообщают всей картине исключительную экспрессию.

Экспликация к миниатюре «Подвиг неизвестного воина на чёрном коне»: «В шести кровопролитных сражениях Искендеру не удаётся одолеть русов. В поединках с обеих сторон погибают знаменитые богатыри. Особенно отличается в этих сражениях никому не известный молодой воин Искендера, показывающий невиданные отвагу и геройство. Только в шестом бою Искендер узнаёт, что бесстрашный воин – та самая рабыня (*всё та же Нистандаржихан. – Ред.*), которую подарил ему хаган. Миниатюры выполнены согласно традиционной композиционной схеме и могут быть иллюстрацией к любому литературному сюжету на батальную тему». В «Подвиге» примечателен, опять же, «вексиллологический аспект»: двое готовых вступить в единоборство воинов – рус и черноконница-Нистандаржихан, – расположенные в центре картины, вооружены копьями с одинакового – алого – цвета вымпе-

лами. И это при том, что группы пеших супротивников-ратников представлены при вымпелах соответственно красном – румийцы – и фиалковым – русы.

Перед смертью Дария Искендер обязуется жениться на его дочери Роушанек, каковое обещание в итоге и исполняет. «Победив Дария и завоевав иранский престол, – пишет К. Керимов, – Искендер восстанавливает порядок в стране и, исполняя предсмертную просьбу шаха, женится на его дочери Роушанек. Царедворцы Искендера устраивают торжественную свадьбу: «Столько пышности ввёл в это празднество он, что казалось пирующим: всё это – сон». После свадьбы Искендер вступает в Истахре на престол, а молодую жену отправляет с Аристотелем в Грецию». Иллюстрирующая данный сюжет миниатюра в бухарском списке «Хамсе» 1578 года выполнена в форме диптиха. В верхней его части традиционно-идиллически представлена чета новобрачных, нижняя же примечательна тем, что воспроизводит сцену именно мусульманской так называемой невестинной свадьбы. Обращает на себя внимание также то, что куфический текст рукописи, его обрамляющий, соритмизован с орнаментикой фонов на обоих изображениях: в том и другом случае – растительный узор. Т.е. в данном случае имеет место представленность в эстетическом единстве живописи и эпиграфики.

Иконография сюжета поэмы, условно именуемого «Искендер встречает сирен», замечательна главным образом изображением обнажённых женских тел. Изображения эти почти не детализованы – их контуры, традиционно, залиты локальным белёсым цветом, с едва намеченными линиями складок на коже, и предстают в таком виде и в сходных же композициях в целом ряде дошедших до нас рукописей «Хамсе».

«К началу IX века, – пишет востоковед Лейсан Тимергалиева, – в Исламе утвердилось представление о греховности изображения живых существ и Бога. В хадисах звучит угроза художнику в загробной жизни за то, что он подражает Богу – право творить признается только за Всевышним, только он один может одушевить форму. Одновременно было распространено другое утверждение, по которому запрет касался не изображений как таковых, а использования их в качестве объектов поклонения и размещения в священных местах. В различных частях исламского мира, особенно на периферии мусульманской цивилизации (в Кордовском халифате, империи Великих Моголов, в Османской Турции, в Средней Азии) данный запрет имел силу далеко не всегда. К тому же шиитами запрет Сунны на изображения никогда не соблюдался: в Иране иллюстрации людей и животных постоянно присутствуют в книжной миниатюре, настенной живописи, ковроткачестве»¹. Приведённое утверждение – неоспоримый факт, тем не менее самое оформление в канон сюжетной композиции с обнажёнными женскими фигурами, как в случае с «сиренами» из низаминской поэмы, однозначно является случаем экстраординарным в истории исламского изобразительного искусства².

Сюжет тематических миниатюр «Искендер воздвигает стену против Гогов – Магогов» следующий: «Во время четвёртого похода Искендер находит в горах народ, который страдает от нашествия дикарей – Гогов и Магогов. Чтобы защитить мирное население от набегов, Искендер строит вал»:

*И, проведая, что лапы любого яджуджа
Опрокинут слонов многомошного Уджа³,*

¹Тимергалиева Лейсан. Классическое изобразительное искусство в арабо-мусульманском мире. – Цитируется по публикации на Интернет-сайте «Islamtoday» (<https://islam-today.ru/obsestvo/kultura/klassiceskoe-izobrazitelnoe-iskusstvo-v-arabo-musulmanskom-mire/>)

² В данной связи следует указать, что изображения живых существ, как ныне признаёт наука, вплоть до IX в. были широко распространены и на Арабском Востоке, подлинники которых, однако, дошли до нас лишь в небольшом количестве. Так, сохранившаяся до наших дней дворцовая, периода Омейядов, баня Кусейр-Амра (нач. VIII в., современная Иордания) украшена разнообразными орнаментальными и сюжетными росписями: на сводах её расположены погрудные портреты, изображения животных и птиц и пр., и в том числе обнаженные человеческие фигуры – так называемые «Юноша в палестре» и «Купальщица на краю бассейна». В свою очередь в Самаррском (Ирак) дворцовом комплексе эпохи Аббасидов сохранились фрагменты росписи с изображениями, условно обозначаемыми как «Охотница» и «Танцовщицы». Этот перечень можно продолжить.

³Удж – мифический великан, царь страны Натан – северо-восточного Заиорданья.

*Царь воздвиг свой железный, невиданный вал,
Чтоб до Судного дня он в веках пребывал...*

Об этой истории упоминается и в другой литературе.

«Русская «Александрия» (особенно в ранней, византийской редакции XVII в.) становится своего рода энциклопедией и одной из самых любимых книг на протяжении средневековья. В ней описываются сказочные страны и народы, чудесные растения и животные, волшебные камни. И сам Александр – сказочный богатырь – очищает землю от всякой скверны и чудовищ, побеждает Гогов и Магогов»¹.

Однажды аравийские иудеи спросили пророка Мохаммеда: «Кто был Зуль-Карнайн?». Мохаммед не ответил иудеям прямо на вопрос их, а рассказал (от имени Божьего) о путешествии Зуль-Карнайна к месту солнечного захода и восхода, а затем к некоему горному ущелью, в котором жили Гог и Магог и были заперты там Зуль-Карнайном; но толкователи Корана определённо говорят, что под именем Зуль-Карнайн подразумевается Искендер, царь Персии и Рума, т.е. Греции. То же утверждает и позднейший мусульманский историк Табари². Существует и другие суждения об Александре Македонском.

Таким образом Низами впрямую отождествляет Александра Великого с кораническим героем – царём-праведником Зуль-Карнайном. Согласно суре «Пещера», именно этот монарх воздвиг неодолимую стену – «садд» между цивилизованным миром и варварскими племенами Яджудж и Маджудж – они же библейские Гог и Магог, – которым суждено пробить в этой заграде брешь лишь накануне Страшного суда. Примечательно, что многие авторитетные исламские авторы древности именовали Зуль-Карнайна «Искендером», а собственно «Зуль-Карнайн» в переводе с арабского означает «двурогий» – эпитет, стойко закрепившийся на Востоке за легендарным македонцем. Ряд исследователей склонны отождествлять названного персонажа с Киром Великим, с еврейским Соломоном и даже с византийским императором Ираклием I. Называются в данной связи также имена Дария, лахмидского правителя аль-Мунзира, йеменского – аль-Акрана (тоже имевшего прозвище «Рогатый») и других.

«Низами, – пишет искусствовед российский Н.Ганина³, – поэт, создавший новый эпический стиль, обычно определяемый как героико-романтический. По сравнению с героической суровостью Фирдоуси... это новый эпос, допускающий лирические отступления, разговорную речь, авторские комментарии и даже иронию. Это эпос высокого Средневековья. ...Это стиль западной (или азербайджанской, или же тебризской) школы персидской поэзии».

Слова эти в полной мере могут быть отнесены и к иконографической низамиане, знаменующую собой вершину искусства ориентальной миниатюры и классические образцы которой созданы были мастерами одной из культурных столиц Древнего Востока – всё того же несравненного Тебриза.

¹ Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада / Сост. Е. В. Косолюбова. - М.: Алетей, 2000 г., стр. 11.

² Н. П. Остроумов. Искандар Зуль-карнайнь. Александръ Македонский. Ташкентъ. Типо-Литография торг. дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1888 г., стр. 8-9.

³ Ганина Наталия. «В равновесье привёл он земные дела...» Низами Гянджеви. Искендер-наме. – Цитируется по публикации на Интернет-сайте «Наша эпоха» (<http://www.nashaepoha.ru/?page=obj36274&lang=1&id=2250>).

Как хотелось мазки класть и класть тонким слоем –
Но срывалась рука, и неслись мысли роем.
Превращались в шипы, громоздились штрихами...
Потерялась душа в жестких линиях рамы.

Пляшет тень на стене, как на нитке каната,
И ложится мотив, словно брызги стаккато.
На картине завис страх над месивом пятен...
Этот замкнутый мир стал почти необъятен.

В занавешенный сон в предвкушении цвета
Пробивается блик смутной краской рассвета.
Рисовала всю ночь – и томится стихами
Неизбывная грусть. Взаперти. Под мазками...

Одиночество

Одиночество –
 в рамах зашторенных окон.
Одиночество –
 мыслей разорванных кокон.
Это полон дом
 гостей странных, непрощенных.
Это ключья чувств,
 комом смяты в пригоршнях.
Неприкаянность –
 сердце надорвано болью.
Воронье кружит,
 ангел так и не встал к изголовью.
Богом брошена –
 там, наверху, нет ответа.
Снегом кашляет
 в тучи одетое небо.
Верно, избранность свыше –
 богооставленность.
Представленья закончено.
 Спущен занавес.....
Словом вскрикнет душа –
 не оборвется.
Жаль, не курю –
 а то б затянулась от Солнца.
Льется ржавчиной
 то, что быть призвано светом.
Мне мала по размеру
 эта ваша планета!..
Тайне причастная,
 приму как пророчество
Царственность дара –
 благодать одиночества.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

НОВОГОДНИЕ ГРЕЗЫ

Грезы

Аппарат включился в точно назначенное время, в час ночи. Послышалось тихое жужжание. В комнате, погруженной в темноту, ярко вспыхнули разноцветные пятна и затанцевали хаотический, бессмысленный танец на стенах и потолке. Вслед за вспышками света полились звуки музыки вперемежку с шумом дождя, криками птиц, ржанием лошадей, завыванием ветра. Безумная круговерть звуков и света продолжалась не более двадцати минут. Затем все стихло. Человек, лежавший посреди комнаты на громадной кровати, оккупировавшей большую часть просторной комнаты, застонал, что-то пробурчал и затих. Он раскинулся на постели и блаженно улыбался.

Машина безмолвствовала, она отдыхала вместе с человеком. Набравшись сил, вновь заработала. Вместо округлых цветковых пятен появились полосы света, в которых цвет переходил из одного оттенка в другой, как в ярких дамских шарфиках. Интенсивность цвета менялась. В конце полосы он из бледного намека на колер становился буйным, воинствующим. Световые полосы сменяли друг друга с той же быстротой, что и пятна. Сопровождение стало другим. Музыка и звуки природы сменялись визгом тормозов, шумом отбойного молотка, визгливыми голосами клаксонов. Среди какофонии шумов современного города диссонансом возник и завис высокий женский голос. Ноты падали одна за другой, не исчезая в шуме, а пронзая наложенные друг на друга звуки. Человек вновь забеспокоился, стал переворачиваться с боку на бок и заплакал навзрыд, так, как плачут только в детстве, всхлипывая и подывая. Все в миг прекратилось так же, как и в первый раз. Человек перестал плакать и застыл, подложив кулачок под голову и свернувшись калачиком.

За громадным зрячим, не занавешенным окном стало светать. Небо из темно-фиолетового становилось серым. Совсем под утро машина включилась в последний раз. Рассеянному естественному свету городского утра сопровождал ритм там-тама, перемежающийся гортанными звуками, более напоминающими клекот орла, чем человеческий голос. Ритм убыстрялся вместе со светлеющим небосводом. В момент, когда человек открыл глаза и оглядел удивленным взглядом комнату, машина выключилась.

Иона потянулся, сделал несколько ленивых движений и обернулся к машине, стоявшей в изголовье кровати. Протянул руку, нежно погладил серебристый бок.

– Ты моя хорошая, верная моя подруга, Кася, Касиопеюшка моя. Как бы я без тебя жил? Сплошной кошмар, подруга. Только войны, конфликты, стихийные бедствия, глобализация. Террор! Террор, сплошной террор, а не жизнь. А ты у меня умница. Какую мне подарила лошадку. Она становится все прекраснее. Боже мой! Я был так счастлив, когда мчался, нет, летел на ней. Она умница, красавица, я даже придумал ей имя. Кася, слышишь меня? По-моему, вполне подходящее имя для бе-

лоснежной кобылы – Снежана. Тебе нравится?

Кассиопея оставалась безжизненным куском металла. Иона совсем проснулся.

– Ах да, извини меня, я забыл, что ты отключена.

Потянулся к пульту, но передумал.

Встал, сделал несколько движений, чтобы размяться. Взглянул на часы и заторопился. Опаздывать было нельзя. Сегодня на утреннем совещании у шефа Иона хотел уговорить начальство на серию статей о новых, совершенно необыкновенных шоу. Он раздумывал над тем, какое имя придумать для спектакля, под впечатлением которого он находился уже несколько дней. Опытный журналист и фотограф Иона в последнее время стал разочаровываться в своем деле. Все для него становилось рутиной. Репортажи с места событий, невероятные приключения, опасные, непредсказуемые интриги волновали его все меньше. Постоянное давление опасности на психику перестало приносить удовольствие, как это было в начале карьеры. Избегнутая опасность не казалось более успешно сданным экзаменом и не являлась сертификатом на мужественность. Иона устал от своей работы, от себя. Отказался от последнего предложения шефа – поехать в Афганистан и рассказать о том, какая там обстановка: не бродит ли где поблизости Усама Бен Ладен? Или вдруг Ионе удастся взять интервью у той зеленоглазой афганки? Ее фото красовалось на обложке одного из самых престижных парижских журналов. Картинка обошла весь мир и пополнила ряды солдат-контрактников, у которых родилась надежда встретиться вот с такой – красивой и неиспорченной западной цивилизацией женщиной.

У Ионы появилась новая игрушка, гораздо более интересная, чем все старые, хорошо испытанные средства для того, чтобы опустошить перегруженное сознание и получить иллюзию того, что ты свободен от всего, что окружало тебя до этой минуты. Он купил себе подругу, мечту. Подругу звали Кассиопея. Робот последнего поколения, способный управлять снами. Иона совершенно погрузился в фантастический мир своих сновидений и даже подумывал о том, чтобы уйти из редакции и некоторое время пожить в раю снов с верной Кассиопеей. Подруга была удобна в обращении, безо всяких капризов и ни разу не вышла из строя. Она послушно выполняла все заказы Ионы. Любимая его греза о белой кобыле, на которой он мчался по небесному мерцающему пути, с каждым разом становилась все совершеннее. Ощущение полета, полноты жизни и искрящаяся радость, переполнявшая его, не могли надоесть, и Иона искренне ценил и любил подругу, доставляющую ему столько удовольствий. Перед тем, как окончательно принять решение, Иона задумал написать несколько статей. Прогуливаясь по значным местам, он случайно зашел в художественную галерею, в которой не был очень давно. Попал он в нее просто потому, что она оказалась у него на пути между двумя пивнушками. То, что он увидел в галерее, побудило его прийти на утреннее рабочее совещание в редакции.

* * *

Редакционный совет собирался по четвергам. Обстановка самая что ни на есть творческая: дым столбом, на большом столе хаос из бумаг, вокруг на разномастных стульях живописные коллеги Ионы. Редактор отсутствовал, и на его месте сидел заместитель – маленький изможденный человек с громадным морщинистым лбом. Он беспрестанно хмурился, выслушивая журналистов, и становилось заметным, какой это большой труд – управлять группой свободолюбивых творческих личностей. Захария, так звали замредактора, пытался время от времени вернуть обсуждение в нуж-

ное русло. Иона попросил слова, и Захария тут же откликнулся:

– Наконец, дорогой Иона, мы дождались! Неужели ты восстал ото сна? – не удержался от шпильки Захария.

– Если вы собираетесь говорить мне гадости, то мне лучше сразу встать и уйти!

– А что я такого сказал? Наоборот, я подчеркнул, что ты наш дорогой, и мы рады, что ты вернулся к нам после своих ночных загулов, так сказать...

Захария хихикнул и замолк, наткнувшись на суровый взгляд Ионы.

Иона перехватил инициативу, не желая ссориться:

– Ну да, ну да. Короче, что я хочу сказать. Я вчера наткнулся на нечто новое в нашем старом, разваливающемся мире. Если мне удастся рассказать то, что я почувствовал, то я помирюсь со своей профессией журналиста. И перестану думать о том, что мой труд похож на труд кухарки: съел и забыл.

Захария собрал морщинами лоб:

– Какие у тебя тяжелые, парадоксальные мысли, похожи на твои последние фото. Я хорошо помню один из последних снимков. Не мог избавиться от наваждения. Помнишь тот снимок? Открытая дверь на балкон, а на пороге в нелепой позе мертвый солдат. Струйка крови на паркете в солнечном пятне.

– Хороший, профессиональный снимок, – вмешалась в разговор женщина, курящая одну сигарету за другой. Густая шапка блестящих кудрявых каштановых волос почти скрывала ее глаза. – Почему он вас так шокировал, я не понимаю. И вообще, я заметила, что Иону в последнее время недооценивают.

– Кто недооценивает? Я? – зам редактора задохнулся от возмущения. – Я всегда предлагаю ему самые перспективные темы. Сейчас, например. Что больше всего волнует людей? Конечно, террор! Каждый волнуется прежде всего за себя. Не правда? Скажете, что вас лично волнуют судьбы человечества?! Скажите, я поверю, старый доверчивый Захария поверит во все, что ему расскажут журналисты! А я предложил Ионе поехать в Афганистан! Там на каждом шагу тайны, спрятанные под слоем песка.

– А где же там террор? Вы что-то путаете, Захария. В Афганистане – наркотики, а в Ираке – террор. Зачем завязывать все на сиюминутный сюжет? Я предлагаю Буркина-Фасо!

– Вам, Амина, я могу предложить съездить туда. А почему бы и нет? – Захария ехидно улыбнулся.

– Спросите меня, по какой причине я предложила именно Буркина-Фасо, вам не интересно?

– Интересно, очень, но не сейчас.

– Я знаю, – Иона поднял глаза на Амину, – я знаю, о чем ты говоришь. Я видел эти снимки, только вчера. Стая безумных людей, которых гонят из города совсем как стаю бешеных собак. Они потеряли разум. Естественная реакция организма на страшную, кошмарную жизнь. Какой-то саммит проходил в Уагадугу, в столице, власти и решили навести порядок. Вывести из города всех больных, беспризорных, увечных. Чтобы не портить настроения гостям. Я читал что-то похожее у Чехова, кажется, «Палата №6». Веселенькая вещь, что и говорить.

– Только это не вымысел, это правда на этот раз. Да, именно так все и было, – протянула задумчиво Амина, – могу себе представить... Только вчера по пути в редакцию я наткнулась на беззубого старика, который с таким наслаждением, я бы сказала самозабвенно, поглощал гамбургер, что я невольно остановилась посреди

шумной улицы. Только когда меня пару раз толкнули, я очнулась и пошла дальше. Странные мысли пришли мне в голову. Я подумала: вот этот нищий беззубый старик почти счастлив, пока он ест. А потом... потом он опять станет глубоко несчастным, голодным и, может, даже замерзнет. Или его заберут куда подальше, чтобы он не напоминал счастливым гражданам о несчастьях, которые могут обрушиться на любого из нас.

– Теперь вы понимаете, почему мне так надоело заниматься нашим современным миром! – поднял голос Иона. – Потому что я не удивлюсь сегодня никакому новому кошмару. Может, я даже глазом не моргну. Я зачерствел! Я боюсь стать одним из безумцев, которых уже предостаточно не только в Буркина-Фасо, но и у нас, в благополучной Европе. Я хочу предложить людям отвлечься от кошмаров.

– Ты собираешься заняться рекламой роботов, программирующих сны? Я правильно тебя понял? – Захария, не мигая, смотрел на Иону. – Ты считаешь, что именно таким образом можно облагодетельствовать людей?

– Нет, – замялся Иона, – не совсем. Все не так просто, как вы хотите представить. Дайте мне сказать, наконец. Сегодня я попал в галерею, где увидел нечто необыкновенное.

– Знаем мы это необыкновенное, какая-нибудь инсталляция из консервных ржавых банок, – вмешалась Амина.

Иона поморщился, как от зубной боли, но все же продолжил:

– Нет, совсем другое. Экспозиция была посвящена танцу. Современному танцу. Там были костюмы, афиши XX и даже XIX веков, но меня поразило не это. Они устроили там что-то вроде сеанса игры. Вроде компьютерной игры, понимаете?

– И что же в этом удивительного? Банально, если не сказать – пошло, – темнокожий парень, не проронивший ни слова во время рассказа об Африке, выливал скопившееся раздражение.

– Я же не сказал, что это компьютерная игра, я сказал – вроде того. Вроде! Понимаете? Когда я зашел в этот полутемный зал, я остолбенел. В центре зала парила балерина в прозрачных одеждах. Она делала невероятные вещи. Словом, восторг! Но самое главное – она была как живая, не на экране, а в зале. Впечатление было совершенно удивительным. И еще я не сказал, что она была управляема. В углу зала стоял небольшой пульт, а на нем устройство, напоминающее компьютерную мышь. Этой штукой можно было заставить балерину делать все, что тебе захочется. Те движения, которые тебя больше всего порадуют. А если ждешь от нее инициативы, пожалуйста, она сама будет двигаться, на автопилоте. Понимаете?

– Как не понять! Это же такое удовольствие, – у Захарии разгладилась морщина на лбу.

– Только один прокол. В самом начале, когда я ее только увидел, мне очень захотелось подойти к ней поближе, но ничего не получилось.

– Что это значит? – с интересом спросил темнокожий парень.

– Это значит, что как только я подошел к ней на расстояние вытянутой руки, она отдалилась от меня точно на такое же расстояние. Словом, она была неуловима, понимаете? Ты думаешь, что вот сейчас получишь то, что желаешь, а нет! Сильфида делает одно воздушное па и отдаляется от тебя.

– Интересно, Иона, что ты в этот момент почувствовал, когда понял, что тебе ее не поймать, – Амина заинтересованно смотрела на Иону.

Он задумался, пытаясь вспомнить свои переживания. Ощущения были сродни

тем, что он испытывал в обычном сне, когда кажется, что еще чуть-чуть, и ты поймешь, догонишь, выплывешь... И этого чуть-чуть всегда недостает. Иона так любил свою Кассиопею именно потому, что в снах, подаренных машиной, чаще всего удавалось достигнуть того, чего желал. А танцовщицу можно было сравнить с грезой. Такая послушная, гибкая, неземная – и такая неуловимая. Ему пришло в голову, что именно эта удивительная смесь послушания и неуловимости привела его в экстаз. Он вспомнил свою эйфорию от виртуального общения с танцовщицей.

– Да, – протянул Захария, – если это и в самом деле так здорово, как ты, Иона, расписываешь, то теперь понятно, почему ты не хочешь ехать в Афганистан. Ты в своем ампула, опять сны, только здесь немного другой аспект, я бы сказал – грезы наяву.

– Прекрасное название для статьи, – воодушевился Иона, – столько людей можно сделать счастливыми! И без всякого вреда для здоровья! Замечательно!

– Хорошо, уговорил, валяй! Посмотрим, что из этого выйдет.

Совет, поговорив немного о редакционных заботах, разошелся.

* * *

Для лучшего проникновения в тему Иона решил посетить необыкновенную выставку еще раз. Зайдя в полутемный зал, он внимательно огляделся вокруг. На этот раз ему не повезло, он был не один. Несколько человек застыли в глубине зала. Высокий мужчина в строгом костюме стоял у пульта. Балерина, как и в первый раз, порхала в центре зала. Внезапно она стала таять и растворилась совсем. Из мерцающего света сгустилась и обрела форму новая танцовщица. Она ничуть не походила на исчезнувшую нимфу. Ярко накрашенная, упитанная восточная танцовщица стояла посреди зала. Она была одета, а вернее, раздета для танца живота и увешана большим количеством звенящих украшений. Ее гибкий стан обвивала громадная змея, переливающаяся всеми цветами радуги. Женщина покачивала бедрами, змея в такт ее движениям раскачивала плоской головой. Мужчина у пульта нажал на кнопку, и змея обвила шею танцовщицы. У женщины, находящейся в зале, вырвался стон. Танцовщица улыбалась, делала плавные волнообразные движения руками. Змея разомкнула страшную петлю и поползла по волнующейся руке. Иона заворожено смотрел на женщину. Движения ее убыстрялись, попадая в такт с ускоряющейся музыкой. Змея высунула раздвоенный длинный язычок и зашипела. Улыбка женщины стала еще шире, глаза наполнились истомой. Она скользнула рукой по змее и что-то прошептала. Змея, как будто услышав то, о чем просила женщина, обвила живой спиралью все тело извивающейся танцовщицы. Голова змеи застыла вровень с нежной шеей женщины. Люди в зале напоминали манекены и намного больше походили на экспонаты выставки, чем полные жизни персонажи, разыгрывающие античную трагедию в центре зала. Змея шипела все громче, женщина извивалась все быстрее. Иона догадался, какой финал приготовил для них человек в углу зала, манипулирующий кнопками, и все же попытался, как он всегда делал в экстремальных ситуациях, нарушить ход событий. Сделав несколько быстрых шагов в сторону танцовщицы, он протянул руку, зная уже по опыту, что женщина отпрянет. Так и случилось. Танцовщица вместе с застывшей змеей отошла в глубь зала, в сторону человека у пульта. Иона не мог объяснить себе мотивов своего поведения. Почему ему так важно не допустить смертельного поцелуя женщины со змеей? Однако он упорно двигался вперед, и когда танцовщица подошла на определенное расстояние к человеку, вызвавшему ее из не-

бытия и управлявшему ее смертельным танцем, греза исчезла, растворившись в воздухе. Мужчина у пульта подбежал к Ионе и взял его за грудки:

– Что вы себе позволяете? Кто дал вам право? Это была моя танцовщица! Моя! Она целиком и полностью зависела от моей воли! Я купил себе два часа счастья! Я мог распоряжаться ею по своему усмотрению! А вы кто? Вы не знакомы с условиями аттракциона? Я отвалил кучу денег, чтобы получить удовольствие. Я пригласил сюда своих друзей, чтобы показать им, что такое настоящий кейф! Я наслаждался этим танцем в Каире, я восхищался лучшими восточными танцовщицами. И я захотел показать, как, вероятно, мог закончиться танец в древности, когда он только возник. Вы испортили мне всю радость. Вы ответите мне за это! – импозантный мужчина брызгал слюной, размахивал руками.

– Послушайте, почему вы так разбушевались, я такой же посетитель галереи, как и вы. У меня точно такие же права, как у любого, кто пришел сюда. Не понимаю, почему вы называете это аттракционом! Это художественная галерея. И я уже был здесь и кое-что видел.

– Генри, – в спор вмешалась единственная не призрачная женщина, находившаяся в зале, – господин, видимо, был на бесплатном пробном показе. В течение недели все желающие могли видеть шоу, не заплатив ни гроша.

– Знаю, знаю, – раздраженно проворчал Генри, – не напоминай мне! Я знаю, что принадлежу к тем, кто за все должен платить немалую цену.

Женщина опустила глаза и прибавила:

– Не всегда. Иногда тебе достается в подарок то, что другой не может купить ни за какие деньги.

Женщина с вызовом смотрела на разъяренного Генри.

– Я полагаю, ты хотел преподать нам урок, в частности, мне? Ты хотел показать, что женщина – всего лишь игрушка в руках господина. И если он пожелает, если это доставит ему наслаждение, то она должна умереть с улыбкой на губах. Я правильно истолковала твоё желание привести меня сюда во чтобы то ни стало? Я как чувствовала! Мне так не хотелось идти! Но ведь ты всегда добиваешься своего, у тебя бульдожья хватка, Генри.

– Когда-то тебя это привлекало во мне. И потом, зачем делать из себя жертву, ты достаточно сильна и независима. И самое ужасное, что провидение, рок всегда на твоей стороне. Звучит пошло, но как иначе объяснить то, что произошло не далее, как сегодня. И так всегда, всегда, – ожесточенно произнес Генри.

Остальные зрители этого неудавшегося спектакля исчезли незаметно, почти так же, как виртуальные персонажи шоу.

Иона, виновник перепалки, о котором все забыли на какое-то время, внимательно слушал возбужденную пару. Он не решил для себя, чьи доводы ему ближе, хотя несколько минут назад он самым решительным образом прервал смертельный танец восточной танцовщицы. Он невольно вспомнил свой недавний восторг, воздушную послушную нимфу и проникся жалостью к раздраженному Генри.

– А вы, господин, довольны результатом? Вы не только лишили меня удовольствия, но сделали все возможное, чтобы поссорить меня с женой, – Генри, исчерпав все аргументы в споре с женщиной, срывал злость на Ионе.

– Вы меня переоцениваете. Я никак не мог повлиять на ваши личные отношения. Я поступил как всякий нормальный мужчина. Мне захотелось спасти женщину, пусть даже виртуальную, – Иона улыбался, стараясь разрядить обстановку.

– Ах, какой благородный рыцарь! Какой душевный человек! Я сейчас разрыдаюсь!

Женщина подошла к Генри.

– Пошли, ты можешь мучить меня, но не стоит пить кровь у этого господина, у которого, в отличие от тебя, вполне нормальная реакция.

Генри продолжал ворчать и, тем не менее, двинулся по направлению к двери вслед за кипевшей возмущением супругой. На пороге женщина обернулась и чуть заметно кивнула Ионе.

Иона в задумчивости смотрел на мерцающий туман, заполнивший середину зала, ожидая, что из него выплывет новый персонаж, но так и не дождался. Бесплатные показы, вероятно, закончились, и теперь, чтобы иметь возможность пообщаться с приглянувшимся образом, нужно было платить.

* * *

Выйдя на пустынную улицу, Иона зашел в ближайший бар. Устроившись на высоком табурете с кружкой пива, он обдумывал свою обещанную статью. Его альтруистское стремление всех желающих сделать счастливыми, наделив их управляемой мечтой, потерпело крах. Как любая, более или менее интересная игрушка, и эта стоила денег, и, судя по реакции Генри, немалых. «Статью – одну, не больше, – написать, конечно, можно, – думал он. – Тем более, что подвернулась история с Генри. Еще тот типаж. Бедняжка его жена. Интересно, где она находилась, пока он проводил свои сравнительные исследования танцев в Каире. Сидела в гостинице? Нет, пожалуй, я не буду их вмешивать в рассказ о спектакле. Удовлетворюсь простым описанием фактов, вернее, призраков. А сам вернусь к старой, испытанной Кассиопее. Сегодня закажу себе сон с той самой балериной. Попрошу Кассиопею, чтобы девушка не только парила в воздухе, но произнесла хотя бы одно слово. Мне очень захотелось услышать ее голос. Кажется, если я услышу, как она говорит, я смогу найти хоть отдаленно похожую на нее земную женщину», – поймав себя на последней мысли, Иона сделал недовольную гримасу. С земными женщинами у него всегда было столько проблем, что он совершенно от них отказался в последний период своей жизни, успешно заменив их одной верной подругой Кассиопеей.

Свое желание: увидеть и услышать понравившуюся балерину Иона осуществил той же ночью. Он подробно объяснил Кассиопее, какую ему хочется увидеть во сне женщину, и услышал в ответ привычный механический голос подруги:

– Слушаюсь, господин.

Ионе показалось, что на этот раз голос робота звучал живее, чем обычно. Вероятно, ему только почудилась новая интонация в голосе Кассиопеи. Она от рождения не была болтлива. Владела ограниченным лексиконом, впрочем, вполне достаточным, чтобы поддерживать светскую беседу. И что очень устраивало Иону, она никоим образом не выражала своего отношения к его желаниям.

Иона погрузился в сон, совсем как изнуренный жарой пловец погружается в прохладные глубины океана. Во сне он сидел в удобном кресле в затемненной зале, и перед ним порхала та самая желанная танцовщица. Она сбросила прозрачные одежды по взмаху руки Ионы и медленно приближалась к креслу. Иона не просто чувствовал, он знал определенно по всем своим прежним снам, подаренным машиной, что женщина не сможет ускользнуть от него; что на этот раз он сможет прикоснуться к ней и даже услышит ее голос. Танцовщица подошла к Ионе совсем близко.

Он встал и с легкостью обхватил ладонями осиную талию. Вместо нежной плоти он вдруг почувствовал, что сжимает руками полированную поверхность дерева. Иона изумленно посмотрел на танцовщицу и увидел, как женщина превращается в громадную скрипку, черную, как сажа. Ладони Ионы разжались, он со страхом отпрянул от невиданной скрипки. Инструмент закрутился на месте волчком. Струны задрожали и запели неведомую земному слуху мелодию. Покружившись на месте, скрипка взмыла вверх, увлекая за собой в потоке бурлящего воздуха сопротивляющегося Иону. Измученного, совершенно разбитого, его швырнуло оземь, и Иона проснулся. Он чувствовал себя не просто несчастным, у него появилось четкое осознание своего ничтожества и бессилия. Некоторое время он привыкал к рассеянному свету в комнате, где в углу, как всегда, поблескивала холодным металлом Кассиопея. Иона со страхом посмотрел на робота, этой ночью так ярко заявившему о своей индивидуальности. Машина не просто не выполнила его приказаний, она взбунтовалась.

Кася наказала Иону. Вместо восхитительного эротического сна, заказанного Ионой, он получил посредственный триллер с американским назидательным концом. Иона недоумевал. Он и раньше заказывал эротические сны. И всегда все происходило так, как это возможно лишь во сне. Правда, он никогда не останавливался подробно на точных параметрах партнерши. Иона полагался на вкус Кассиопеи и до этого случая ни разу не пожалел об этом. Постигшее его разочарование заставило Иону поновому взглянуть на Кассиопею. Робот был отключен, как обычно. Иона включил машину. Произошел сбой, машина не включалась. Ионы вздохнул с облегчением. «Видимо, она испортилась, моя Кася, поэтому и приключилось такое безобразие».

Приняв душ и выпив большую чашку крепкого кофе, Иона настроился на работу. Сидя перед компьютером, он вдруг услышал щелчок, свидетельствующий о том, что робот включился. Еще через мгновение раздался невыразительный голос Кассиопеи:

– Слушаюсь, господин.

– Я тебя не включал. Почему ты безобразничаешь? Как ты могла так испортить мне желанный сон? Я сдам тебя в твою фирму, понимаешь? Срок гарантии еще не истек. И посмотрим, как там будут с тобой обращаться. Я думаю, они разберут тебя на запчасти! Вот чего ты добилась своим тупым упрямством! Я не понимаю, чем тебе не угодила эта танцовщица? Какая тебя муха укусила? Положим, на мух тебе плевать, ты же железная! Тогда объясни, если в состоянии хоть что-нибудь объяснять!.

– Слушаюсь, господин, – в голосе Каси явственно слышалась грусть.

– Не понимаю, чем ты недовольна? – Иона кружил вокруг Кассиопеи.

– Я всем довольна. Я слушаюсь господина.

– Я надеюсь, что такое больше не повторится. Касинька, я могу тебе доверять?

– Иона положил руку на корпус машины и прислушался к мерному жужжанию работающего робота.

– Не повторится, – эхом отозвалась Кассиопея.

* * *

У Ионы была назначена встреча с Аминой. Он часто обсуждал с ней свои статьи и фотографии по той простой причине, что не чувствовал в ней конкурента; Амина занималась обзорами литературы, рецензиями, и бурно текущая реальность доходила до нее лишь в опосредованном виде. И к тому же Иона всегда был уверен в ее объективности. Амина немного опоздала, как полагается всякой уважающей себя

женщине. Она вошла уверенной, легкой походкой, огляделась, близоруко щурясь через затемненные очки, и у стойки бара заметила энергично кивавшего ей Иону. Устроившись поудобнее на высоком стуле, она своей живописной цыганской внешностью, множеством звенящих браслетов, ярко-оранжевым, украшенным бисером свитером завладела вниманием окружающей нейтральной и пресной публики. Разговоры вокруг них почти прекратились. Манеры Амины выдавали ее экспансивность, как и ее одежда. В разговоре она жестикулировала и время от времени вскрикивала, если что-либо уж очень поражало ее воображение. Сегодня она настроилась на Иону. Амина умела и любила слушать интересных собеседников, а Иона казался ей одним из них.

– Расскажи мне, что такое ты хочешь получить и узнать о жизни, чего ты еще не знаешь после стольких лет блужданий по миру? Твоя идея найти безопасный источник, я бы сказала, эликсир счастья, и забыть горести, очень привлекательна, но иногда она мне кажется безумной. – Амина зазвенела браслетами, отпила глоток неразбавленного виски и продолжила. – Самая удивительная категория, не поддающаяся никакому анализу, а, следовательно, не имеющая никаких закономерностей – это категория счастья.

Иона поднял глаза вверх, задумавшись над тем, что сказала Амина. Он не задавал себе подобного вопроса ни когда купил робота последнего поколения, программирующего сны, ни когда принял решение написать статью о новых невероятных шоу.

– А все остальные понятия, такие, как любовь, измена, дружба имеют строгие рамки, подчиняются законам? – Иона покрутил в руках бокал, его захлестнули мысли, прежде посещавшие его, но так и оставшиеся неоформленными, не облеченными в словесную оболочку, он говорил громко, совсем, как Амина,

– Я обозвала счастье категорией, чтобы говорить с тобой на одном языке, тебе же всегда хочется упорядочить, классифицировать любое событие. Я же помню твои статьи. О чем бы ты ни писал, ты обязательно будешь ссылаться на какой-нибудь аналогичный случай в истории. Мне кажется, ты боишься, что мысль твоя будет выглядеть слишком легковесной без ссылки на авторитет, – Амина подперла кулачком щеку и неотрывно смотрела на Иону

– Не тебе об этом говорить. Твои материалы так и пестрят цитатами и именами. Не будем пререкаться. – Иона вздохнул. – Я попробую объяснить свои представления, не ссылаясь на авторитеты, как ты сейчас заявила. Постараюсь быть кратким и понятным

– Конечно, чтобы я что-то поняла, надо объяснять попроще, – Амина не удержалась от реплики

– Возьми, к примеру, два, нет, даже три понятия: время, свобода, деньги. Ты когда-нибудь думала о том, что на графике координат у категории времени нет отрицательной функции, только положительная. Чтобы ни говорили и ни придумывали про машину времени, все это бредни: время движется только вперед и никогда, слышишь, никогда не возвращается назад. То есть время всегда со знаком плюс. Смешно, правда? Положительная функция вроде хорошо, ну, как положительный человек, – Иона покачал головой, вздохнул, – а в случае со временем не так, чтобы очень. Хочется иногда вернуться и сделать иначе, исправить, что ли.

Амина засмеялась:

– Так же, как и с положительными людьми. Иногда они бывают ужас какими

нудными. Со временем мы разобрались. Что и говорить, изящно у тебе получилось. А два других понятия, всегда привлекавших людей: свобода и деньги? Какое ты к ним применишь правило, выстроишь график, интересно. Удивительно, как мужчины любят находить причины и следствия. Им кажется, что если они все объяснят, уложат в схему, то некоторым образом смогут управлять ситуацией.

– А что, разве не так? По крайней мере, нет такого сумбура и метаний, как у вас, у женщин. Никогда не знаешь, что может выкинуть любая из вас, даже самая благоразумная. Мы отвлеклись, – Иона, заметив вытянутую в их сторону шею сидевшего за соседним столиком мужчины, понизил голос. – Свобода и деньги. Тут мы имеем дело с изменяющейся пропорцией. Совершенно очевидная прямо пропорциональная зависимость на глазах у изумленной публики превращается в обратно пропорциональную.

– Это как? – в глазах у Амины читался неподдельный интерес

– А так. Сначала все ясно: чем больше денег, тем больше свободы. Правильно? Прямо пропорциональная зависимость. И вдруг – бац! На определенном уровне все наоборот – еще больше денег и все меньше свободы! Вот так! Думаешь, что обманул богов! Не тут-то было, обманул сам, опять попал в сети грез! Видишь, я не могу избавиться от своей навязчивой идеи.

– Если продолжить твои размышления, то, вероятно, эта зависимость на очень высоком уровне денежной массы опять станет прямой?

– Может быть, может быть...

– А что касается счастья, ты только подтвердил мое представление о нем, как о чем-то, не поддающемся определению. Счастье – как отпечатки пальцев, неповторимо. Пусть умники твердят, что есть составляющие ингредиенты рецепта для приготовления счастья: немного любви, много здоровья и денег и, пожалуй, все, рецепт готов. Это не так. Я знаю по себе, – Амина залпом допила бокал и закашлялась.

– Знаешь по себе? – Иона остановил свой взгляд на Амине, будто впервые увидев ее. – Ты не расскажешь случаем о своем представлении счастья? Интересно, что думает такая независимая, эмансипированная особа, как ты, Амина

– Тебе в самом деле интересно? – Амина повернула голову, сняла очки.

– А почему ты вдруг засомневалась? – Иона с удивлением обнаружил, что у Амины какие-то беззащитные глаза, совершенно не соответствующие ее облику успешной деловой женщины.

– Уже давно мне казалось, что тебя ничто не интересует, кроме твоих ощущений, и вообще – твоей уникальной, неповторимой личности. Твои статьи и снимки очень профессиональны, спору нет. Но в последнее время у меня появилось чувство, что ты любишь своим умением. Твои снимки, к примеру. Мне хотелось тебе сказать, но как-то не решалась. Слишком большой профессионализм заслоняет реальность, – Амина запнулась, пытаясь яснее высказаться, – правду, что ли. Когда ты умело выбираешь ракурс, чтобы снять истощенного голодного ребенка, то иногда те, кто смотрит на фото, прежде всего видят классного фотографа, а потом уже голодного ребенка, и то не все. Ты понимаешь, что я имею в виду? – она доброжелательно смотрела на Иону.

Иона разозлился. Ему хотелось сказать в ответ много такого, что он замечал уже давно, но не высказывал в отношении Амины. Не из-за чрезмерной деликатности, а из-за лени, не хотелось вступать в полемику и, в целом, было плевать, какие там у нее недостатки. Амина почувствовала, напряглась:

– Извини, если я наговорила лишнего. Это по дружбе. Я надеюсь, не слишком обидела тебя.

Иона через силу улыбнулся:

– А себе ты представляешься совершенно идеальной. Ты точно знаешь, где та неуловимая грань между профессионализмом и дилетантством, необходимая и в жизни, и в профессии? Да? Ты такая вся из себя разумная? Поэтому занимаешься черт знает чем! Критикой несчастных, попавших тебе на крючок графоманских опусов. Не помню, чья это цитата, но она совершенно созвучна с моими представлениями о критике. Человека, занимающегося разбором чужого труда, можно сравнить с евнухом. Он точно знает, что и как, но, увы, знание его сугубо теоретическое. В практике, как ты понимаешь, он не силен. Может быть, я, как и все, кто что-то делает или пытается сделать, не совершенен. Но ты, ты...

Амина вскочила с места. Щеки ее пылали, глаза сверкали. Она походила на фурию:

– Ты сказал, что хотел. Я поняла тебя! Стерильна! Не способна ни на что! Посмотрим, Иона! – Амина случайно задела и опрокинула бокал, залив скатерть и свою юбку, и, звеня браслетами громче обычного, стремительно выбежала из бара.

Иона еще некоторое время сидел в оцепенении. Голоса вокруг него зазвучали с новой силой. Нельзя сказать, что Амина открыла для него Америку, заявив, что круг его интересов сузился до предела, а точнее, ограничился лишь его собственной драгоценной особой. Он прекрасно знал и не раз убеждался, что самой волнующей темой для него могут быть лишь события, имеющие непосредственное отношение к нему самому. Наверное, Амина и в самом деле не хотела его обидеть. Но зачем она переходит на личности? С женщинами всегда одно и то же. Нет у них абстрактного мышления. Слишком приземлены. И потом. Он, Иона, не собирался оправдываться или извиняться. Такой вот он замечательный профессионал и себялюбец! Вероятно, в течение ближайшего месяца, а может, и двух, он устроит себе пиршество для души: будет спать большую часть времени и грезить. Попробует чередовать заказанные сны с настоящими. Одну ночь сон заказной, для удовольствия, без чрезмерных импровизаций, другую ночь он решил оставить на волю провидения. Ему показалось интересным понаблюдать, насколько реальные сны будут отличаться от его грез.

* * *

Вернувшись домой, Иона первым делом позвонил в редакцию Захарии. Отчаявшись получить ответ, Иона вдруг услышал в трубке знакомый, чуть хрипловатый голос замредактора.

– Слушаю.

– Это Иона, я не буду писать статью, я хочу взять отпуск и прошу вас, Захария, не отказывать мне! Отпустите меня.

– Послушайте, Иона, вы удивляете меня, но я не хочу терять такого работника, и мне не остается ничего другого, как согласиться. Читайте, что вы в отпуске, и он у вас закончится, когда вы соизволите объявиться, – Захария в сердцах бросил трубку.

Иона отключил телефон, не желая отвлекаться на внешний мир. Поговорил с Кассиопеей, желая еще раз убедиться в том, что она не будет капризничать, а точно выполнит его заказ. Голос Кассиопеи утратил появившиеся оттенки человеческих эмоций. Иона успокоился. Он уверился в том, что все будет именно так, как он захо-

чет. Перед сном Иона залез в горячую ванну, в которую насыпал ароматической соли. Совершенно подготовившись для встречи со своей сильфидой, он растянулся на огромной кровати и включил Кассиопею. Девушка возникла из мерцающего тумана, точно такая же, какую он видел в галерее. Она делала движения, невысказанные для живой женщины. Она изгибалась, как резиновая, во все стороны, с чарующей улыбкой на устах. Она взмывала ввысь и приземлялась с каждым разом все ближе к Ионе. Очередной взлет – и вот она приземляется в объятия Ионы. Он крепко сжимает воздушное, невесомое тело, наклоняется, чтобы поцеловать нежные губки, и вдруг с ужасом обнаруживает, что его прелестница – всего-навсего каучуковая разновидность Кассиопеи. Те же безжизненные глаза и грубые черты. Женщина раскрывает рот, и Иона обречено слышит знакомый и неприятный голос робота:

– Слушаюсь господин.

Иона разлепил веки. За окном чернильная темнота и луч прожектора, установленного прямо посреди небольшой площади. Раньше на месте прожектора был цветник, и стояло большое развесистое дерево, оживляя сугубо городской пейзаж. Последний градоначальник выступал против архитектурных излишеств, в том числе и против ненужных, по его мнению, украшений в виде цветников и деревьев. Все должно быть рационально. Цветник заасфальтировали. Дерево срубили, а на его месте водрузили прожектор, как можно более подходящий урбанистскому стилю площади. Иона в первое время скучал по дереву. А потом привык: голая площадь с уродливым столбом прожектора не отвлекала его от работы, а позднее, когда и работа перестала его интересовать, от волнующих грез.

Кассиопея деловито жужжала и вдруг совершенно ясно произнесла:

– Зря проснулся.

Иона изумленно воззрился на Кассиопею. Он не верил своим ушам. Какой-то робот, пусть даже последнего поколения, будет давать ему советы? Учить жить? Как дошел он до жизни такой? Он, Иона, всегда сторонившийся всякого рода советчиков, которых он терпеть не мог?! Он и сам почти никогда не давал советов. Считал это пустым делом.

– Не слышишь, господин? Зря проснулся. Я тебя немного знаю, тебе бы понравилось!

Иона рывком поднялся, подскочил к машине и грубо выдернул шнур из розетки. Заглянул в подсобку. Вытащил оттуда большой картонный ящик и запихнул в него недвижимое тело Кассиопеи. С нетерпением дождался утра. Вызвать такси, чтобы отвезти взбунтовавшегося робота в фирму, где он в свое время его купил, оказалось проще, чем он себе воображал.

Ионе повезло: таксист оказался молчуном. За время пути Иона с горечью вспоминал радужные надежды, которые переполняли его, когда он только купил робота. Кто мог знать, что машина окажется с дефектом? С ним всегда случаются казусы. Всегда. Так же и с женщинами. То, что у других получается играючи, у него всегда заканчивается крахом. Последнее подтверждение тому – Амина. Слабак! Вот где собака зарыта! Он слаб, он всегда уступит. Это чувствуют все, даже проклятая машина! Иона в сердцах пнул безответную грудку железа.

В фирме маленький человек в толстых очках оценивающим взглядом окинул Иону. Долгое время работы в фирме превратили посредственного программиста в отличнейшего психолога. Общась с клиентами каждый день, человечек произвел их классификацию и с первого взгляда мог определить, к какому подвиду относится тот

или иной клиент. Нужно ли при встрече с ним мгновенно выполнять поручение клиента, исправлять дефекты, писать для него новую замысловатую программу, либо можно отмахнуться от него, как от назойливой мухи. Можно позволить себе зевнуть, похлопать бедолагу по плечу, рассказать непристойный анекдот, отправить его во свояси и посоветовать прийти завтра. Этот подвид клиентов можно «кормить завтраками», т.е. обещать сделать все завтра, в течение года. И ничего. А потом, когда срок гарантии истечет, можно на этого клиента вообще не обращать внимания, как на неодушевленный предмет. Это сойдет с рук. Иона после визуальной оценки занял место во второй категории клиентов. Человек зевнул, похлопал Иону по плечу и дружелюбно произнес:

– Приходите завтра.

Иона презрительно посмотрел на человечка сверху вниз, еще раз пнул коробку и прорычал:

– Подавись.

Выходя, Иона хлопнул дверью так, что посыпалась штукатурка, и проснулись сотрудники, мирно дремавшие после недавнего обеда. Человек потер лоб в задумчивости: пора было вносить коррективы в классификацию клиентов.

* * *

В душе у Ионы бушевал пожар. Не получалось у него укрыться в башне из словенной кости и оттуда сверху взирать на жизнь суетливых несовершенных людишек. За что бы они, то есть люди, не брались, они должны довести идею до абсурда. Ионе так хотелось хоть на непродолжительное время отвлечься от людского сообщества, не участвовать в бурной деятельности, которая всегда казалась ему бессмысленной, а теперь даже вредоносной. Он кружил в узких улочках, паутиной окутавших все подступы к редакции. Его одолевали странные мысли. Он вспомнил, скольких никчемных людей он встретил за время своей журналистской карьеры. Наркоманов, алкоголиков, сектантов. Ему пришло в голову, что у него с ними очень много общего. Так же, как и он, эти люди, вероятно, страдали от всего, что происходит на Земле, и таким образом защищали свое «я». Берегли свое духовное пространство. Жили или старались жить в «веселом, добром» мире. И в кого эти несчастные вырождались? В идиотов, неспособных позаботиться о себе. Неужели и его ждет та же участь?! Незаметно для себя Иона подошел к дверям редакции, помедлил и все-таки решился. Поднимаясь по ступенькам старой щербатой лестницы, он думал о том, как встретит его Захария. Несмотря на то, что в этот день не было редакционного совета, комната была набита людьми. Иона с удивлением смотрел на незнакомцев, размахивавших руками и что-то оживленно обсуждавших. Захария сидел на своем месте, обхватив голову руками. Он как будто не участвовал в бурном обсуждении. Приход Ионы остался незамеченным. Он тихонько прошел в дальний угол и сел на свободный стул.

– Что вы предлагаете? Сидеть вот так и ждать, когда нам объявят, что нашу коллегу взяли в заложницы! Или предьявят ультиматум. Вспомните несчастного британца, которого казнили перед камерами. Как он умолял своего премьер-министра! И что? Каков результат? Вы предложите ждать? Я ничего другого от вас не жду. Я знаю, сейчас вы начнете говорить о международной обстановке, о том, что нельзя действовать необдуманно, что мы не дети и нужны взвешенные решения. Я прав? – высокий плотный человек с длинными волосами, картинно разбросанными по плечам, сардонически засмеялся и громко повторил: – Я прав?

– А вот и нет. Я предлагаю прямо здесь и прямо сейчас создать мобильную группу, в которую войдут решительные, смелые, проверенные люди. Конечно, мы поставим в известность компетентные органы, а потом, заручившись их согласием, отправимся на поиски Амины, – темнокожий молодой человек с энтузиазмом стукнул по столу, жестом подчеркнув свою решимость.

Проснулся безучастный Захария.

– Как вы сказали? Я прослушал. Куда и кого мы поставим?

– В известность, компетентные органы, – на смуглых щеках молодого человека заиграл румянец.

– Аааааа, – разочарованно протянул Захария, – ну, тогда, конечно, что и говорить, тогда, конечно, никто никуда не поедет.

Иона, внимательно слушавший спорящих, встрепенулся, услышав знакомое имя.

– Извините, а о чем, собственно, речь? Кого спасаем? – он вопросительно посмотрел на Захарию.

– Ах, да, ты же не в курсе. Спасаем, а в основном, только говорим, как всегда, что спасаем, Амину, – Захария кивнул в сторону присутствующих, – видишь, сколько набралось защитников и спасателей.

– Не понимаю вашей иронии, – длинноволосый человек покачал головой. – Вы же видите, что мы оставили свои дела и пришли сюда, чтобы попробовать помочь.

– Да, извините, – смутился Захария, – вы правы.

– Так что же случилось с Аминой? Кто-нибудь расскажет мне, в конце концов?

Собрание заскучало. Ажиотаж спал, и уже мало кто верил, что бурное обсуждение закончится результатом. Присутствующие под различными предлогами спешно покидали редакцию.

Захария поднял голову, обречено посмотрел на Иону, покачал головой:

– Ты все спишь, грезишь наяву. А Амина, Амина захотела действий. Захотела что-то изменить в мире, в нашей действительности. Она настояла на этой поездке. Заставила меня связаться с одной из неправительственных организаций и отправилась сражаться с ветряными мельницами.

– Куда? – Иона приготовился к тому, что ему придется клещами тащить информацию из Захарии.

– Она уехала в Камерун. Ты же давно не интересуешься политикой. В Камеруне американцы проводят тесты, чтобы получить новое лекарство от СПИДА, на группах риска, в основном, на проститутках. Ты же понимаешь, не маленький, что такие испытания можно проводить только где-нибудь в банановых государствах. Эти несчастные женщины, в основном, неграмотны. Когда я услышал о методике тестов, я тоже возмутился, но не в такой степени, как Амина. До Амины мне далеко! Да.... Двум группам подопытных женщин раздают новое испытываемое лекарство. Первой группе – лекарство, способное защитить от заражения болезнью, как бы, как бы... Это как раз и выясняют: панацея это лекарство от СПИДа или нет; а второй группе раздают плацебо, то есть пустые пилюльки. Говорят женщинам в обоих случаях, что это лекарство, и они могут не пользоваться презервативами, потому что и так не заболеют. Понял? А потом через определенное время, достаточное для того, чтобы заразиться, сравнят результаты обеих контрольных групп. На обезьянках такие опыты обошлись бы дороже. Представь себе, сколько будет стоить каждая обезьяна. Вот, в общих чертах.

Иона внимательно слушал. Богатое воображение и профессия фотографа услужливо нарисовали правдоподобные картинки: медперсонал в стерильных одежках и колоритную толпу женщин, рвущих из рук чудо-лекарство, которое позволит им не думать о скором конце. И самое главное, американцы раздают это средство совершенно бесплатно, как когда-то миссионеры так же даром спасали их заблудшие души. Иона, недавно бросивший курить, невольно потянулся к сигаретам, лежавшим на столе:

– А Амина, надо думать, предполагает просветить камерунских жриц любви и объяснить, какого рода благотворительностью занимаются американцы?

– Да, да, именно так. Ты не представляешь себе, как долго я ее отговаривал. Ты знаешь Амину. Когда она вобьет себе в голову идею, ее невозможно переубедить. Она вся кипела, бурлила возмущением. Я говорил ей о том, что это бесполезно. Эти женщины умерли бы в ближайшее время и безо всякой заботы со стороны американцев. А как знать, чем черт не шутит, вдруг они найдут лекарство, и тогда, представь себе, какое сотворят чудо. Все человечество будет у них в долгу, у американцев. А женщинам поставят памятник, как собаке Павлова. Был такой русский физиолог. Он проводил опыты на собаках. Одной из них за заслуги перед наукой поставили памятник.

– Что ты мне все время русских в пример ставишь: то «Палату №6» Чехова, то теперь Павлова? – возмутился Иона, искавший повод сорвать на ком-то свое раздражение.

– Ты что, забыл, что я русский еврей, а значит, имею к ним, можно сказать, непосредственное отношение. А «Палату №6» Чехова ты сам поминал. И что ты орешь на меня? Если злишься на весь белый свет, совсем не обязательно срывать злость на мне.

– Извини, но ты не досказал, что случилось с Аминой.

– То, что должно было случиться. Она доехала до места, пришла в эту чертову лабораторию и через неделю исчезла. А теперь мы ищем ее, вернее, собираемся искать.

Иона встал.

– Я поеду ее искать, один или с кем-нибудь. Мне все равно. Я могу ехать прямо сейчас.

Захария устало пожал плечами.

– Как хочешь. Возьми себе в попутчики Османа, нашего темнокожего друга, он знаком с тамошними традициями. Я думаю, он согласится составить тебе компанию.

* * *

В ночь перед отлетом Иона видел сумбурные сны. Ему приснилось, что Касиопея гонится за Аминой. Затем к роботу присоединяется восточная танцовщица, и обе они преследуют Амину, чтобы убить ее. А он, Иона, совершенно бессилен. Он кричит, пытаясь предупредить Амину о грозящей ей опасности, но крик остается беззвучным, как в немом кино. Проснулся он в холодном поту, с пересохшим горлом.

В Камеруне все шло своим чередом. Тесты на женщинах продолжались. Об Амине не слышали не только американцы, но и никто из местных испытуемых не откликнулся на просьбу Ионы рассказать об Амине. Амина затерялась в незнакомой стране, и никого не интересовала судьба женщины, прибывшей из благополучной Европы. Люди, привыкшие к смерти, как к соседке, живущей в соседней лачуге, а

еще более привыкшие к невообразимым, невыносимым условиям жизни, равнодушно взирали на деятельных Иону и Османа, так же, вероятно, как и на Амину.

Поиски Амины продолжались целый год. Ионе удалось, наконец, войти в доверие к местной целительнице, конкуренту западных медиков. Она под большим секретом назвала имена и, самое главное, местонахождение людей, захвативших Амину, потребовав прежде поклясться на странном засушенном тарантуле, тотеме целительницы, что Иона и под пытками не выдаст ее этим людям. В обмен на ценную информацию Иона отдал целительнице половину лекарств, которые он привез с собой. В момент, когда Иона и Осман договорились о встрече с шефом группы, приехали эмиссары из Европы, чуть было не испортившие наладившийся диалог. С трудом выведя незадачливых дипломатов, Иона вновь вернулся к кропотливой работе по наведению мостов, увенчавшейся успехом. После изнурительных переговоров, когда создавалось впечатление, что говорят два глухонемых, у которых язык жестов отличен один от другого и никакие другие средства общения им недоступны, наметился прорыв. Удача, как всегда, пришла, облекшись в одежды случая. Осман, везде сопровождавший Иону, но предпочитавший говорить как можно меньше, помня о своем неумном темпераменте, случайно расстегнул рубашку, совершенно задохнувшись в закрытом помещении. Главарь группировки увидел у него на груди медальон древнего африканского племени, почти исчезнувшего с лица земли. Выяснив, что Осман является оставшимся чудесным образом в живых потомком одного из вождей племени, главарь долго выражал свою радость по этому поводу, а затем согласился отпустить заложницу за половину запрашиваемого выкупа. На вопрос Ионы, почему Амину так тщательно прятали и не шли на контакт, главарь ответил, что в таком деле нужна предельная осторожность. Никаких политических требований и прочей ерунды, которой обычно прикрывают одно волнующее всех и каждого требование: денег, как можно больше денег в обмен на жизнь и свободу заложника. Почему такая секретность? Чтобы твою добычу не перехватил кто-нибудь другой. Долгое время не соглашались на встречу? Необходимо время, чтобы поднять цену. Ему, главарю, удалось и то, и другое, к тому же посчастливилось увидеть живого потомка угасшего племени, Османа.

Перед встречей с Аминой Иона вспоминал перипетии этого сумасшедшего года, поставившего с ног на голову многие из прежних представлений Ионы о добре и зле. Он вспомнил о своей последней встрече с Аминой, когда он обидел ее. Почти воочию увидел яркую, эксцентричную, уверенную в себе женщину, успешно скрывающую ранимую душу. Какой она окажется завтра? Будет ли она и дальше пытаться спрятать под бравадой все перенесенные ужасы, или вдруг окажется, что она сломлена обстоятельствами, и он увидит запуганную, неузнаваемую Амину, боящуюся собственной тени? Никогда раньше Иона не испытывал подобного нетерпения и одновременно страха. Он очень ждал и очень боялся встречи с Аминой.

Когда машина с затемненными стеклами подъехала к назначенному месту, Иона почувствовал озноб, охвативший его, несмотря на сорокоградусную жару. Из машины выскочили два охранника, и только потом выскользнула женщина. Иона, как и было обговорено, передал кейс с деньгами главарю, чья физиономия озарилась зубастой улыбкой, и поспешно усадил Амину в джип. Осман с места рванул машину, завизжав тормозами, не веря в искренность камерунца. Только отъехав на приличное расстояние и убедившись в том, что за ними нет погони, люди, сидевшие в машине, решились заговорить. Иона, с первой минуты не отрывавший взгляда от Амины,

услышал ее низкий голос:

– Что, друг, не узнаешь?

Иона не сразу ответил, ком, стоявший в горле, разлился рыданиями. Он прижал к себе тоненькую истощенную фигурку, погладил седую прядь, спускавшуюся на глаза:

– Узнаю, я тебя только сейчас по-настоящему узнал.

Вернувшись в Европу, Иона и Амина погрузились в привычную для них среду, но через несколько лет, подзабыв обо всех перенесенных ужасах, вновь отправились в Африку на помощь обиженным и обездоленным, правда, на этот раз они были вдвоем.

Чрезвычайный Новый год

В конце ноября в самых высших небесных инстанциях стали готовиться к встрече Чрезвычайного Нового года, как его назвали на совещании «отдела, делающего погоду на Земле». В северных столицах решено было не жалеть мороза, снега, вьюг. «Чтобы все было, как положено! И не говорите мне об экономии и нехватке ресурсов. Все равно у нас по плану глобальное потепление. А новое тысячелетие не каждый год начинаем, а посему мороз должен быть нешуточный!» После такого заявления начальника отдела подчиненные забегали и исполнили наказ наилучшим образом. В Москве похолодало, выпал самый первый настоящий, небутафорский снег. К середине декабря декорации были полностью готовы. На улицах лежал толстый слой утоптанного белого снега. Мороз разгулялся, чувствуя свою полную безнаказанность. Невероятно низкая температура приморозила длинные уши троллейбусов к проводам. Машины осторожно, почти на цыпочках, передвигались по шоссе, как по натертому паркету бальной залы. Люди стали похожи на матрешек. Такая же комплекция, бурчаные щеки и полное отсутствие отдельных частей тела.

«Вот и дожили до конца века! Погода лютует. Уходит век. Ждем перемен, как всегда. Столько всяких предсказаний! Опять вытащили Нострадамуса. Как не надоест за столько веков! Люди не научились жить сегодня. А я? Я научился? Ну, дорогой, приступ самокритики не ко времени. Не самое лучшее настроение в преддверии нового тысячелетия. Значит так, вернемся на грешную землю, а еще точнее, в мой гарем. Хе-хе. Недавно услышал, как моя секретарша рассказывала нашей новой бакинке о коллективе. Ну, если разобраться, недалеко от истины. Жаль, не слышал реакции этой зануды. Как там в мультфильме про Дюймовочку: поживет с нами, позеленеет!»

Керим встал, потянулся. Высокий, худощавый, с густой черной шевелюрой, чуть тронутый сединой, элегантно одетый. Керим всегда был франтом, даже когда у него не было больших денег. У него портилось настроение, если он чувствовал себя не к месту одетым. Заметив развязавшийся шнурок, Керим вспомнил, как недавно на этом самом месте его менеджер по маркетингу, шикарная платиновая блондинка, увидев незашнурованный ботинок шефа, опустила на колени, прижала ботинок к глубокому декольте и медленно, глядя в глаза Кериму, завязала шнурок. «Хорошие у меня женщины, надо бы их порадовать! Праздник для души устроить! Не забыть и сирот. Поручить Кларе отвезти детям в интернат одежду и еду. Так! Женщины, дети, это хорошо. Остались неохваченными старики. Ничего, поеду в Баку, там стариков хватает.

Что-нибудь и им перепадет».

Новый год, открывающий третье тысячелетие, стучался в дверь, подстегивал, требовал срочных действий. Керим вызвал секретаршу, каждый раз бледневшую при разговоре с ним, внимательно оглядел ее, получая садистское удовольствие при виде покрывающихся румянцем щек:

– Пригласите ко мне Сандру. Кстати, Лерочка, когда лучше устроить новогоднюю вечеринку? Какого числа? Вы, к примеру, могли бы прийти 31 декабря или у вас уже все расписано?

Бас шефа вибрировал на самых низких нотах.

– Нет, нет. Хотя, да. Я хотела побыть с родными... С мамой, с детьми... – как всегда в разговоре с шефом первые пять минут Лера собиралась с мыслями.

– Если с мамой, с детьми, – шеф забавлялся, ему очень нравилось наблюдать за смущенной секретаршей, – конечно, какой может быть разговор. Вы не придете? Я правильно понял?

– Приду! Обязательно приду! – испуганно выдохнула Лера.

– Вот и чудненько! А остальные, как вы думаете, придут? – он продолжал неотрывно смотреть на секретаршу.

– Не все, наверное, – неуверенно промямлила молодая женщина.

– И кто, по-вашему, не придет? – Керим почувствовал, как накачивается злость.

«Стараясь для этих дурищ, только и думаешь, как им помочь, а они, неблагодарные, надо же... Не все...»

– Не знаю, мне просто кажется... Я не знаю.

– Хорошо, идите, и не забудьте вызвать Сандру.

Через пять минут та самая платиновая блондинка впорхнула в кабинет. Испанское имя Сандра и грузинские корни придавали ей неповторимый колорит. Ее можно было узнать если не из тысячи, то, во всяком случае, из ста человек безошибочно. Красивая женщина, с заметным бюстом, она имела один недостаток. Сандра сама считала это недостатком. У нее был грузинский орлиный нос. Однажды в порыве откровенности она призналась Кериму, что хочет исправить ошибку природы и сделать себе другой нос. Керим усмехнулся:

– Зачем тебе другой нос, дорогая? Если бы он был такой же, как у всех, я бы тебя не заметил.

После такого признания шефа Сандра и думать забыла об операции носа. Напротив, она гордо поворачивалась в профиль, чтобы народ мог полюбоваться эксклюзивным носом, столь непохожим на заурядные курносые носы коренных жителей России.

Не успела Сандра подойти к шефу поближе, как дверь кабинета распахнулась. Высокая стройная женщина славянской внешности стояла на пороге, видом своим напоминая вопросительный знак. Вопрос читался в глазах, в поднятых в изумлении бровях и даже в изогнувшейся лебединой шее. За ее спиной стояла секретарша, беспомощно разводя руками. Керим нахмурился:

– Я не вызывал вас, Нина Петровна. Уж вам хорошо известно, что ко мне в кабинет врваться не стоит. Я вас позову, когда сочту нужным.

У Нины Петровны задрожали губы. Она выскочила из кабинета с единственным желанием не дать пролиться слезам в приемной шефа. Керим молчал. Сандра не решалась заговорить и особенно боялась выдать свое ликование неуместной улыбкой.

«Нельзя им волю давать! Улыбнись только, ласковое слово скажи, все, пропал! Тут же права заявляют. Мизинец дай, всю руку слопают. Кнут и пряник не для них! Только кнут, иногда, очень редко, снисхождение, не иначе».

Взглянул на застывшую в ожидании Сандру:

– Разведка работает! Приходится признать, что вам нечем заняться, только и знаете, что языки чесать и марафет наводить! Садись, что стоишь.

Сандра опустила на краешек стула, позаботившись о том, чтобы стройные ножки, чуть прикрытые мини юбкой, оказались в поле зрения шефа.

Керим оценил маневр, усмехнулся:

– Я позвал тебя, чтобы решить, как мы будем встречать новое тысячелетие. Не каждый год такое происходит. Я хочу, чтобы все было на самом высшем уровне. Как я люблю. В стиле великого Гэтсби. Знаешь, кто такой Гэтсби?

Сандра улыбнулась, поморгала:

– Как его.... Зато я знаю, какой у вас стиль. Шикарный!

– Убедила. Скажу тебе о Гэтсби. Он мой любимый персонаж. Я тебе говорил, ты забыла. Только тряпки на уме! Американский писатель Фицджеральд написал книгу «Великий Гэтсби». Ее стоит прочесть. Ладно. Стол я поручу Кларе. А ты займешься оформлением помещения и развлечениями. Подумай хорошенько, как оформить помещение. И что предложить людям до того, как они дойдут до кондиции и начнут петь и плясать. Я хочу, чтобы было весело! Поняла?! Место я уже выбрал. Мой ресторан рядом с усадьбой «Архангельское». Все поняла? Иди.

Сандра кивнула, хотела что-то добавить, но раздумала и пошла к выходу, не забывая держать спину и делать мелкие шаги.

В приемной счастливо улыбающаяся Сандра столкнулась с секретаршей шефа Лерой и новым менеджером, так некстати появившимся в их дружном коллективе. Женщина, бакинка, которую они так и называли между собой, не спешила вливаться в коллектив. Одна только Лера могла похвастаться ее симпатией. Бакинка что-то возбужденно рассказывала секретарше. Сандра прошла мимо, продолжая улыбаться.

Лютый мороз на улицах произвел обратный эффект, накалил страсти, бушующие в небольшом уютном офисе, расположившемся в одном из самых престижных мест российской столицы. Волнующий вопрос обсуждался во всех помещениях. Будет ли иметь продолжение «Битва гигантов», либо одна из соперниц оставит поле боя? Женский коллектив стал еще больше напоминать гарем Абдуллы из незабываемого фильма «Белое солнце пустыни». Женщины разделились на два лагеря: самые молодые и перспективные выступали за Сандру, те, кто постарше, опытнее, находились в стане Нины Петровны. Несколько мужчин, волею случая оказавшихся в коллективе, и примкнувшие к ним секретарша и бакинка сохраняли нейтралитет.

Наступил канун большого праздника. Женщины только и говорили, что о нарядах и о развлечениях, придуманных Сандрой. Нина Петровна загадочно молчала. Керим решил заглянуть в ресторан, чтобы посмотреть, что придумала Сандра, и уточнить меню. Вся обслуга была предупреждена о приезде шефа. Как всегда, первым в помещение устремился телохранитель Костя с металлоискателем. Он обшарил все помещения, пока Керим разговаривал по телефону. Телохранитель вернулся, и шеф в сопровождении свиты из местного ресторанного персонала стал обходить залы.

«Все-таки я был прав. У Сандры есть вкус. Если бы я поручил это Нине или

Кларе, то обязательно пионерско-комсомольские уши торчали бы отовсюду».

В зале для детей он наткнулся взглядом на забытые олени рога из старого интерьера и тут же подозвал стилиста.

– Рога? Почему здесь остались рога? Чья это задумка? Ваша или Сандры?

Молодой человек растерянно оглянулся на рога:

– Не помню. Но если вам не нравится, то мы их уберем.

– Не нравится! Кому понравятся рога?! Если он не охотник, конечно. Детям должно быть весело, понимаете? А тут какие-то рога! – Керим улыбнулся, чувствуя, что может показаться смешным.

Идея пригласить свой персонал с родными и близкими, а значит, и с детьми, осенила Керима после разговора с Лерой. Репутация благодетеля и радушного, заботливого хозяина, в свое время заработанная еще молодым, становившимся на ноги бизнесменом, с каждым годом приобретала новый блеск. Доходы росли, а вместе с ними – масштаб бизнеса и благотворительности. Присущий Кериму широкий размах сказывался во всем.

Праздник, любимый всеми, наступил. Русские люди, трепетно относящиеся ко всем праздникам, будь то «День мелиоратора, нефтяника, подводника...», отдавали откровенное предпочтение Новому Году. Не последнюю роль в этом сыграла старинная привычка начинать новую праведную жизнь с понедельника или с первого числа следующего месяца, а еще лучше – с первого дня Нового года. Эта ослепительная надежда на то, что в Новом году все волшебным образом изменится в лучшую сторону, не покидала людей из года в год.

Керим позаботился обо всем. К 7 часам вечера к офису были поданы комфортабельные автобусы. Веселые, нарядные, окруженные детьми и немногочисленными мужчинами, женщины занимали места в автобусах. Две главные дамы – Сандра и Нина Петровна уже находились в ресторане. Они в качестве радушных хозяек должны были встречать гостей.

Праздник начался с вешалки. Ловкие гардеробщицы помогли дамам, их детям, редким мужьям скинуть шубки, дубленки, валенки, сапожки. Дети занимались представленными к ним артисты. Их отвели на второй этаж, в отдельный зал. Для них была приготовлена особая программа. Мамы, красавицы с замысловатыми прическами, в ярких нарядах, входили в роскошный зал, блестящий, словно новогодняя елка. Каждого из гостей провожали на место. Столы ломились от яств. Черная и красная икра в больших посудинах красовались на всех столах рядом с маленькими симпатичными елочками. Началась программа. На сцене, под громадными сверкающими цифрами 2000, появились девочки в символических одеяниях и заплясали что-то среднее между канканом и русским народным танцем. Народ разогревался. За отдельными столами, особенно там, где присутствовали мужчины, зазвенели бокалы, лица стали терять чопорное выражение, глаза заблестели.

Сандра и Нина Петровна сидели в разных концах зала в окружении единомышленников. Веселье набирало обороты. Все ждали главного персонажа праздника. Наконец появился он, Керим, в окружении незнакомых гостей и знакомого певца Добродеева. Керим оценил обстановку и прошел к столу, где сидела Нина Петровна. Женщина поднялась с места, встречая дорогого хозяина. Лицо ее светилось торже-

ством. Керим поднял бокал, и тут же в зале стихли разговоры. Бас шефа без напряжения проникал во все уголки огромного зала. Он произнес простой тост, обойдясь без восточных прихотливых словесных метафор. Поздравил присутствующих с наступающим Новым годом, Новым тысячелетием. От него не требовалось длинных речей. Самые простые его слова подхватывали и цитировали.

Запел Добродеев, некоторые из гостей стали подпевать. После певца на эстраду вышел фокусник с мартышкой. Сандра подошла к нему и стала что-то нашептывать ему на ухо. Нина Петровна, почувствовав неладное, прошла в дамскую комнату. Керим казался довольным. Он оживленно беседовал с гостем, которого привез на своей машине:

– Скажите, Жорж, как вам нравятся мои люди? Они раскованы, не правда ли? Посмотрите, что эта мартышка выделяет! А все придумала Сандра, мой менеджер по маркетингу. Способная и красивая женщина! Как вы считаете, Жорж? Вам весело?

Жорж, одетый в светлый костюм и вместо привычного галстука повязавший шелковый платок, ярким пятном выделялся на фоне темных вечерних туалетов дам и официальных костюмов мужчин:

– Что вам сказать, дорогой Керим? Мы все знаем, как вы умеете веселиться! Не нам вас учить! Наоборот! У вас есть чему поучиться! Правда, признаюсь, я ожидал чего-то особенного, необычного.

Керим хитро улыбнулся:

– Надеюсь все-таки оправдать ваши ожидания.

Нина Петровна возвратилась к тому моменту, когда конферансье произнес любимую фразу женщин: «Белый танец». Нина Петровна оказалась ближе к Кериму и Сандре пришлось довольствоваться певцом Добродеевым. Почти все, кто пришел на праздник, оказались на танцполе. После белого танца, открывшего дискотеку, появился диджей. Керим вдруг с удивлением разглядел бакинку, танцующую в бешеном темпе с охранником Леонидом.

«Не ожидал от нее такой прыти. Тихоня тихоней, а посмотри, как пляшет».

Керим подошел поближе. Сандра тут же оставила фокусника с мартышкой и затанцевала, извиваясь наподобие восточных танцовщиц.

После продолжительных «половецких плясок», утомивших народ, Нина Петровна предложила спеть. Запела сама грудным голосом раздольную русскую песню, подхваченную сидящими за ее столом людьми. Песня сменялась песней, сильный голос Нины Петровны солировал.

Сандра, почувствовав, что инициатива уплывает из рук, встала, подошла к распорядителю. Через несколько минут со второго этажа потек ручеек детей. Громко крича, размахивая воздушными шариками, дети устремились в зал. Вместе с ними спустились клоуны с куклами, и самым последним шел внушительных размеров человек, чьи плечи и шея были обвиты громадным питоном. Две веселые девочки в нарядных платьицах шли рядом с человеком, пытаясь погладить страшного компаньона великана.

– Дети, идите сюда! Сейчас же! – раздался крик Леры. Она выскочила из-за стола и подбежала к девочкам. Схватила обеих за руки и потащила прочь от ужасного питона.

– Мама, он совсем ручной. Мы все его держали на руках, он такой милый!

Лера налила себе минеральной воды и стала пить ее мелкими глотками, пытаясь унять икоту.

Тем временем Сандра подошла к великану, протянула руку, провоцируя питона. Змею понравилась блондинка. Он охотно пополз по изящной руке и через мгновение любовно сжимал талию Сандры в кольцо своего трехметрового тела. Все гости застыли на местах. Жорж не отрывал глаз от бесстрашной красавицы. Нина Петровна побледнела. Сандра подошла к столу, где сидели Нина Петровна с Керимом:

– А вы не хотите погладить Змея? Нина Петровна? Вы же такая смелая! Вы ничего не боитесь! Даже меня!

«Праздник удался! Не зря я старался! Где еще увидишь такое?! Гладиаторские женские бои в Риме были круче, наверное, но и питон не плохо, не плохо...»

Керим оглядел замерших гостей, задержался на Жорже, от удивления раскрывшем рот, и в последнюю очередь взглянул на Нину Петровну. Она побледнела, на лице был написан страх вперемежку со злостью и отвращением к страшному змею и еще в большей степени к Сандре. Керим выступил в качестве освободителя и миротворца. Он кивнул великану, мгновенно оказавшемуся возле Сандры, обвитой питоном. Великан нагнулся к питону, и тот, словно послушная комнатная собачка, вернулся на его плечи, с сожалением оставив тонкую талию блондинки. Керим встал, взял за талию Сандру, подошел к Нине Петровне, обнял ее другой рукой и громко произнес на весь зал: «Ребята, давайте жить дружно!». Призыв шефа подкрепили залпом фейерверка, устроенного в честь Нового года. Салют, цветы, подарки, – все смешалось в финальном аккорде.

Наступивший год внес изменения в жизни многих из персонажей описанных событий.

Керим никогда не забывал принципа, которому следовал в бизнесе – «разделяй и властвуй», и на этот раз он использовал тот же прием. Нину Петровну и Сандру он определил в разные офисы, устав развлекаться непрерывными боевыми действиями. Лера и бакинка ушли, не вписавшись в дружный коллектив. Леонида он уволил.

В самый канун следующего Нового года к нему позвонил Жорж:

– Керим, поздравь меня, я женюсь. Приглашаю тебя на свадьбу, можешь привезти с собой свой гарем! Свадьба состоится под Новый год.

– Жорж, ты женишься?! Не верю! Ты?! Говори скорей, на ком?

– На женщине моей мечты!

– И кто же это?

– Ты ее не знаешь! Но я думаю, что ты меня поймешь! Я женюсь на танцовщице, исполняющей танец живота, бель данс! Но она танцует не одна. Угадай, кто ее партнер?

– Неужели питон?! – Керим вспомнил восхищенный взгляд Жоржа.

– Угадал!

Керим положил трубку и тут же вызвал к себе Сандру, желая воочию убедиться в том, что платиновая блондинка, вдохновившая его друга, старого холостяка, на безумство, все так же находится в его подчинении и не помышляет ни о ком другом.

СОДЕРЖАНИЕ ЗА 2018 ГОД

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Салаев Г. Владимир Высоцкий – поэт, певец и гражданин своей страны. № 1
Талыбова А. Стихи. № 1

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МИКАИЛА МУШФИГА

Касумова Е. «Пока будет вселенная, будут и стихи». № 6

ЭЛЬЧИН -75

Ахундова Э. Опаленный «шестидесятыми». Мне отмщение и аз воздам. № 6
Касумова Е. Право выбора. № 6
Эльчин. Игры дьявола. Пьеса. Пер. Халиловой Н. № 6

ПАМЯТИ МАНСУРА ВЕКИЛОВА

Касумова Е. Вехи. № 10
Талыбова А. Музыка на обочине февраля. № 10

ПАМЯТИ ИВАНА ТРЕТЬЯКОВА

Третьякова А. Десять лет без тебя. № 12

КАРА КАРАЕВ – 100

Натаван Фаиг. Это – Караев! № 12
Октай Мир-Касым. Штрихи к портрету. № 12

ПРОЗА

Али Т. Мирза Халил и кот в мешке. Повесть. № 9
Агасиев Н. Отражения-2. № 4; Отрывок из задуманного. № 11
Агамамедова Г. Новогодние грезы. № 12
Андреева Е. Миниатюры. № 3; Рассказ. № 9
Багирова Л. Неуслышанные разговоры. Новогодняя сказка. № 1; Новеллы. № 5; Осенние зарисовки. № 12
Баргушадлы Р. Чёрные тучи. Рассказ. Пер. Аббасова Д. № 1
Бегим Л. Абрамов Э. Immolatio. Пьеса. № 7
Берколайко М. Баку – Воронеж – не догонишь. № 12
Беюкчель К. Рассказы. Пер. Мамедова Н. № 10
Гафланоглу А. Пересечение судеб. Повесть. Пер. Мустафаевой Е. № 3
Гидаят. Здесь тьма полчищ пронеслась. №№ 5,6
Гуревич Л. Рассказ. № 2

Джалилов А. Рассказы. №№ 1,8
Джумазаде В. Ностальгические истории. № 11
Жданов А. Рассказ. № 2
Ибрагимов Н. Рассказы. № 5
Ибрагимбеков М. Отъезд антрополога. Повесть. № 1
Касумова Е. Зарисовки с натуры. № 1; Рассказ. № 5
Мамедли Н. Рассказы. Пер. Саидова А. № 6
Манафов Ш. Юмореска. № 9
Мехти Т. Гость из подсознания. Роман. №№ 7, 8
Октай Мир-Касым. Синдром Самурая. Повесть. № 11
Орен М. Белые облака. Повесть. Пер. Мамедова Н. № 10
Ошевнев Ф. Рассказы. № 6
Расулзаде Н. Седьмая ночь. Рассказ. № 4; Холодный месяц октябрь. Рассказ. № 8
Рустамли Т. Добро пожаловать в вечность. Эссе. № 3
Сахавет С. Посторонний (отрывок из романа «На бегу»). Пер. Каракмазли Д. № 8
Султанлы В. Сон забвения. Повесть. Пер. Аббасова Д. № 2
Тофикгызы Г. Рассказы. № 4
Умуд Л. Рассказ. № 7
Фикрет Годжа. Люди ясного мира. Повесть. Пер. Калякиной Т. № 10
Эльчин. Рассказы. Пер. Халиловой Н. № 9

ПОЭЗИЯ

Агаев Т. Хайку. Стихи для детей. № 1; Агаев Тофик – 85. Стихи и переводы. № 9.
Аранович С. Стихи. № 8
Велиханова В. Стихи. № 12
Верескунова Т. Стихи. № 4
Воронина Н. Стихи. № 7
Гусейн Ф. Стихи. Пер. Мамедова Н. № 2
Гюн Н. Стихи. Пер. Мамедова Н. № 10
Зарубин В. Стихи. № 6
Зац. Л. Венок любви. № 3
Зейналлы И. Стихи. № 1; Разбивая янтарь. № 11
Зверев М. Стихи. № 12
Ибн аль-Мутазз. Стихи. Пер. Долининой А., Гинцбург С. № 1
Игольников В. № 9 Стихи.
Канапьянов Б. Стихи. № 5
Караджамирли В. Стихи. № 2
Каракмазли Д. Новые переводы. № 1
Койчуев Б. Стихи. № 8
Ловкова И. Стихи. №№ 3; 9
Мамедов Н. Стихи. № 1
Мамедов. Р. Стихи. № 5
Мамедзаде С. Болгарские мотивы. Стихи. № 4; Воспоминание. № 10
Махмудова Э. Стихи. № 9
Меджид Р. Стихи. Пер. Бабуллаоглу С. № 9
Мирзоева Р. Стихи. Пер. Мамедзаде С. № 5
Нехрамли А. Стихи. Перевод с азербайджанского. № 7
Нурафиз. Стихи. Пер. Мамедова Н. № 6

Раков А. Стихи. № 2
Рафиггызы А. Венок сонетов. № 8
Салаев Г. Стихи. № 6
Сальман М. Стихи. № 2
Саришвили В. Стихи. № 11
Субхи С. Стихи. № 4
Цырульник В. Стихи. № 4
Эминли Г. Стихи. Пер. Мамедова Н. № 10
Ягубов А. Стихи. № 8

ПУБЛИЦИСТИКА

Агаев Э. Ай, «той-вай»! № 6
Агамамедова Г. Два этюда. № 2; Путешествие из Баку в Лянкяран и обратно. № 7
Аскеров Р. Созидатель. № 10
Ахмедов Т. О книге Лятифы Мирзоевой. Пер. Халиловой Н. № 5
Ахундова Э. Контакт длиною в 60 лет. № 4; Найти себя. № 10
Багиров А. Юбилей – новый горизонт жизни. № 10
Багирова А. Жанр сонета в азербайджанской поэзии. (1929 -1950) № 7
Бабаев А. Прадед Шаха Исмаила Хатаи. Дом лянкяранского хана. № 7
Багирова Л. Жажда жизни. Эссе. № 1; Внимание к людям. Павел Нилин. Эссе. № 4; Голоса поэтов. Эссе. № 7; Ветер. Эссе. № 8
Буланова О. Искрящийся родник духовности. № 7
Верховский М. Из навеянного. № 2; Праздники, праздники. № 3; Президент открывает Америку. № 5
Гаджиев А. Мои встречи с Чингизом Айтматовым. № 5
Гулиев В. Он познакомил мир с исламским искусством. № 11
Джафарова Т. Загадка старой фотографии. № 9
Зейналов А. Истинный тюрк. № 3
Имамалиев И. Патриарх авторской песни. № 9
Касумова Е. Письмо неисправимой оптимистки. № 11; Два поэта. № 12
Мамедов Н. В поисках смысла истории: о романе Эльчина «Голова». № 4
Мамедов Ю. По тропам топонимики – к Шахдагу. № 7
Манафов Ш. Бакинский Woodstock. № 8
Мир-Багирзаде Ф. «Искендер-наме» Низами в ориентальной миниатюристике. № 12
Натаван Фаиг. «Чтоб это сыграть, нужно терять, понимаешь...» № 1; Рожденные болью, или Право на «браво!» Франгиз Ализаде. № 2; Памяти Чингиза Садыхова. № 11
Рустамзаде А. Огнем любви к прекрасному. № 8
Султанова Г. Влюбленный в Азербайджан. № 5
Талыбова А. И жизнь, и слезы, и любовь... № 9
Фейзуллаева А. Япония в духовно-творческом обогащении К. Бальмонта. № 4; Азербайджанская литература в период АДР. № 5
Фуад Э. Мне хватит лишь того, чтоб жили мои стихи... № 10
Хакимов А. «Ф» значит – фантастика. № 6; Всего лишь маска. № 8
Ханджанбекова Ф. Борис Вишневкин о городе детства, о жизни, о музыке. № 8

